А442

онъ побѣдилъ врага

ПУК

С Е Р И Я

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Ордынский период. Часть Азии

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
От Ивана III до Бориса Годунова.
Между Азией и Европой

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Семнадцатый век. Между Европой и Азией

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Царь Петр Алексеевич. Азиатская европеизация

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Эпоха цариц. Евразийская империя

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Первая сверхдержава

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОВЕСТЯХ И РОМАНАХ

ОГНЕННЫЙ ПЕРСТ

БОХ И ШЕЛЬМА

ВДОВИЙ ПЛАТ

СЕДМИЦА ТРЁХГЛАЗОГО

ОРЕХОВЫЙ БУДДА

ДОБРОКЛЮЧЕНИЯ И РАССУЖДЕНИЯ ЛУЦИЯ КАТИНА

МІР И ВОЙНА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

БОРИС АКУНИН

МІР И ВОЙНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «История Российского государства» издается с 2013 года

Оформление переплета — А. Ферез

Иллюстрации — И. Сакуров

Заставки, форзацы и шмуцтитулы — И. Сакуров при участии М. Душина

Консультант по иллюстрациям — М. Черейский

Акунин, Борис

А44 Мір и война: [роман]. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 272 с.: ил. — (История Российского государства в повестях и романах).

ISBN 978-5-17-082578-3

Детективный роман Бориса Акунина, действие которого разворачивается на фоне грозных событий войны 1812 года, является художественным приложением к седьмому тому проекта «История Российского государства». Такой пары сыщиков в истории криминального жанра, кажется, еще не было...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© B. Akunin, автор, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Том первый

МІР

Глава I
СМЕРТЬ НА МІРУ

И юня 13 дня мокрым серым утром случилось страшное.

Деревенские всем міром собрались на берегу разбухшей от двухнедельных дождей Саввы помолиться о вёдре. Стояли с непокрытыми головами, многие на коленях, у мужиков ко лбам прилипли волосы, у баб потемнели волглые платки, отец Мирокль то и дело стряхивал рукавом с бороды капли. И вот взывает он к пастве своим дишкантом «Посли хлеб твой на лице воды!», взманивает рукою на речку, все обращают туда взоры — а на темной, пузыристой глади колышется нечто пунцовое.

Тишка Косой, который был к берегу ближе всех, первый углядел — красный ситец. И полез доставать. Зачем хорошей вещи зря мимо плыть? Но Катина этого еще не видела, потому что находилась подле попа с приличествующим оказии просветлением на лице и присомкнутыми очами. В действенность климатических молитв Полина Афанасьевна не верила, но знала, что они полезны для народного

умонастроения, за тем и присутствовала, являя собою единение с обчеством. Она готовилась пребывать в сей скучной позиции еще долго, но когда услышала крики и движение, сразу открыла когда-то лазоревые, а с годами выцветшие до бледной голубизны глаза. Вслушалась, вгляделась, вникла.

Крики были: «Утопница, утопница!». Движение же в толпе образовалось двоякое: одни кинулись к реке — поглазсть, другие шарахнулись от жути подальше, и первых было много больше, чем вторых.

— Извольте, матушка, вот вам иллюстрация к нашему давешнему спору, — вполголоса сказал помещице отец Мирокль (он был человек маловозмутимый, философ). — Любопытство в человеческой природе сильнее робости.

— Да ну вас, — махнула Катина, ибо всему ж свое время, и пошла наводить порядок.

Перед нею расступались.

Полина Афанасьевна сразу поняла: покойницу принесло течением сверху, ибо тут место мелкое, не потопнешь. Платье зацепилось за мостки.

Экая докука! Плыла бы себе дальше, к соседям. Люди из-за долгих дождей и без того кислые, а от такого поганого знамения вовсе заунывятся.

— Что встали? — Помещица сердито повернулась к мужикам. — Доставайте.

Только оказалось, ошиблась она. То была не докука, то была беда.

Мертвица, когда ее перевернули, оказалась своя, вымираловская. Палашка Трифонова. Хорошая, ясная девка, совсем молодая, шестнадцати что ли лет. Лучшая во всем селе грибница-ягодница, всегда из лесу приходит с полными лу-

кошками. Катина думала ее через годик, когда соком нальется, за кузнецкого сына выдать.

Эх, горе какое, запечалилась Полина Афанасьевна. Не бродить соку в сем бедном теле, питать ему червей подземных. Как же это она, глупенькая, угораздилась?

Тут, понятно, завопили бабы. Палашкин отец, Трифон Михайлов, протиснулся, растерянно забормотал, вертя головой влево и вправо — только бы не смотреть вниз:

— Не ночевала... Думали, к тетке Матрене в Аксиньино пошла, а оно вона что...

Матери, Лукерьи Трифоновой, на берегу не было, она на молебен не пришла, дома лежала хворая. Но за ней уже побежали, конечно. Приведут. Лукерья и так-то заполошная, а тут вовсе исступится. Подхватят другие, развоются, раскликушествуются, и начнется Вавилон, соображала Катина.

— Что глазеете? — прикрикнула она на баб. — Подите, подите!

Мужикам велела:

— Поднимайте, в избу несите. Нечего ей, бедной, в жиже валяться.

Крестьяне подняли тело из воды, шаг-другой сделали, да и уронили на землю, а сами отскочили.

Будучи поднятой, покойница провисла на руках, заколыхалась, словно была из теста иль студня.

— У ней кости все давленые! — завопил кто-то.

И понеслось:

— Лешак! Лешак! Палашку в лесу Лешак раздавил!

Пусто стало вокруг. Подле трупа осталась одна Полина Афанасьевна.

Стало быть, и до нас добралось, подумала она. Значит, не докука это и не беда, а много хуже: злосчастье. Не Вавилон будет, а Содом с Гоморрой.

Мир и война

...Из реки Саввы, медленно текущей через густые звенигородские леса, через аржаные-овсяные поля, через травяные луга, уже вынимали девок со сплошь переломанными костями. Когда такое случилось впервые, прошлым летом, люди подивились столь диковинной смерти. Родные поплакали, да схоронили упокойницу на церковном кладбище, и ничего такого не подумали — на всё воля Божья. Но после второй утопленницы о Боге уж не говорили, только о Лешаке.

Это сказка такая, ее бабы детишкам по всей округе рассказывают, чтоб одни в лес не ходили. Будто живет в чаще, по кустам-оврагам лесной бес, весь в медвежьей шерсти. Кто с ним встретится — пропал. Обхватит Лешак своими лапищами, сожмет до костяного хруста, прильнет к устам и высосет живой дух, которым питает свое лешачье естество. Переломанное бездыханное тело кинет в болото, иль в озеро, иль в речку.

Слушая, как сельчане поминают Лешака и бабы подвывают от ужаса, а некоторые и визжат, Полина Афанасьевна подосадовала, что прежде мало заботилась этими вздорами и даже толком не знала, сколько раз оно такое приключалось. Трижды, четырежды? Катина мало интересовалась тем, что происходило вне ее владений. Страшных утопленниц находили далеко — в десяти, в двадцати верстах. А тут сгубили не чужую какую-то девку, а свою Палашку, да прямо у порога! За своё и за своих вымираловская помещица стояла крепко. И сейчас ею владел не страх, а ярость. Сдавила горло, мешала дышать.

Кто бы душегубство ни произвел — Лешак ли, Дьявол ли, людь иль нелюдь — по за Палашу он заплатит, пообещала себе Катина. Землю с небом местами переверну, а сыщу.

СМЕРТЬ НА МІРУ

Однако сначала нужно было успокоить курятник. Так раскудахтался, что мысль не соберешь.

Голос попа, пытавшегося увещевать паству, тонул в гаме, охах, плачах, причитаниях.

— Устыдитесь! — взывал священник. — Суеверие и самопугание приличны малым детям, но не зрелым мужам с женами! Придумываете сказки, а после сами в них верите! Сообразите сами! Какой Лешак? Кто его видывал? Воистину: «Егда хочет показнити человека, отнимает у него разум»!

Но его не слушали. Отец Мирокль у деревенских почтением не пользовался, очень уж витиеват и трудноглаголен. Иное дело староста Платон Иванович — его уважали.

Этот не кричал, рук не воздымал, а шел через скопище, ворковал по-голубиному своим жидким, ласковым тенорком (ему и прозвище было Голубь):

— Бабоньки, любезные, угомонитеся, о детках своих подумайте. Вон они, бедные, сжалися от ваших криков, ночью спать не будут. Степан, жену обними, успокой. Митрий, посмейся дочке, козу сделай — вишь, белая вся, трясется.

И где пройдет Платон Иванович, становилось тише. Только дети пищали, а взрослые уже нет.

Уверившись, что Голубь с міром совладает, Полина Афанасьевна о деревенских думать перестала и занялась чем следовало.

В свои 62 года была она вся седая, но мышцей упругая, в движениях спорая. Наклонилась над мертвым телом, стала его щупать, шевелить. Понадобилось — присела на корточки.

Эх, Палаша, Палаша, что ж с тобой приключилось?

Судя по изгибу тулова, позвоночный столб сломан, и, может, не в одном месте. Ноги тоже — гнутся во все стороны. Будто молотили в десять дубин. Однако синяков и сса-

дин нигде нет. На запястьях только кожа содрана. От грубой веревки? Но почему борозды такие широкие, будто волочил кто или со всей силы дергал? Надо будет раздеть донага и повсюду осмотреть, подумала Катина. Не здесь только, не на виду, а в тихом месте.

Подвязывая покойнице отвисшую челюсть, перекладывая на грудь замечательно густую, длинную косу, помещица заметила в волосах что-то мелкое, белое. Решила, речной камешек. Стала вынимать — оказалось, крохотная костяная пуговичка, какие бывают на рукавах.

«Ах вот как? — сказала себе Полина Афанасьевна. — Лешак, значит, у вас с манжетами ходит?». Хищно оскалила ровные зубы, с возрастом нисколько белизны не потерявшие. Отец Мирокль про них говорил, что это наивернейший признак природной крепости, ибо dentes sani in corpore sano, сиречь в здоровом теле здоровые зубы. Катина и правда отроду не хворала.

Примечательную находку она положила в карман. Прошептала сама себе (была у нее такая привычка): «Кто ты, гадина, ни будь, за эту пуговичку я тебя и ухвачу. От пуговицы к рукаву, от рукава к руке, а от руки дотянусь и до горла».

Обернулась на толпу. Там опять шумели. Это прибежала из дому, с другого конца села, Лукерья, покойницына мать.

— Палаша-а-а! Палашенька-а-а! Рожёная моя, рощёная! Золотко мое ненаглядное! Кровинушка!

Да прочее всякое. Бабы с девками, конечно, тут же подхватили. Но Катина им разводить вой не дала.

Распрямилась, крикнула своим замечательно звонким голосом:

— Эй, тихо там!

И стало тихо.

— Слушайте, что скажу!

СМЕРТЬ НА МІРУ

Все придвинулись ближе, встали тесно.

Речь помещицы была короткой.

— Тут дело злодейское! Не Лешак нашу Палашу порешил, а лихой человек! И я буду не я, коли ирода этого не добуду и не покараю! Даю вам в том мое катинское слово. А вы слово мое знаете.

И потом, уже вполголоса, старосте:

— Лукерья пускай повоет, но чтоб держали за руки. Не давайте ей на тело пасть. Покойницу взять плавно, в восемь рук. Положить на широкую доску, а лучше на столешницу. Снести ко мне на двор, в скобяной сарай. Трифону объясни: по закону так положено, для розыска убийцы.

Дальше совсем тихо, шепотом:

— Девку всю раздень, бережно. По бокам обложи льдом. И дозорного поставь перед дверью, чтобы никто не совался.

Платон Иванович ответил:

— Всё исполню, матушка-голубушка. А только дозорного ставить незачем, на зряшное человека от работы отнимать. К Палагее никто ни за какие калачи не заглянет. И сарайку стороной обойдут.

— Твоя правда, — согласилась Катина. — Что я учу ученого. Распорядись там как надо. А мне вели оседлать каурого. Поеду в Звенигород, к судье.

И скоро уже, четверти часа не прошло, гнала быстрой рысью под моросящим дождем по клеверному лугу, по выгону, мимо околицы большого, широко раскинувшегося села Вымиралова.

Глава II

ВЫМИРАЛОВСКАЯ ПОМЕЩИЦА

Ныне трудно было и поверить, что тридцать лет назад селение стояло безлюдное и безвидное, будто покинутое душою тело; пустые дворы позаросли травой, пыльные окна тусклились осколками. Первый раз увидев сей позеленелый труп, Катина ощутила нечто вроде родственности. Она тоже после утраты супруга, погибшего в пугачевскую смуту, некое время чувствовала себя полой оболочкой, треснувшим сосудом, из которого вытекла содержимая влага.

В прежней, молодой и счастливой жизни, Полина Афанасьевна обитала в иных краях, на широком и высоком волжском берегу, в мужнином имении. Но простить тамошним крестьянам измены и бунта не пожелала (относилась к прощению не по-христиански), и по умирении мятежа в разоренное гнездо больше не вернулась. Деревню со всеми жителями продала, перебралась в Москву и прожила

там с сироткой-сыном лет десять. Однако ж, заметив, что мальчик растет бледен и не умеет отличить вяза от ольхи, решила, что здоровее и во всех смыслах полезнее увезти маленького Ростислава подальше от городской пыли и московского общества, которое хорошему не научит. Жить надобно вне Москвы, но поблизости, чтоб не задичать в глуши.

Поездила по окрестностям, прикидывая, как бы за меньшие деньги купить лучшее, и наткнулась на мертвое село Вымиралово. Раньше оно называлось Муралово, по владельцам Мураловым, которым в Звенигородском уезде принадлежал десяток деревень и эта самая большая, с господским домом. Но в чумовое поветрие семьдесят второго года крестьяне все до одного перемерли от заразы, и село прослыло клятым местом. Мураловы оттуда съехали в Москву, дом перевезли, оставив один фундамент, а селение запустело. Хозяева его отдавали за бесценок.

Никогда бы Катиной с ее невеликими средствами не купить ближнее подмосковное поместье с полями, лугами и лесом, если б не чума.

Землю приобрела задешево. Основные деньги потратились на заселение. Полина Афанасьевна купила пятьдесят парней и пятьдесят девок, выбирая штучно, с умом, с приглядом на будущее: чтоб были работящи, сильны, не гнилого нрава. И, конечно, сразу примеряла, кого с кем оженит.

Сейчас, тридцать лет спустя, село смотрелось необычно. Дома все крепкие, схожие, стоят по линейке. Стариков-старух вовсе нет — одна только помещица. И сразу видно, что живут здесь небедно. Не трудно забогатеть, если все работники молоды, а хозяйка рачительна.

Конечно, за столько лет вымираловцы сильно размножились, уж третье поколение наплодилось. По последней переписи числилось за Катиной 333 взрослых души обоего

пола (она ведь еще и новых прикупала), да почти столько же отроков с отроковицами, а малолетних детишек Полина Афанасьевна не считала, потому что они к жизни еще не цепки и легко мрут.

Помещичествовала Катина без чувствительности. К своим крепостным относилась заботливо, но глупости и лености не потакала. Делила собственность на живую и неживую, и средь первой людей от скотов сильно не отличала. Крестьяне у нее содержались точно так же, как лошади в образцовой вымираловской конюшне: чисто, сыто и в постоянной работе.

Чем двуногие отличны от четырехкопытных? Да мало чем. Каждый на что-то гож, на что-то нет. Есть которые понимают ласковое слово, и есть, кто без кнута не повезет. Иногда встречаются дурные либо строптивые, от которых и кнутом ничего не достигнешь. Над такими крепостными Полина Афанасьевна попусту не тиранствовала, а поступала как с норовистой или ленивой лошадью: расчешет гриву, нашелкович бока, да и продаст — пускай другие мучаются.

Зато уж годных людей, кто прижился и прирос, никому и никогда ни за какие деньги не продавала — как впрочем и лошадей. Свой значит свой. Непродажный. Сама определяла, кого к какой работе приставить, сама учила, понадобится — лечила, решала, когда и на ком жениться, в беде если что не оставляла. Сентиментальный описатель, верно, назвал бы вымираловское общежительство большою семьей, но не склонная к нежностям Катина мыслила крестьян стадом, а себя пастушихой, не видя в сей аллегории никакого ругательства. У ней был лошадиный табун и три стада: человечье, коровье, овечье. И все образцовые. К примеру, коровы с овцами ходили на пастбище и обратно сами, без кну-

ВЫМИРАЛОВСКАЯ ПОМЕЩИЦА

та и собачьего лая. Потому что приучены хорошими пастухами. Недавно сосед граф Толстой предлагал за коровьего пастуха большие деньги, полторы тысячи, и дошел до двух, но Полина Афанасьевна, как уже было сказано, своих не продавала.

Человеков она делила на три сорта — как тех же лошадей, которые, смотря по резвости и стати, годны под седло, под гуж или под пахоту. Крестьян, кто взросл умом, помещица определяла в арендаторы, с полною свободой хозяйствования и установленной долей. Бойких, кому каждодневничать скучно, отправляла зарабатывать оброк. Тяжелозадых, вялокровных держала на барщине. И всяк был на своем месте.

Покойный муж у Катиной был идеалист и мечтатель, верователь в равенство и благотворность свободы. Полина Афанасьевна тогда была юна, сердечно любила своего избранника, а значит, любила и все его суждения.

Но прекраснодушие предало супруга, а сам он предал любящую жену: взял да погиб, оставив ее на свете одну с разбитым сердцем и раздутым животом. И всё из-за своих руссоистских бредней!

Простить покойнику этой измены Катина так и не смогла — прощать, как уже говорилось, она умела плохо. До сих пор мысленно корила своего Луция, спорила с ним, всё что-то ему доказывала. Он в тех видениях помалкивал, но чувствовалось: не сдвигается, и за это она на него сердилась. Правда ночью, когда муж снился, никогда с ним не бранилась, а только сильно радовалась, что живой, и всегда просыпалась с мокрым лицом. Днем-то у Полины Афанасьевны исторгнуть слезу могла только чистка сырого лука, который она зимой употребляла для здоровья.

А доведись бы ей все же поспорить с Луцием наяву, сказала бы, что на свете никакого равенства нет. Оно и природой не предусмотрено. Кто-то хороший работник, а кто-то плохой. Кто-то умен, а кто-то глуп. Кто-то всем в радость, а кто-то всем в тягость. И ценить человеков одной ценой — это дорожить худого и дешевить доброго. Хороший рысак-иноходец стоит вдесятеро, вдвадцатеро более подводной лошаденки, и никто ведь в том несправедливости не видит?

И свобода тоже очень мало кому нужна. Может, из ста людей одному иль двум. Прочим же надобно, чтобы их вели, говорили, что делать и чего не делать, да только попусту не обижали бы. Взять тот же крепостной обычай, который муж-покойник считал величайшим российским злом, причиной всех бед. А ведь это издавнее устройство

не чьим-то коварным промыслом образовалось, а природным укладом отечественной жизни, всей историей, опытом многих испытаний. Русским средь их неласковых лесов и неплодородных полей, под морозной зимой и засушливым летом, средь извечных нашествий с трех сторон света, пришлось жить сплоченно, общинно, міром: вместе трудиться, вместе обороняться. А когда вместе, то это семья иль, ежели без милоты говорить — тело. В нем, в теле, как? Наверху голова думает, решает. Ниже плечи — тяжесть держать, руки — работу делать, ноги — по земле ходить. Всякому органу и члену свой труд и своя ответственность. На что ногам свобода? Или, упаси бог, рукам? Куда им без головы?

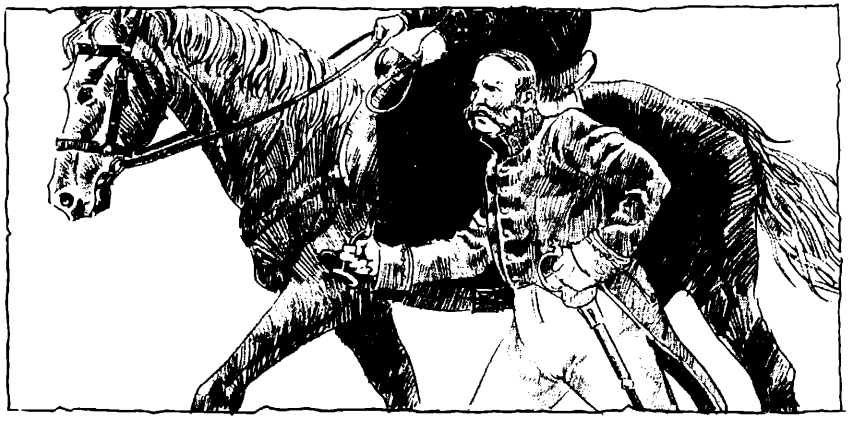
Конечно, с головы, то есть с помещика, главный за всё спрос. Тело ему — работой, он телу — заботой. И если что не так, виноват барин. Не доглядел, не додумал, забаловал, задурил. Будь Полина Афанасьевна царицей, она крепостной лад не трогала бы, но за господами установила бы строгий надзор: сыты ли их крестьяне, не обижаемы ли, хорошо ль содержатся. Коль что не так — наказывала бы бар, как наказывала она деревенских, кто худо обходился со своей скотиной.

Вот чего міру недостает — справедливости, а то «свобода»! Тех же немногих вольнолюбцев, кому без свободы жить невозможно, насильно удерживать не нужно и нельзя. Таких крестьян Катина отпускала на оброк и, ежели срывались с привязи навовсе, вестей не подавали, никогда в розыск не объявляла. Не хочешь возвращаться — не надо. Несколько раз беглых за бродяжничество ловила полиция, доставляла к помещице, так она, хорошенько с человеком поговорив и убедившись, что жить смирно все одно не станет, выправляла ему вольную. Бог с тобою, живи своим умом, я за тебя боле не ответчица.

Мир и война

Лет десять назад, по воцарении молодого государя, в Москве и в уездном дворянском собрании пошли слухи, что крестьян будет велено отпускать на волю, и многие сильно тем тревожились. Беспокоилась и Катина, представляя, во что превратится ее Вымиралово, если крестьян самих на себя оставить, без материнской указки и материнской же строгости. А по всей России такое учинится? Вообразить страшно. Как в армии, где нижним чинам скажут: всё, братушки, командиров боле не слушайте, службу исполняйте кто как хочет, а ружья-сабли теперь ваши.

Но слава богу, нашлось подле царя довольно трезвых людей, отговорили. Или, может, сам в возраст вошел, поумнел. Уберег Россию Господь. Рано ей еще пропадать.



Глава III
КАПИТАН-ИСПРАВНИК

Вот о чем размышляла Полина Афанасьевна, когда, сидя в седле не боком, а прямо, по-мужски, рысила сначала вдоль речки, плоским лугом, потом светлым, молодым, ею же высаженным сосновым леском, потом Поганой чащей, которую недавно откупила у соседа и наметила на вырубку. О розыске больше не думала, ибо зачем по второму разу ходить тем же кругом. Выяснятся новые обстоятельства — тогда и будем голову ломать.

На следствие Катина не полагалась. С теми смертями ничего не установили, и с этой не почешутся. Произвести розыск Полина Афанасьевна намеревалась сама, а в Звенигород, к председателю уездного суда Егору Львовичу ехала за сведениями о прежних утопленницах. Может, вдобавок к найденной пуговке сыщутся и другие следы? Ведь осматривала же полиция трупы, что-то записывала, кого-то опрашивала.

И надо же случиться такому везению, что, отъехав от Вымиралова всего на три версты, то есть еще даже не на

полдороге к городу, повстречала помещица земского капитана (иль капитан-исправника, что одно и то же) Кляксина, который и был полиция, уездный оберегатель порядка. Его-то судья и призвал бы по вымираловскому делу.

Появился исправник странно. Вылез из кустов распаренный, пыльный, без шапки и щека в длинных царапинах, но Катина больше обрадовалась, чем удивилась. Теперь в Звенигород можно было не ехать.

— Севастьян Фаддеич, вы-то мне и нужны! На ловца и зверь! — крикнула она, сжав конские бока крепкими коленями — каурый сразу встал. И только затем спросила: — Что это с вами?

Кляксин был человек бывалый, раньше служил в московской полиции и даже, кажется, ловил там преступников, но земским капитаном его избирали уже на третий срок, и от тихой звенигородской жизни Севастьян Фаддеич раздобрел, обленился. Катиной он напоминал отслужившую лягавую, которая уже не годна для охоты и доживает свой собачий век на псарне, греясь на солнышке. (Старых бесполезных собак Полина Афанасьевна не выгоняла и не пристреливала, а за былую службу держала в почетной отставке, на сытном пенсионе.)

Исправник впрочем был еще не стар, но прежний нюх растерял. Помощи в сыске Катина от него не ожидала. Надеялась, однако, что Кляксин по старой полицейской привычке составлял о странных смертях протоколы. А может, и помимо них запомнил что-нибудь полезное.

— Беда, сударыня! — сердито отвечал исправник, утирая платком багровую плешь с расползшимся зачесом. Бакенбарды у него тоже растрепались, один пышный ус был выше другого. — Поехал обкатать новоприобретенную лошадь, а она понесла. Да через ямы, через кусты! Изволите ли ви-

КАПИТАН-ИСПРАВНИК

деть — сбросила и сбежала-с. Рукав порвал, фуражку где-то обронил. А главное, где теперь кобылу, чертовку, искать? Лес большой, а в нем волки-с. Дотемна не найду — сожрут. Разорение какое! Я ведь, Полина Афанасьевна, не то что вы-с, с двенадцатью душами вдовствую-сиротствую, на трехстах десятинах. Для меня, старика, лошадь потерять куда как чувствительно.

— Бросьте, какой вы старик. Вы лет на десять моложе моего, — сказала Катина, оглядев его молодцеватую фигуру. Что-то она была подозрительно узка в талии и грудь колесом. Не корсет ли? — О лошади не печальтесь. Велю — найдут и приведут. А вы ступайте-ка лучше со мной. У меня дело по вашей части.

И поведала про страшную речную находку.

Севастьян Фаддеич, однако, выслушал невнимательно, его больше занимала сбежавшая лошадь. Он несколько раз перебивал рассказ, спрашивая, точно ли найдут беглянку и скоро ли. В конце концов помещица осердилась и прикрикнула:

— Хватит вам вздор молоть! Сказано: найдут — значит, найдут. Федьке конюху поручу, он свое дело хорошо знает. А вы беритесь вон за стремя.

Кляксин еще заикнулся, что желательно также сыскать и фуражечку, почти совсем новую, но всадница пустила лошадь скорым шагом, и капитану пришлось умолкнуть. Семенил рядом, слушал.

Дослушав, сказал:

— Пятая, значит. Ежели от безымянной считать.

— От какой такой безымянной? — не поняла Катина.

— Которую вынули из реки тому с год, точней не упомню. Неустановленной личности. Но тоже молодая совсем девка, вся переломанная. Потом две были осенью, одна за другой, и еще зимой одна, подлёдная. Тех-то всех установили, кто и откуда, а первую никто не востребовал. И пухлая вся была, синяя, долго в воде пробыла, смотреть жутко. Так и закопали.

А больше ничего дельного рассказать не смог, ссылаясь на свою многозаботность и что времени немало прошло. Подумав, сообщил только, чьи были вторая, третья и четвертая утопленницы, и то, возможно, напутал. Потому что про третью сказал, что она графская, а Полина Афанасьевна точно знала, что девка была потаповская. Ее хозяин, старик Потапов, отставной секунд-майор, прошлой осенью заезжал и долго, в подробностях рассказывал, да Катина за недосугом слушала вполуха. Плохо, что на Великий пост

Потапов помер, черт бы его драл, и теперь сызнова не расспросишь.

— А протоколы есть, как не быть, я службу знаю. Слава богу при Архарове Николай Петровиче взрастал, во времена строгие, не то что нынче, — ответил исправник на важный вопрос о том, велись ли по прежним случаям записи. Ну спасибо и на том.

Так до усадьбы и добрались.

Дом у Полины Афанасьевны был славный. На старом каменном фундаменте поставила она строение из звонкой янтарной сосны, велела покрыть ее пористой итальянской штукатуркой — получилось и нарядно, и воздушно. Стены дышали: зимой держали тепло, летом — прохладу.

Двор был обширен. Не столько пригож (красивостями Катина не увлекалась), сколько разумен. С одной стороны — длинная, поделенная на ячеи изба для прислуги, с другой — всякие хозяйственные постройки, а конюшни, домашний коровник, маслобойня, пекарня и прочее отнесены подальше, за сад, чтоб не докучали шумами и запахами.

Бедную Палашу должны были положить в скобяном сарае, где хранился разный железный инструмент. Туда помещица, спешившись, и повела служивого человека.

Как и предсказывал многоумный староста Платон Иваныч, перед сараем было пусто, да и во дворе никто, как обычно, не расхаживал. Попрятались от нехорошей покойницы, поняла Катина, заметив за стеклами людской избы лица. Надо будет после с дворней поговорить, ввести в разум.

Староста всё исполнил, как велено.

Девка лежала на верстаке нагая, обложенная глыбами льда. Волосы у ней высохли и завились, распушились. Она ведь кудрявая была, Палагея, вспомнилось помещице. А те-

перь вот лежит худенькая, бесприютная, нестерпимо жалостная. От этого зрелища у Полины Афанасьевны стиснулось сердце, а брови сдвинулись. Ну погоди, Лешак или кто ты там, дай срок.

— Вы прежних видали, теперь поглядите на эту, — сурово сказала она исправнику. — Есть что сходное?

Кляксин прошелся круг верстака, поглядел, пожал плечами.

— Все были девки, все того ж тощего возраста. Они ведь пока соком не нальются, не засисятся, все одинаки. — И спохватился: — Прошу извинить-с.

Но Катина на жеребячьи слова внимания не обратила.

— Помогите-ка ей ноги раздвинуть. Да осторожней берите, они во все стороны гнутся!

Заглянула в женское место, но чего ожидала там не обнаружила.

— На прежних следы насильства были?

— На двух, какие свежие, не было, — уверенно молвил исправник. — А у двух, которые тухлые, я и смотреть не стал. Противно-с.

— Что запястья? Ободранные были иль нет?

— Не припомню-с, — удивился Кляксин. — И зачем бы я стал глядеть?

Архаровец знаменитый, мысленно обругала его помещица.

— Помогите перевернуть. Да плавнее! Экий вы!

Осмотрела покойницу сзади. Задница у ней была странного сине-черного цвета, но не от побоев, кожа всюду цела. Полина Афанасьевна предполагала, что труп тащили по земле на веревке, это объяснило бы следы на запястьях, но тогда остались бы ссадины от волочения. Их не было.

Развернула и осмотрела уже сухое платье. Тоже цело. Нет, по земле покойницу не волокли. Непонятно.

КАПИТАН-ИСПРАВНИК

Севастьян Фаддеич наблюдал за действиями хозяйки с недоумением, но вопросов не задавал и вообще вел себя смирно. Крутой нрав вымираловской помещицы был в уезде известен.

— А вот взгляните-ка, что я у ней в косе нашла. — Катина вынула из кармана давешнюю пуговку, положила рядом с Палашиной одеждой.

Капитан нагнулся, посмотрел.

— И что-с?

— Это с рукава. Кто-то схватил ее за волосы, она билась, пуговка и оторвись. У злодея с манжета.

— Очень возможно-с, — не стал спорить Кляксин. Не заинтересовался.

Полина Афанасьевна смотрела на него в упор. Ждала, пока сообразит.

— А-а, — протянул исправник после некоторой мыслительной работы. — Вы это в рассуждении, что через оторванную пуговицу можно будет преступное лицо сыскать? Пустое-с. Поверьте опыту. Вот я в Москве по полицейской части служил. Всякие злодейства расследовать доводилось. Там у нас как было? Если нашли труп со следами убийства, начальство велит добыть виновного, и тут уж вынь да положь. Берешь на улице иль в кабаке какого-нибудь приблудного бродягу, малость поубеждаешь, он и винится. Тебе награда, обществу успокоение. А тут ведь у нас деревня-с. Чужие не бродят, взять некого. Мало ли кто пуговицу потерял. Никогда мы никого не сыщем.

— А для чести вашей капитанской не зазорно? — осердилась Катина. — Неужто и расследовать не станете? Ведь пятый случай.

— О чести пускай люди высокого полета думают, им положено. А я человек средний, без фанаберий.

— Как это «средний»?

КАПИТАН-ИСПРАВНИК

Севастьян Фаддеич охотно объяснил — должно быть, сам вывел теорию и был ею горд:

— Средний человек — это, изволите ли видеть, не пыль подножная вроде мужичья, но и не высоколетная птица, а некто вроде меня-с, с моей малой землицей и двенадцатью душонками. Ведь общество, оно как устроено-с? Взять хоть анатомическую аллегорию, — показал на мертвое тело. — Наверху гладкая кожа, ниже — мышцы, еще ниже — кости и неприглядная, но питающая организм требуха-с. Таково и государство. Приятная взору кожа — это вельможи и прочие возвышенные особы. Кости и требуха — простонародье, для тяготы и грязной работы. А мясо, мышцы — это средние люди, ими вся держава управляется и движется. Без нас никуда-с.

Страна философов, каждый второй — Еклесиаст и Гераклит Ефесский, а прямого своего дела никто не исполняет, раздраженно подумала Катина. Ей было неприятно, что и сама она мысленно общество уподобляла анатомии — как этот дурень.

Решила зайти по-другому.

— А ежели я вас награжу? Рублями пятьюдесятью? Не за просто так — за полезную помощь?

Кляксин молодцевато вытянулся.

— С дорогой душой, матушка, и с великим усердием! Перво-наперво... — Призадумался. — Перво-наперво похожу по окрестностям, поищу место злодеяния. Ее, Палашку вашу, ведь где-нито умертвили, так?

— Так, — одобрила логический тезис Катина.

— А она, поди, умирать не хотела, брыкалась. Пуговку вон злодею оторвала. Может, где натоптано? Второе: ее ведь где-то в воду сволокли. Вдоль реки пройду, по обоим берегам.

— Нет, сударь, вы лучше вот что. Поспрашивайте по соседним деревням, не появлялся ли кто чужой. Крепкого сложения, чисто одетый.

— Почему чисто одетый? — затруднился понять исправник.

— У крестьян рубашки с пуговичками на манжетах разве бывают?

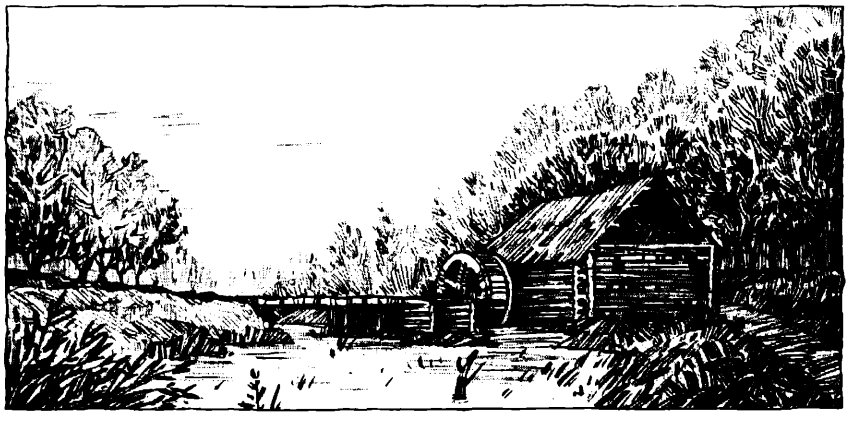
Севастьян Фаддеич просветлел:

— Ваша правда! Тут не город, таких людей мало, и они приметны! Найти, проверить, на месте ли пуговицы... Ну, вы, Полина Афанасьевна, голова! Позвольте пуговку с собой захватить.

— Здесь пускай полежит, — рассеянно ответила Катина, думая уже о другом.

От этого болвана, пожалуй, прока не жди.

Надо собирать Синедрион.



Глава IV
НА ГОРЬКОМ МЕСТЕ

Название придумал отец Мирокль, любивший красивые слова. «Синедрионом» священник прозвал встречи узкого круга вымираловцев, которых помещица созывала, чтобы посоветоваться по какому-нибудь мудреному поводу.

В число сих немногих избранных входили сам поп, который за многим празднословием нет-нет, да и порождал нечто дельное; попадья матушка Виринея, рот раскрывавшая нечасто, но всегда к месту; и, наконец, мудрый староста Платон Иванович.

Собирались у священника. Полина Афанасьевна заметила, что в барском доме, средь непривычной обстановки, советчики не то чтоб робели, а как-то немного деревенели. У попа всем было свободней.

Обсуждали всякое: хозяйственное, общественное, иногда тяжбное — если Катина не была уверена, как справедливей разрешить спор или ссору между крестьянами. Но сегодняшнее дело было из ряда вон — злое, страшное, где

от порхающего умом попа и тихого старосты могло оказаться не много пользы. Помещица задумалась, не ввести ли наконец в совет нового члена, мельника Лихова. Она размышляла о том уже некоторое время, и случай показался подходящим. Опыт и знание людей подсказывали Полине Афанасьевне, что для столь лихой оказии Кузьма Лихо (такое у мельника было прозвище) будет гож.

С Кузьмой, однако, было непросто. Мужик башковитый, работает за десятерых, но с червоточиной. В селе Лихова сильно чтили и сильно боялись. Очень уж крут нравом. Иногда укусит его некая бешеная муха — и беда. Будто в человека зверь вселился. Кидался на сельчан, дрался смертным боем. Двух мужиков покалечил, так что буяна в полицию забирали. Оба раза Катина выкупила Кузьму за взятку, потому что очень уж ценный работник, да и как без мельника. Ну и потом таким дурным он бывал не всегда, а лишь по временам, словно припадочный эпилептик.

После второго случая Катина попробовала рукосуя вразумить. Объявила: если кто впредь пожалуется на твое лиходейство, буду наказывать деньгами. За обычные побои заплатишь обиженному десять рублей, за тяжелые — пятьдесят, а коли опять кого покалечишь — не посмотрю на убыток, отправишься в каторгу. И жену свою Агафью чтоб больше не бил. Увижу на ней синяки — пеняй на себя.

Лихо выслушал хмуро, ничего не ответил, повернулся и ушел. Потом прибегала Агафья. Валялась в ногах, плакала, просила в их с Кузьмой жизню не проникать, милые-де бранятся только тешатся. Агафья была горбунья, но баба золотая: безропотная, тихая, вечная труженица и великая богомольница, каждый престольный праздник ходила паломничать по окрестным монастырям. В деревне все ее жалели, что с извергом живет.

Но делать нечего. Влезать между мужем и женой нельзя. Со стороны на иных супругов поглядеть — ад и ужас, а это

у них такое счастье. Ибо никогда не угадаешь, какому человеку что нужно. Есть женщины, да и мужчины, которые жертвенностью тешатся.

Катина удовольствовалась тем, что скандалы после того объяснения с Кузьмой прекратились. Скоро она узнала (секретов в Вымиралове от помещицы не бывало), что мельник драться не перестал, но завел обычай потом поколоченному платить за обиду рубль или два — оно выходило дешевле. Умный мужик, что сказать. Деревенские ничего, терпели.

Конечно, того прежнего, лютого Кузьму звать в Синедрион помещица не стала бы. Однако некоторое время назад произошло дивное диво. Агафья ходила-ходила святых заступников молить о помощи и наконец выпросила избавление. На прошлого Иоанна Предтечу была она в дальнем хождении, к Матушке «Умягчение злых сердец», поставила перед Богородицей многие свечи, положила тысячу земных поклонов — и свершилось Божье чудо. Умирился нравом Кузьма Лихо. Сделался не так гневлив, как раньше, а руками махать вовсе прекратил. И жену больше не бил. Вымираловские и поражались, и радовались.

У Катиной, в чудеса не верившей, было для сей метаморфозы свое объяснение. Мельник сделался немолод, лет сорока пяти или около того, а значит, вышел из дурного кобелиного возраста. Она такие чудесные превращенья видывала и раньше, во всех сословиях. Мужчины — они с годами лучшеют. Дурмана в крови становится меньше, нутряная ярость перебраживает, и коли есть ум, он начинает возобладать над природой. То же, верно, случилось и с Кузьмой.

Теперь он сделался решительно всем хорош. Не говоря уж о том, что самый первый из всех хозяин, наследственный распорядитель водяной мельни, построенной еще его дедом.

Сама Катина хлеба не растила, только овсы, которые в муку молоть не надо, но ее мельница пользовала соседей: помещиков — за плату, крестьян — за десятую часть зерна. Однако работа это урожайная, осенняя, а Кузьма не сидел сложа руки и в остальное время года. Разводил в пруду рыбу, весной заготавливал лед и хранил его в особом подвале — потом в летнюю жару продавал за хорошие деньги. И зимой, когда другие крестьяне спят на печке, не бездельничал — возил в своих справных санях грузы до Москвы и обратно. Управлялись они вдвоем с женой, без помощников, а оброк платили десятерым впору, по тысяче рублей в год.

На мельню Полина Афанасьевна пошла сама. Во-первых, чтобы лично сообщить Лихову о великой чести. Во-вторых, поглядеть на них с Агафьей еще разок — оставалось в ней некоторое сомнение. А в-третьих, был вторник.

Третья причина даже могла считаться первой. По вторникам Катина всегда ходила на Лебяжий пруд. Там, за плотиной, на малом мысочке, средь тихих вод, у нее был похоронен единственный сын. Покойник муж в ожидании ребенка, которого так и не увидел, думал наречь отпрыска Аврелием, в честь императора-стоика, но философическая гибель супруга так ополчила вдову на любимую им античность, что дитя было названо попросту, по-русски — Ростиславом. С сыном Полина Афанасьевна открыла иное счастье — не жаркое женское, а безмятежное, материнское. Однако лишилась и его.

Плохое оказалось имя Ростислав. Мальчик вырос и потянулся за славой. Еще с младенчества, по тогдашним непременным правилам, он был записан в полк; ни разу ни услышав барабана, выслужил офицерский чин и однажды ушел на войну, с которой не вернулся.

НА ГОРЬКОМ МЕСТЕ

Теперь в беседке над водами камень, на нем высечены две надписи. Повыше **Ростислав Луциевич Катин (1775–1800)**, пониже **Полина Афанасьевна Катина (1750–18..).** Осталось только поставить две последние цифры.

Проживши жизнь, Полина Афанасьевна могла с твердостью сказать, что не любит мужчин. Их и нельзя любить, не нужно. Потому что никчемные мужчины любви недостойны, а если попадется некий, которому захочется отдать всю себя, то в конце концов он обязательно предаст, погнавшись за какой-нибудь мужской химерой, заберет с собою всю радость и половину души, разобьет сердце и собирай потом осколки, не склеишь.

С гибелью мужа в Полине Афанасьевне умерла та половина души, в которой жила страстная любовь. Но осталось зерно, откуда вскоре чудесным растением произросла совсем другая, но не менее сильная — к сыну. Слабо любить Катина не умела. Наверное, любовь была даже чересчур сильной. Иначе с чего бы Ростиславу от матери убегать? Он делал это дважды. В первый раз недалеко, в объятья глупой, пустой девицы, с которой, как и следовало, скоро заскучал. Меж матерью и сыном вновь было восстановилась близость, но дурной мужской зов утянул молодого глупца за тридевять земель, на ненужную войну. Там, в кровавой кобелиной сваре, всего двадцати пяти годков, он и сложил свою кудрявую, прекрасную, безмозглую головушку. Померкла у Катиной вторая половина души, вслед за первой.

Узналось, что корнет Катин пал при штурме какого-то Чертова моста (что за названье!). Сорвался в пропасть.

Обычная мать погоревала бы, заказала поминальный молебен, поставила бы по церквам и монастырям свечи. Но не такова была Полина Афанасьевна.

Едва дождавшись замирения, она отправилась в далекую Швейцарию, отыскала то проклятое место и спусти-

лась в пропасть на веревках. Там гнило немало тел, но Катина нашла единственное, какое искала. Не заплакала, бестрепетно поцеловала родинку на чудом не истлевшем лбу, увезла останки с собой, не стала хоронить в нерусской земле.

На кладбище, среди чужих мертвецов, тоже не положила. Закопала гроб в самом красивом вымираловском месте, где когда-то учила маленького Ростислава плавать и вода оглашалась звонкими криками, смехом — звуками счастья.

С тех пор всякий вторник, в день похорон, в любую погоду приходила сюда. Сегодня как раз был вторник.

Идя мимо громадных старинных дубов, самый высокий саженей в двадцать, Полина Афанасьевна нарвала колокольчиков, которые здесь были удивительно сини. Но на памятник не положила — там и так всё было в цветах. Жившая рядом мельничиха никогда не оставляла могилу без украшения. Зимой клала еловые ветки, весной подснежники или вербу. Делала она это не только перед вторниками и не из подобострастия, Катина это знала. Как-то пришла сюда помещица в неурочный день, смотрит издали — горбунья стоит перед беседкой на коленях, кладет поклоны. О чем молилась — бог весть. Может, вовсе и не о Ростиславе Луциевиче, а о чем-то своем. В церковь идти надо, а тут вот он, крест, рядом с домом.

Посидев на скамеечке с сомкнутыми веками, Полина Афанасьевна открыла глаза — да прищурилась. В небе светило солнце, которого не было видно уже две недели. Вот тебе и бесполезность молебствий! Ну, теперь отец Мирокль заважничает.

Опустила колокольчики в воду, пускай плавают. Пошла вдоль берега к мельнице.

НА ГОРЬКОМ МЕСТЕ

...Кузьма вышел в горницу, вытирая мокрые руки. Поклонился госпоже, как всегда, небрежно.

— Где окарябался? — спросила она про багровые царапины на запястье.

— Щуку из садка доставал. Зубастая, стерва.

Одевался Лихов не по-крестьянски, а богато, по-купечески. Даже дома ходил в малиновой шелковой рубахе, с узорчатым пояском. И Агафья, даром что всегда в черном, тоже держала себя нарядно. По воскресеньям приходила в церковь, повязав голову шелковым платком, платье носила тафтяное, а то и бархатное. Сейчас-то, хлопоча по хозяйству, была в холщевой рубахе и домотканой поневе, но всё чистое, ни одной заплаты. «Очень уж забога-

тели, мало оброка беру, — подумала Катина, — надо бы повысить».

Хозяева встали рядом, и она не в первый раз подивилась причудливости сплетения человеческих судеб — это была диковинная пара. Полина Афанасьевна, опытная женильщица, никогда бы такую не соединила. Но Лиховы — единственное семейство, которое не померло в чуму и досталось ей вместе с мельней от прежних владельцев, поэтому Кузьма сыскал себе невесту сам.

Он высокий, очень красивый со своим уже немолодым, суровым, будто высеченным из камня лицом, со светлыми кольцами волос, с не по-мужицки короткой бородой, которую стриг «чтоб не болталась». Она приземистая, раздутая в верхней части туловища, с мелкими чертами, разве что большие ясные глаза хороши. Глядела Агафья не на барыню, а на мужа. Когда он был рядом, она всегда смотрела только на него, по-собачьи, вечно виноватая за свой горб и свою бездетность. И Кузьма, надо отдать ему должное, обычно бывал с женой уважителен — пока не впадал в свое бешенство, теперь уже прежнее. И как было Агафью не уважать? Мало того, что работница, так еще и грамотна — виданое ль для деревенской дело? Отец ее был дьячок, выучил. Ради замужества она записалась в крепостные, что и понятно: кому она, такая, спонадобилась бы? Но Кузьме от нее вышла великая польза. Горбунья вела учет, без которого на мельнице нельзя, углем надписывала мешки — от кого какие получены. Получилось, не прогадал мельник, а что детей Бог не дал, то это благо, склонна была думать Катина после своей потери.

— Поразмыслила я и решила, что мало я тебе уважения оказываю, — сразу перешла она к делу. — Раньше ты и не заслуживал, а теперь, когда дурить перестал, дело иное.

Лихов слушал настороженно, но без страха — боязнь в людях Катина чувствовала.

НА ГОРЬКОМ МЕСТЕ

— Не обижает он тебя больше, Агаша?

— И никогда не обижал, — твердо ответила горбунья. — Колотил только, когда бес вселялся, а ныне Божьей милостью бес вовсе отженился.

— Уважения прибавить желаешь, барыня? — спросил мельник с понимающей усмешкой. — И на сколько рубликов?

Умен, подумала Полина Афанасьевна и сомневаться, годен ли Кузьма в Синедрион, перестала. Но сначала, коли уж он сам про это завел, сказала про оброк.

— Думаю, еще сотенка в год тебе не в наклад выйдет. Ты, я гляжу, новую пару лошадей прикупил. Значит, думаешь кого-то в помощь по извозу брать. Дам тебе одного из сыновей Ефима Петухова, их там шестеро. За работника платить станешь сто пятьдесят. Годится?

— Сто двадцать, — ответил Лихов.

— Сто пятьдесят. Зато и честью тебя жалую. Ввожу в число ближних моих советчиков. Нынче в три часа пополудни к попу приходи. Будем вместе думать.

Помедлив, Кузьма спросил:

— Случилось что?

Мельничные жили недалеко от села, всего в версте, а все ж наособицу. Не слыхали еще.

— Случилось. Проводи меня, по дороге узнаешь.

Не захотела Полина Афанасьевна при мельничихе про жуткое говорить. Агафья была баба чувствительная. Разохалась бы, повалилась бы причитать перед иконами. Мертвая Палаша была ей крестница.

Когда шли вдоль пруда, под дубами, помещица рассказала о приключившейся беде.

Кузьма только брови насупил. Коротко молвил:

— Твоя воля, барыня. Отобедаю — приду на вашу сторону.

— Что это за «наша сторона»? — спросила она, заинтригованная.

— У нас в семье про деревню всегда так говорили. Тут, на пруду, наша сторона, за полем — ваша.

Лихов редко бывал так разговорчив. Должно быть, все-таки взволновался от оказанной ему чести, и Катина решила воспользоваться, выведать побольше про этого нелюдимого, но важного для хозяйства мужика, тем более он теперь будет в Синедрионе.

— И как же ты тут жил, на отшибе? Неужто и с мальчишками деревенскими не знался?

— Так померли же все. Одни мы остались. Потому что сами по себе, и колодезь свой. У меня сестра была Фирка, близняха. Вдвоем с ней росли. Будто и нет больше никого на свете, только мы двое, и всё вокруг наше. Пока ты не объявилась и новых мужиков-баб не привела. Но это когда уже было...

— Где ж ныне твоя сестра? Что-то не помню я ее.

— Фирка-то? Померла давно, — равнодушно ответил мельник.

Полина Афанасьевна знала, что простые люди не сентиментальны: кого не стало, того не стало. И позавидовала.

Ей бы тоже не мешало этой мудрости научиться.

— Ладно, ступай домой. И гляди, не опаздывай. В три часа пополудни.

— Не опоздаю, — буркнул Кузьма.

Глава V

ЗАСЕДАНИЕ СИНЕДРИОНА

И верно, к церковному подворью он явился минута в минуту с помещицей. Подъезжая верхом, она увидала, как Кузьма входит в ворота. Взращенная в городе, Полина Афанасьевна первое время долго удивлялась, как это крестьяне, не имея хронометров, всегда знают точное время, даже когда нет солнца и пасмурно. А теперь и сама без малейшего сомнения — по движению воздуха, по оттенку света — определяла который час. Мудреная швейцарская луковица с секундной стрелкой, оставшаяся помещице от ученого супруга, давно была отдана Сашеньке для ученых измерений.

Вымираловская церковь, при ней поповский дом, занимала самое возвышенное место села — весьма впрочем скромный холмик. Колокольня торчала единственной вертикалью над гладкой равниной, будто перст со златым ногтем, указующий человекам, о Ком им, грешным, надлежит ежечасно помнить. Храм был возведен прежними хозяевами

Мураловыми. Сама Катина на этакую вавилонскую турусину тратиться не стала бы.

Во дворе барыню встретил Варрава, который был и дьячок, и звонарь-пономарь, и за всё на свете прислужник. Обитал Варрава в сарайке. Никто его, козлоблеющего, жидкобородого, ни в грош не ставил. Крестьяне дразнили Бяшей, попадья гоняла в хвост и в гриву, отец Мирокль считал недоумком, но жалел.

— Почтительнейше ожидаем вашу милость, — с поклоном молвил дьячок и сунулся подать руку, чтоб помочь Катиной спуститься с коня.

Сто раз ведь встречал ее и отлично знал, что Полина Афанасьевна в его услужливости не нуждается. Оттолкнув

пятерню, помещица сердито фыркнула и спрыгнула наземь. Варрава раздражал всех, было у него такое несчастное свойство. Ходил он всегда в одном и том же: на голове линялая скуфейка, подрясник в заплатах — донашивал старое за священником. Катиной бросился в глаза высунувшийся из черного рукава манжет нижней рубахи — обтерханный, но с маленькой белой пуговкой.

И войдя в горницу, Полина Афанасьевна первым делом посмотрела всем собравшимся не на лица, а на руки.

Пуговиц тут не было только у Кузьмы-мельника, пришедшего в малиновой косоворотке, однако и у него, куркуля, дома в сундуках-ларях тоже, поди, сыщется немало покупных одежек не без застежек. У отца Мирокля — само собой. От кого Варраве ветхая рубаха досталась? Староста Платон Иванович в прошлом был московский житель и одевался по-городскому. Из-под обшлагов длинного черного сюртука манжеты не торчали, но на груди, в разрезе, белели перламутровые кругляшки́. Платон Иванович был в одежде аккуратист и чопорник, но не из важничанья, а по вере. Любил повторять: «Господь неприглядности не одобряет».

Вымираловский староста был человек особенный. Взялся он вот как.

Развернув хозяйство, Полина Афанасьевна поняла, что без помощника ей не управиться. Но где взять такого, чтоб был толков и честен, чтоб радел не о своей пользе и не о собственном семействе, чтоб строгих правил, но нравом не крут, крестьянам не мучитель? Зная человеческую природу и устройство міра, Катина хорошо понимала, что для управления обществом потребны два начальника — один строгий, другой ласковый. Чем более люди боятся первого, тем охотнее слушают второго. По строгой части помещица отлично справлялась сама, характер у нее был камень. Взять бы в подручные кого доброго.

Долго ломала над тем голову и однажды озарилась. Увидела в окно, как пес Кусайка, выхолощенный за неукротимую злобу и с тех пор смирнехонький, ласково играется с кухаркиным малышом. Хлопнула себя по лбу, засобиралась в Москву.

Потолковала там с полицмейстером (у помещицы всюду в нужных местах были полезные знакомцы). Потом с тюремным начальником. Еще и других порасспрашивала.

Искала среди тайных сектантов-скопцов, кого вылавливают и отправляют на высылку. Так на Платон Ивановича и вышла. Он раньше на скопческом «корабле» был подкормщик, то есть ведал у них общинной казной. Известно, что самоувечные богомольцы в делах оборотисты, но при этом безупречно честны.

Прежде чем выкупить арестанта из тюрьмы, Катина, конечно, обстоятельно с ним поговорила. Спросила напрямую, как делала всегда: зачем же ты такое над собой сотворил?

Платон Иванович охотно объяснил — он был сердечен с людьми любого звания.

— Для чистоты, матушка-голубушка. Человек он ведь какой? Из грязного и чистого слеплен, напополам. Грязь — это стыдное, грешное. Оно всё через низ идет, от срама. Так отсеки срамное от тела, оно отойдет и из ума. Раньше я был зол, завистлив, до чужого охоч. Бывало увижу бабу иль девку — не в очи, Божьи окошки, смотрю, а на стати. Думаю: эх, повалить бы ее где иль прижать. А ведь у бабы тоже душа вечная. Освободился от тяготы — будто камень скинул. Так-то легко стало, свободно, радостно! Господи Иисусе, Никола угодник, да кабы человецы ведали, какое счастие чистым быть — все бы охолостились. Никто б не дрался, не кобелился, и все б друг дружку жалели, любили.

ЗАСЕДАНИЕ СИНЕДРИОНА

Катина слушала и думала, что не так это глупо. В общем, забрала тихого человечка из острога и ни разу о том не пожалела.

Сначала Платон Иванович обустроился в Вымиралове сам. Побелил выделенную ему избу, разбил цветник, на окошки повесил занавесочки, чего крестьяне никогда прежде не видывали. Мужики и бабы приходили к новому человеку, глазели, знакомились, привыкали. Разговор у старосты со всеми был душевный, рассудительный. И когда он взялся за устройство всего немалого хозяйства, действовал так же — умом и лаской. Полина Афанасьевна, конечно, приглядывала, готовая, если что, явить и строгость, но при таком старосте оно как-то и не надобилось. Скоро помещи-

ца заметила, что крестьяне к ней за судом и справедливостью ходить почти перестали, предпочитают обращаться к Голубю. Ну и ладно, докуки меньше.

Такая вот у Катиной была правая рука.

Отец Мирокль тоже взялся не сам по себе, а был обстоятельно избран. Обыкновенно приходского попа присылают из епархии, и тут уж как повезет. А персона для деревенского бытия важная. В округе немало помещиков, кто на ножах с местным священником, который глуп, иль вздорен, иль обуян гордыней и мнит себя не церковной мелочью, а высокодуховным пастырем. Посему, пользуясь тем, что прежний поп вместе со всеми сельчанами лежит в чумной могиле, а церква пустует, Полина Афанасьевна решила заполнить вакансию по своему разумению. Случайных людей близ себя Катина не любила.

Среди московских знакомых был у нее викарный епископ, умный человек. Он и присоветовал взять из семинарии одного тамошнего преподавателя, который не на своем месте. «Не довольно учен? — спросила Катина. — Пустяки. Мне ученость не надобна». «Напротив, чересчур учен и всем, кому надо и не надо, свою ученость в глаза тычет. Клирик сей больно живого ума и неосторожного языка. А у нас это не поощряется», — был ответ. Викарий рассказал, что с отцом Мироклем у семинарского начальства нескончаемая морока. Вечно он что-нибудь придумает. В сан он был рукоположен Мирославом, имя древнее и почтенное, однако возжелал перенаречься, представив целую диссертацию, что в святцах-де искажение и поминать надо не Мирослава, а Мирокля Медиаланского. Студентов смущает сомнительными речами, цитирует по-латински Вергилия с Овидием, а еще попадья у него чересчур харáктерная, слухи

про нее ходят. Викарий уже видел, к чему идет — выгонят раба Божьего со службы, а жалко, человек он хороший. Ему бы в тишь, подальше от строгих надзирателей за чинностью. «И у вас будет с кем об умном поговорить», — закончил преосвященный свое поручительство.

Не убежденная такой рекомендацией, Полина Афанасьевна пожелала встретиться с попом и попадьей, которая тоже будет на селе важной особой, предводительницей всего женского народа. Отец Мирокль перед новой слушательницей разливался соловьем, супруга его не произнесла ни слова, однако к себе на приход помещица позвала ученого мужа именно из-за матушки Виринеи — почувствовала в ней нечто.

Сейчас попадья разливала членам Синедриона ледяной земляничный взвар — солнце, будто устав сидеть за облаками, припекало всё жарче. Полина Афанасьевна взглянула на крепкую руку, легко державшую тяжелый кувшин — сморгнула. И у этой на манжете три пуговки!

Ударила новая мысль. А с чего взято, что лиходей — непременно мужчина? Ведь на девке следов срамного насилия нет. Но сразу же это предположение отогнала. Откуда у женщины такая силища, чтобы все кости переломать? Нет, мужчина это, прездоровущий.

Однако про попадью.

Налив всем розового напитка, Виринея отошла, встала у стены. Она на синедрионах никогда за стол не садилась, держала себя скромно. Хотя ни скромности, ни тем более смущения в матушке не было ни на вершок.

Попадья в Вымиралове была еще чуднее, чем поп. Лучшая на всю округу знахарка — от любых болезней, а более всего славилась ловкостью в повивальном деле. За нею, бывало, издалека присылали, даже и из барских домов. Виринея управлялась лучше, чем вечно пьяненький уездный доктор Петр Карлович, хотя больных лечила по старине, травами, и трудный плод щипцами из утробы не тянула. Как-то Полина Афанасьевна спросила: что это ты своих детишек не завела? Попадья ответила странно: «А не захотела. Зато вон сколько чужих в мир доставила».

Летами она была немолода, верно, за сорок, когда обычные бабы уже морщинистые, беззубые старухи, а у этой кожа гладкая, ни складочки. Однажды Катина видела в Москве на ярмарке американскую индейку — в точности Виринея. Так ее про себя и звала: Индейка. Брови у попадьи были черные, глаза тоже черные, растянутые к вискам, а волос не видно, всегда спрятаны под платком.

ЗАСЕДАНИЕ СИНЕДРИОНА

Но один раз Катина на них поглядела: красивые, густые, блестящие. Не только на волосы поглядела — на всю попадью как она есть.

Той летней ночью приснился Полине Афанасьевне особенно явственный сон про ушедшего супруга — будто они вдвоем, и молоды, и обнимают друг друга, и ничего плохого не было. Проснулась она с мокрым лицом, зажмурилась от яркого лунного света и поняла: теперь не уснуть. Пошла побродить по серебряному лугу, отдалилась от дома изрядно, до самой речной излучины, и там, у кустов боярышника, было ей видение: шла через высокие травы нагая дева с распущенными черными волосами. Протерла помещица глаза, ожидая, что химера исчезнет — нет, не исчезла. Дева при-

близилась и оказалась Виринеей, медленно ступающей и глядящей себе под ноги. Привычки пугаться Катина не имела. Окликнула, спросила: ты что это? Попадья нисколько не стушевалась. Подошла, спокойно говорит: «Росяные травы в полнолунную ночь коже хороши. Где трава гуще, в ней поваляться надо. Видите, какая я?» И в самом деле, кожа у ней всюду была молодая. Недаром Катина сначала подумала, что идет дева. «Я много такого знаю. Желаете — научу?» — сказала еще попадья, но Полина Афанасьевна отказалась, ей молодиться было незачем.

За столом шел разговор, прервавшийся с появлением помещицы, а затем продолжившийся. Обычаи на Синедрионе были вольные.

Отец Мирокль говорил:

— ...Так что невозможно с полною уверенностью утверждать, где ныне обретается душа утоплой Палагеи — у Бога ли, иль еще где, а может, никакой души и вовсе не существует.

— Ах, как вы можете такое говорить? — заволновался староста. — Вот ведь умный человек, а веру отвергаете!

— Не отвергаю, напротив. Нахожу полезной и благотворной, яко идею, побуждающую неразумных к нравственному поведению. Однако человеку, который сам по себе многоразумен и нравственен по природе, вера не нужна.

— Матушка-голубушка! — жалобно воззвал Платон Иванович к Катиной. — Какие он ужасы речет! Он же отымает Царствие Небесное!

Полина Афанасьевна к вопросам божественности и загробного мира была равнодушна. Чего зря голову ломать? Помрем — узнаем.

Усевшись к столу на главное место, помещица схоластическую дискуссию сразу прекратила.

ЗАСЕДАНИЕ СИНЕДРИОНА

— Говорить будем о насущном, — сказала она. — О Палаше.

Отец Мирокль, правда, еще вставил, кивнув на распахнутое окно, откуда лился желтый солнечный свет:

— Утопленница, конечно, событие многоскорбное, однако ж как вам, любезная Полина Афанасьевна, мое молебствие? Разве плохо я свою службу исполняю, хоть бы и не веровал?

Сказано было в напоминание о недавнем споре. Катина спросила отца Мирокля, честно ли служить священником, пестовать в прихожанах веру, коли сам не веруешь? Поп ответил: «Ежели служить честно, то отчего же нет? Вот видал я в Москве, в некоем возвышенном доме превеликолепную картину сейчас не припомню какого художника «Падение Икара с небес». До того трогательно исполнена, что слезы утираешь. А верил ли мастер в сказку про крылатого юношу? Не думаю. Однако ж написал картину много лучше, чем какой-нибудь истововерующий, но криворукий богомаз святую икону. Тако и священство: се искусство, мастерство, а что у мастера на душе и на уме — то его дело».

Человек он, впрочем, был добрый и безобидный, вольтерьянствовал только словесами. Средь своих это можно.

Катина выразительно покосилась на барометр, что висел на стене под образами и показывал «великую сушь», но разоблачать попа не стала, сейчас было не до пустяков.

— Не утопла Палагея. Тут всё хуже. Затем вас и призвала.

— Полно вам, — недоверчиво молвил поп. — Не в Лешака же вы верите.

— Лешака никакого нет. А есть некий изверг, охочий убивать девок и кидать их в реку. Да только зря он воздел лапищи на мою девку! — страшным голосом воскликнула Катина.

В этот миг створка окна качнулась, хоть ни ветра, ни сквозняка не было. У Полины Афанасьевны была привычка никаких странных событий, даже самых мелких, без разъяснения не оставлять. Кто это там подслушивает? У Варравы имелось такое обыкновение, навострять ухо во время синедрионных сидений, но пономарь и так находился в горнице — усердно ворошил самоварные угли.

С нежданной для столь солидной особы проворностью помещица поднялась из-за стола, сделала несколько быстрых шагов и перегнулась через подоконник.

Никого там не было.

— Вы что это, матушка? — удивился поп.

— Ничего. Померещилось что-то.

Вернулась на место, продолжила.

— Я ирода сыщу, а вы мне в том поможете. И начнете с того, что вы двое, Платон Иванович и отец Мирокль, растолкуете міру, почему Палагею нельзя сразу похоронить. Мертвое тело может воспонадобиться для розыска. Вы, отче, расскажите в церкви, что греха в том нет, приведите примеры из Священного Писания — про Лазаря или еще про кого, вы лучше знаете. А ты, Платон, шепни Трифону: барыня-де даст десять рублей, коли потерпите. Пусть жене своей, кликуше, накинет платок на роток... А теперь говорите по очереди. Беда у нас общая. Вместе ее и бедовать. Кто что думает?

Посмотрела она сначала на нового человека, мельника, который пока что не произнес ни слова. Ну-ка, хорош ли окажется в совете?

Но первым, конечно, встрял священник, ему не терпелось.

— Думаю по сему скорбному случаю я вот что. Отчего это человеки вечно интересуются мертвыми и смертью более, чем живыми и жизнью? Много ль все мы о Палаше

пеклись, пока была она меж нами? И думать о той отроковице не думали. Что же это теперь сия малая улетевшая жизнь сделалась нам так важна? Не лучше ль заботиться о прочих, ныне живущих, чтобы с ними не стряслось подобного худа? Как оберечь невинных от жестокого злосердия, обретающегося в темной нощи?

— Поймать надо злосердие и раздавить. Тем и обережем, — сказала Катина, не дав отцу Мироклю празднословствовать. — Платон?

Староста раздумчиво произнес:

— Я бы вот над чем размыслил. Как это ее убили, Палагею-то? Чтоб все кости переломать, а ни синяков, ни ссадин?

— Синяк есть, огромный, на ягодицах, сплошной. Будто ударили со всего маху, да не палкой, а доской или чем широким.

— Я в тюрьме много битых-поротых видал, но такого ни разу, — подивился Платон Иванович. — Додумаем, как это оно учинилось — глядишь, остальное-прочее тож прояснится.

Соображение было здравое, хотя как тут додумаешь — бес знай.

— Виринея, ты что скажешь?

Попадья поддержала супруга, но повернула по-своему:

— Батюшка верно говорит. Коли это тот же душегуб, что других девок убивал, он вроде медведя, распробовавшего человечину. Убьет еще.

Отец Мирокль поежился, Платон Иванович перекрестился. Помолчали.

— Ты, Кузьма? — повернулась Полина Афанасьевна к Лихову.

Мельник почесал пятерней короткую бороду.

— Я вот думаю... Считал кто по уезду пропавших, какие в лес или на речку пошли да сгинули? Может, их и больше, заломанных-то, да не всплыли, а на дне где-нибудь лежат.

Катиной эта мысль была внове и очень ей не понравилась. Особенно, если про такое зашепчутся деревенские. Возьмутся считать, кто где ушел и не вернулся — то-то начнется...

— Ты про дело говори: как нам злодея сыскать?

— А никак не сыщешь, — спокойно молвил Лихов. — Хитрый больно. Медведь — тот след оставляет, а этот ничем себя не выказал. Ничего-то мы про него не знаем.

ЗАСЕДАНИЕ СИНЕДРИОНА

— Кое-что про него мы все же знаем, — сказала тогда помещица, поняв, что других суждений не услышит. — Этот некто собою крепок и, верно, изрядной стати. И не из простых мужиков — одевается чисто, носит рубахи с пуговицами.

Рассказала про свою находку, оставленную подле мертвого трупа, и про задание, данное капитан-исправнику.

— Однако ж большой надежды на Кляксина у меня нет. А и не станут с ним мужики-бабы откровенничать, он для них чужой и страшный. Потому навсдайся-ка ты, Платон Иванович, к соседским старостам, ты их всех знаешь. Пусть

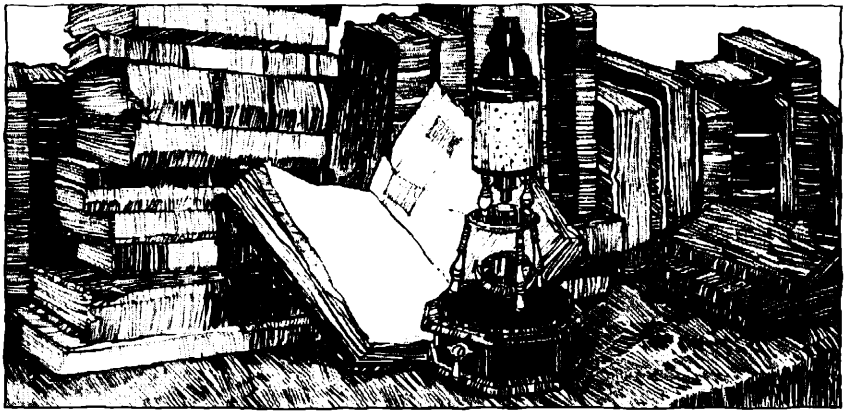
порасспрашивают своих, не видал кто вчера чужого человека в городской иль господской одежде.

Напоследок Катина пообещала еще раз — не столько слушателям, сколько самой себе:

— Есть-спать не буду, а Палашиного убийцу найду.

Спустившись с крыльца, Полина Афанасьевна пошла не к коновязи, где переступал копытами заскучавший каурый, а повернула за угол — еще раз, снаружи, посмотреть на странно качнувшееся окно.

И, конечно, сидела там на скамейке некая востроносая особа. Уже не пряталась.



Глава VI

ТРЕТЬЯ ПОЛОВИНА ДУШИ

— За мной увязалась, — укоризненно сказала Катина. — Подслушивала. Как от лошади-то не отстала? Вприпрыжку что ли неслась? Хороша барышня. То-то деревенских потешила.

Востроносую особу звали Александрой, Сашенькой. Полине Афанасьевне она приходилась внучкой.

Некоторое время назад случился один разговор меж помещицей и попадьей, памятный. Виринея была единственный на свете человек, с кем Катина иногда откровенничала.

С чего началось, уж не упомнить, но повернуло на жизнь и любовь. Полина Афанасьевна сказала, что это одно. Если кого любишь, то живешь. Не любишь — душа будто мертвая. Когда погиб муж, казалось, что жизнь кончена, в двадцать четыре года. Но у души открылась вторая половина — сын, и всё началось сызнова, хоть по-другому. В пятьдесят лет лишилась и сына. Думала, ныне точно всему конец,

усохла и вторая половина души. Но произошло то, чего в природе не бывает: с внучкой Сашей в душе обнаружилась третья половина.

Попадья таким словам не удивилась, а сказала как о само собой разумеющемся:

— Будет жизнь, сыщется и любовь. Если, конечно, ты человек, а не солома.

— Ты своего Мирокля тоже так любишь? — удивилась Катина.

— А как такого не любить? — еще больше поразилась попадья.

В душу к Полине Афанасьевне внучка проникла не сразу. Пока жил сын, Катина ею почти что и не интересовалась. Но отправляясь на свою клятую войну, Ростислав сказал: «Ежели я не вернусь, очень прошу вас, маменька, заберите дочь к себе. Пускай она вырастет с вами». Знал тогда уже цену своей жене-пустельге.

Нельзя было такую просьбу не исполнить.

Свою невестку Полина Афанасьевна сразу невзлюбила. Во-первых, потому что место для любви у нее в душе было только для кого-то одного, а во-вторых, любить Эмилию было не за что. Праздноголовая, пустосердечная, бездельная кукла. Все деньги, сколько к ней попадало, тратила на глупости. На эту удочку, денежную, Катина ее в Вымиралово из Москвы и выудила, когда дура просадила-растратила все оставшиеся после мужа средства. Полугода на то не понадобилось. Полина Афанасьевна поселила невестку в доме и провела хладнокровную комбинацию. Пригласила архитектора — якобы строить оранжерею, хоть глупая стеклянная затейность в хозяйстве ни за чем не требовалась. Зато архитектор был картинка — напомаженный, завитой щеголь, что ни день в новых сюртучках и галстухах. Дура Эмилия, конечно, в него сразу втрескалась. Архитектору,

поповскому сыну, было лестно — как же, столбовая дворянка. Некоторое время любовники таились, страшась хозяйки. Потом она их застигла на месте прелюбодеяния и предъявила невестке ультиматум: живи как хочешь и с кем хочешь, выделю тебе московский дом и десять тысяч, но дочь оставь мне и более никогда к нам не показывайся. Два раза предлагать не пришлось, только Эмилию и видели. Двенадцать лет с тех пор миновало, ни разу не объявлялась, и где она теперь, Катина не ведала, а Сашенька про матерь-кукушку даже и не спрашивала.

Девочка она была с характером, в Полину Афанасьевну. И не по годам умненькая — может, оттого что некрасивая, это для умственного развития почти всегда польза. Даже

удивительно, как от пригожего златокудрого отца и конфектной мамаши мог произрасти столь неказистый плод. В шестнадцать лет Сашенька была угловата и тоща, кожа вся в прыщиках, волосы тусклы и висят, как пакля.

Прыщики и тощета, положим, со временем сойдут. Полина Афанасьевна в подростках и сама была похожа на кузнечика — ликом зелена, ногами палкообразна. Но волосы не поправятся, лягушачий рот сердечком не сложится, острый нос не помягчеет, подбородок не округлится. Даже наследственная катинская родинка посередине лба, украшавшая и Ростислава, и Луция, будто мушка на портретах старинных красавиц, внучке нисколько не шла, гляделась еще одним прыщиком.

Впрочем, Полина Афанасьевна свою внуку-дурнушку не жалела. Девушке лучше полагаться на ум, чем на внешность. И меньше будет докуки от ухажеров, а стало быть, и от соблазнов. Без мужской любви жить надежнее — уж Катина-то это знала. Если положить на одну чашу весов все сладости, которые она вкусила через любовь, а на другую чашу — все проистекавшие горести, нечего и думать, которая перетянет. Есть иные любови, более надежные.

Зато Сашенька, благодарение Богу, выросла здоровой — никогда (тьфу-тьфу-тьфу) не хворала, разве что животом от ягодного объедения. И ловка, проворна. Бегает олененком, плавает уклейкой, на деревья карабкается кошкой.

Если же говорить про иные, надежные любови, то свою катинская внучка уже открыла. Любила она науку и отличалась великой любознательностью. Из каждой поездки в Москву привозила книги — да не французские романы, а всё по анатомии, зоологии, медицине. Сашеньку интриговала тайна живой плоти, по-научному физиология. Еще в детстве она увлеченно, бестрепетными ручками препарировала мертвых мышей, собак и кошек. Потом начала лечить жи-

вых. Недавно кобыла Лаванда не могла разродиться, а звенигородский коновал всё не ехал, так Сашенька управилась сама. Ну не диво? Глядя на внучку, как та, вся в слизи и кровище, прижимает к себе скользкого, трепетноногого жеребенка, Полина Афанасьевна с гордостью думала: девочка-то получилась сокровище.

Однажды Сашенька призналась, что желала бы родиться мужчиною — не ради всяких глупостей, а чтобы стать лекарем. Но увы, в сем криво устроенном мире женщина быть медиком не может. Вот в Северо-Американских Штатах, в некоем Брадфорде — вычитала где-то внучка — открылась академия, куда принимают девиц. Обучают ли их медицине — бог весть, но Саша загорелась непременно плыть за океан и для того пожелала выучить английский язык.

Хоть мечта была диковинная, детская, подрезать девочке крылья Катина не стала. Зачем препятствовать духу, который стремится ввысь, хоть бы даже и к облакам?

В прошлый год это было, в начале лета. Отправилась Полина Афанасьевна в Москву, за англичанином. Французов-то в городе было, как блох на собаке, а вот альбионца, да чтоб дельный, пришлось поискать. Но ничего, нашла. И доставила.

Фома Фомич Женкин был штурманом с британского купеческого корабля, захваченного нашими на Балтике, потому что у нас с Англией теперь контры. Пленную команду отправили по этапу вглубь России. На московской гауптвахте Катина моряка и забрала, за барашка в бумажке. Рассудила: если штурман, значит, человек сколько-нисколько образованный. Языку-то Сашеньку обучить сумеет.

Конечно, поприсутствовала на занятиях, понаблюдала. Внучке англичанин ужасно понравился, и по-ихнему Сашенька научилась тараторить быстро, прямо заслушаешься. Всяко лучше, чем Фома Фомич по-русски. Он был не то

чтоб туповат, но на чужое наречие тугоух. Полина Афанасьевна уже и сама стала неплохо английский понимать, а этот всё уоткал. По справедливости говоря, язык петрудный, много легче французского. Смешной только, будто все время пузыри пускаешь. А изъясняться легко. Если не знаешь какого слова, просто вставляешь коротенькое «фук» или «щит», вроде как у нас говорят «эта штука» либо «того-этого» — и понятно.

Моряк очень Сашеньку полюбил, они были прямо неразлучны. Где один, там и другой. Вон и сейчас Женкин обнаружился на траве, под плетнем. Сидел, жмурился на солнышко, потягивал из фляги. Он всегда был вполупьяна, но не дурил, не буянил. Говорил, нельзя ему без рому — заболеет.

ТРЕТЬЯ ПОЛОВИНА ДУШИ

И в заключенном с помещицей условии было прописано: первого числа каждого месяца выдавать ящик ямайского, без этого ни в какую ехать не соглашался. Недешево это обходилось, по двадцать четыре рублика в винной лавке на Кузнецком, но для внучки Полине Афанасьевне было не жалко.

У Фомы Фомича буйные песочные бакенбарды, волоса стянуты в хвост, в ухе серебряная серьга. Увидел, что барыня на него смотрит — приподнял мятую шляпу, под ней голова обвязана красным платком.

— Гуд-дэй-ту-ю-са, — кивнула ему Катина, что означало «доброго вам дня, сударь». Ей понравилось, что штурман притащился за Сашенькой. Пока неведомый изверг бродит по округе, лучше девочке одной не быть, а то она запросто и в лес, и в поля, и на ту же реку. Не удержишь.

Женкин дожевал табак, сплюнул желто-коричневую слюну, вежливо вытер губы и только потом пророкотал: «Млэйды». Это по-английски «мадам».

Внучка уже дергала бабушку за рукав. Глаза горят, губы дрожат.

Прознала, конечно, от кого-то из дворни про покойницу, потому и примчалась. От усадьбы до церкви было недалеко, полверсты, а ехала Катина небыстро, шагом, и, будучи погружена в непростые мысли, назад не оглядывалась.

— Я подслушивала! — выпалила Саша. — И все слыхала! Идем скорей!

Глава VII
ОТГАДКИ И ЗАГАДКИ

— Куда?

— Как куда? Как куда? — Девочка задохнулась. — Платон Иваныч верно сказал. Нужно понять, как Палашу убили.

— И как же ты это поймешь?

— Надо осмотреть телесные повреждения. По ним будет видно. Я когда животных вскрываю, обязательно нахожу. Снаружи-то не всегда уразумеешь.

А ведь устами младенца, подумала Полина Афанасьевна.

— Нешто послать за Петром Карловичем в Звенигород? — стала соображать вслух Катина. — Иль лучше съездить в Москву, в университет? У меня ректор Иван Андреич в долгу, выделит медицинского профессора.

— Петр Карлович поди уж пьянехонек, — вкрадчиво молвила Саша. — А в Москву ехать — это сколько времени. И зачем? Я сама покойницу и общупаю, и, коли надо, разрежу.

Другие подумали бы: экое чудовище, а Катина внучкой залюбовалась. У кого еще такая есть?

— Ладно. И на пуговичку погляди, которую я у Палаши в волосах нашла.

— В микроскоп, да? — обрадовалась Александра. Микроскоп у нее был новый, подаренный на день ангела, она в него совала все подряд.

Они уже шли прочь от церкви вчетвером: помещица с внучкой, каурый в поводу и Фома Фомич.

Сашенька бойко объясняла штурману на его болбочущем наречии, куда и зачем они идут. Бабушка восхищенно слушала, англичанин присвистывал и без конца повторял свои любимые два словечка.

Потом Женкин завел одну из своих морских баек. Они у него имелись на все случаи жизни, и начинал их Фома Фомич всегда без предисловий.

— Это, значит, шли мы в огиб Доброй Надежды, и у нашего капитана Скэллопа пропал глаз. Скэллоп был одноглазый, носил в дырке круглую жемчужину, вот такущую, с нарисованным зрачком. Ценности огромной, гиней, того-этого, в сто или двести. Он щеголь был, Скэллоп. На ночь всегда клал свой жемчужный глаз в стакан с ромом. Утром проснется, стакан — залпом, потом жемчужину изо рта вынет — и в глазницу.

Только просыпается он однажды, а стакан, того-этого, пустой. Ром кто-то выпил, а глаз спер. Что началось!

Я-то сразу на марсового Перкинса подумал. Поганый был человечишко, лодырь и вор. Взял его за грудки: ты украл, говорю! Перкинс, того-этого, ни в какую. Обыскали его вещи, сундук — нету. Божится, что не брал. Слово за слово — хватается Перкинс за нож. Но я быстрее, рраз — и всадил ему железку прямо в сердце. Чик — и нету Перкинса. Сдох. А в море закон какой? Кто своего товарища без вины прикончил, тому тоже не жить. На доску — и за борт. Оно и правильно. Иначе, того-этого, в долгом плавании перережутся все.

Держат меня за руки, капитан башкой качает, ничего поделать не может. Прощай, говорит, Дженкинс, такая уж, видно, твоя судьба. Я кричу: «Погодите, того-этого! Я докажу! Перкинс жумчужину проглотил. Я видел!». Соврал, ничего я не видел. Просто вспомнил, как Перкинс ухмылялся, когда был обыск. Знал, что не найдут. «Дайте, говорю, я ему брюхо взрежу. Там жемчужина». Они посовещались, говорят: «Режь. Но если ее там нет, мы тебя не утопим, а за напраслину и осквернение покойного тела тоже выпотрошим, живьем. Идет?». Мне, того-этого, что делать? Так на так пропадать. Идет, говорю. Вспарываю трупу брюхо, роюсь в требухе, а сам с жизнью прощаюсь. — Фома Фомич выдержал драматическую паузу. — Бог милостив, нашел. Было мне от товарищей троекратное «ура», а от капитана награда.

Полина Афанасьевна никогда не могла понять, сколько в сочных женкинских историях правды, а сколько вранья. Надеялась, что второго больше. Хотя нынешняя история могла быть и настоящей. Штурман очень ловко резал и потрошил свиней, а потом делал из кишок английскую чесночную колбасу.

Внучка-то рассказу не усомнилась, только стала уточнять, в каком отделе желудка сыскалась жемчужина, в кардиальном или в пилорическом.

За этой беседой и дошли.

Фому Фомича взяли в сарай с собой — ворочать покойницу. Слуги-то все попрятались, во дворе не было ни души.

Сашенька сбегала в дом. Вернулась в кожаном фартуке и нарукавниках, с медицинскими инструментами и микроскопом.

Подходя, крикнула:

ОТГАДКИ И ЗАГАДКИ

— Давайте пуговицу, бабушка. Ее лучше не в сарае, а на свету смотреть.

Катина повернулась к верстаку, где положила пуговку рядом с Палашиной одеждой, — и не поверила глазам. Пуговицы не было.

Всюду посмотрела — вокруг, внизу. Пропала! Что за оказия?

Созвала всю дворню, стала спрашивать.

И бабы, и мужики божились, что к сараю не подходили и даже старались в его сторону не глядеть.

Когда же барыня сказала про исчезнувшую пуговицу, черная кухарка Лизавета ахнула:

— Лешак забрал!

И все закрестились, попятились.

Полина Афанасьевна растерялась, что с нею случалось очень редко.

— Единственная ниточка была. Теперь и зацепиться не за что...

— Тело-то ведь не пропало? — успокоила ее внучка. — Может, оно что расскажет.

В сарае, подле покойницы, Сашенька сначала немножко поплакала.

Сказала:

— Палаша, бедненькая.

Но потом высморкалась, слезы рукавом вытерла и взялась за работу. Катиной ничего и делать не пришлось, только смотреть. Фома Фомич, сопя и жуя свой табак, поворачивал труп так и этак. Саша щупала, мяла, глядела в лупу.

Приступила с головы. Приговаривала:

— Кости черепа целехоньки... Шейные позвонки... Один надломан, третий иль четвертый... Что ключицы? Ага...

И дальше неразборчиво, пошмыгивая носом от сосредоточенности. Постепенно добралась до самого низу, до кончиков ног и там задержалась надолго.

— Ну что?

— Тёрн хё бэк ап, — велела Саша англичанину, не обращая на бабушку внимания.

Женкин повернул покойницу.

— Я-то думала, ее за запястья волокли по земле, потому на них и кожа ободрана, но тогда на спине иль на животе следы были бы, — стала делиться своими выводами Катина. — А их, вишь, нету. Только зад весь синий. Что за диковинная напасть? Как это Палаше без битья все кости переломали? Загадка.

Александра сняла нитяные перчатки.

— Нет никакой загадки. Даже взрезать незачем, и так ясно. Кости переломаны не все. Вот здесь, — она тронула стопы, — всё вдребезги, даже плюсны. Голенные, бедренные, тазовые — тоже, во многих местах. Но чем выше, тем переломов меньше.

— И что ж это значит?

— А вот что. — Внучка подняла глаза к потолку. — Палаша упала с большой высоты. Была подвешена на веревке за руки, потому содрана кожа на запястьях. Падала она, как висела — прямая. Ударилась оземь подошвами, оттого внизу всё и переломано. Ягодицы сини, потому что на них пришелся удар, когда согнулись ноги.

— С высоты? — Бабушка тоже посмотрела на темные потолочные доски. — С неба что ли?

— Как случилось — не ведаю, — сказала Саша. — Пока только знаю, что́ случилось. Ну-ка, осмотрим полости...

Зачем-то раскрыла покойнице лопаточкой рот, полезла и туда. Фома Фомич наблюдал с интересом, а Полина Афанасьевна, хоть была женщина крепких нервов, не выдержала, отвернулась. И стало ей сомнительно: не чересчур ли вольно вырастила она внучку? Ведь получилась не барышня, а ужас что такое. Может, в Северо-Американских Штатах такие девицы и бывают, но только не в России.

ОТГАДКИ И ЗАГАДКИ

Сашенька воскликнула, достав что-то пинцетом: «Ага!».

И потом еще раз, тоже «ага!», но уже много позже, разглядывая с лупой ногти на мертвой руке.

Открытия у нее были важные.

— Смотрите, меж зубов мешковинная нитка. Должно быть, от кляпа. Значит, Палашу сбросили вниз не сразу. И висела она, видимо, в таком месте, где крики могли услышать. Теперь второе. Поглядите в лупу на средний и указательный, вот сюда.

Полина Афанасьевна посмотрела.

— Видите под ногтями багровое? Это кровь. Палаша оборонялась, расцарапала убийцу. Лицо ли, руку ли, не знаю, но должны остаться следы.

Со двора донеслось ржание. Всех своих лошадей Катина знала по голосу. Этот был чужой — молодой, сильный жеребец. Кто это пожаловал?

А никто, просто вороной аргамак превосходных статей, под пустым седлом. Коня держал за узду конюх Федька.

Загадка объяснилась сразу же. От ворот семенил, полоскал на ходу руками капитан-исправник Кляксин.

— Нашелся! Нашелся! — вопил он.

— Не нашелся, а я нашел, — пробурчал Федька. — А этот не верил. Был он уже тута, барыня, без вас. Ругался, чего-де нейдешь искать. А пообедать человеку надо? Надо. Вот пообедал и нашел, дело нетрудное.

Севастьян Фаддеич уже обнимал своего вороного, чуть не плакал. Федьке дал полтину, помещицу стал многоречиво благодарить.

Она прервала, не дослушав:

— Что ваши поиски?

— Ничего-с, — развел руками исправник. — Пешком много не находишь. Побывал в двух соседних деревнях, Аксиньине и Ивановском. Только зря ноги намял. Никого подозрительного тамошние не видывали.

Сашенька глядела на капитана набычившись, исподлобья. Потом отошла, пошепталась о чем-то со слугами.

Катина сказала:

— Завтра приеду к вам в контору. Покажете, что у вас по прежним смертям записано.

— Что за спех? Покойницу уж не вернешь. — Кляксин закряхтел, садясь в седло. — А впрочем как угодно-с. Милости просим. Тем более что послезавтра отбываю в Москву для месячного доклада губернскому начальству. Фуражечку мою еще найти бы, совсем новая-с.

Приложил руку к пустой голове, уехал.

— Бабушка, что примечательного в сем господине? — спросила подошедшая Саша, глядя в спину всаднику.

— Примечательного? Что жалование у капитан-исправника полста ассигнациями, имение всего двенадцать душ, а конь стоит не меньше пятисот рублей. Хотя что ж удивляться? Должность хлебная, берет мзду. Не в том беда, что берет. Беда, что дела своего не делает и не хочет делать.

— Я не про то. — Внучка шепнула в самое ухо. — У него царапины на щеке.

— Это его конь в кустах сбросил.

— У коня не спросишь, правда оно иль нет. А еще Анисья-прачка мне сказала, что Кляксин, когда тут давеча был, около сарая вертелся...

— Это ты к чему?

— Знал капитан про пуговицу?

Полина Афанасьевна ахнула.

Глава VIII
МЕРА БЕД

Потому решили ехать в уездную исправническую контору не завтра, а послезавтра, когда Кляксина уже не будет. Можно ль ожидать помощи от субъекта, который сам в подозрении? Капитан и вправду имел поцарапанную рожу, да еще вполне мог украсть пуговицу. Конечно, представлялось невероятным, чтоб плешастый, тоскующий по потерянной фуражечке Севастьян Фаддеич стал подвешивать и скидывать на погибель бедных дев, но за подобным занятием вообще трудно кого-то вообразить. Зачем такое творить? Вот в чем главнейшая загадка. А вторая, меньшая, но не менее темная — откуда Палашу сбросили, с каких таких высей? Ведь, чай, не Швейцария с Чертовыми мостами и обрывами, не Москва с превеликими строениями и башнями. Тут одни непостижимости.

Полина Афанасьевна думала обратиться прямо к судебному председателю Егору Львовичу, а что явится с внучкой — так это им вроде как надо по городским лавкам пройтись. Условились, что во время беседы Сашенька будет си-

деть в уголочке, тихо, по-девичьи, рта не раскроет. Требовалось получить от судьи разрешение на просмотр дел о прежних утопленницах, которые скорее всего тоже не утопли.

Но в Звенигороде творилось странное. Люди на улице не ходили, а бежали, и все в одном направлении, к городскому собору.

Пожар что ли? Но дыма было не видно, и гарью не пахло.

Судьи на месте не оказалось, хоть время было присутственное. Что еще чудней, не видать было и служителей, только стражник у входа. Но он был совсем дурень, как на такой должности и положено. Будучи спрошен, куда все подевались, отвечал: «Так манефес читают». Но какой такой «манефес», объяснить не умел.

— Поехали и мы, куда все, — решила Катина. — Послушаем, что за манифест. Не дай бог государь все ж таки решил освободить крестьян. Ох, тогда начнется...

К чтению они, однако, опоздали. Народ уже тянулся от собора обратно. Лица у всех были растерянные, многие бабы плакали, а некоторые и выли. Одна вдруг заголосила: «Ой погибель наша-а-а!», да столь заполошно, что коренник захрапел, пошел боком, и Катина (она всегда правила сама) едва удержала коляску.

Перед храмом, на столбе, где вывешивали указы, белел свежий бумажный лист, около которого скопились то ли такие же опоздавшие, то ли недослышавшие, то ли просто желавшие похвастать грамотностью.

— Расступись-ка, — властно говорила Полина Афанасьевна, стукая людишек по плечам, по затылкам — куда придется.

Расступались. Сашенька протиснулась раньше. Уже стояла, читала.

— Ой! — сказала она, коротко обернувшись. — Бабушка, на нас французы напали!

МЕРА БЕД

Надев очки, помещица прочла первую строчку: «Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные...», а потом сразу последнюю: «Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. АЛЕКСАНДР». Середину читать не стала — и так ясно. Бонапартова нашествия ждали давно — так давно, что уж и не верилось, состоится ли. Фома Фомич, французский ненавистник, часто повторял, что Напóлеон не может на Россию не напасть, поскольку во всей Европе ему не покорились только британский король да русский царь, но до англичан корсиканская монстра не дотянется, потому что у них флот, а Россия — вот она, растянулась от моря до моря. Бери ее голыми руками. Полина Афанасьевна о не зависящих от нее материях вроде политики никогда не тревожилась. Грянет беда, тогда и будем с ней управляться, такое у нее было credo. Вот и грянула...

Теперь нужно было много о чем подумать, прежде всего хозяйственном.

— Садись, едем домой, — потянула Катина внучку за рукав.

— Как домой?! Бабушка, а Палаша? Нам ведь исправниковы протоколы нужны!

— До протоколов ли теперь?

Саша насупилась.

— Кто меня учил, взявшись за дело, от него не отступаться, что ни случись?

Полина Афанасьевна поразилась:

— Так война же! Егор Львович и все уездные, поди, в Москву помчались, за приказаниями. Кто нас в контору пустит?

— Ты что-нибудь придумаешь, — молвила упрямая девица.

Она, конечно, была права. Война войной, а наказать убийцу все равно нужно. За обережение государства пусть

отвечает государь, а помещик в ответе за своих крестьян. Не ошибалась Саша и в том, что бабушка придумает, как добраться до бумаг и без судьи.

Посхали от собора в исправникову контору, которая была закрыта, но при которой жил писец, он же сторож. За серебряный рубль служивый и замок открыл, и все бумаги вынул. Отчетность у исправника по лености была не слишком обширная.

Искомая ведомость называлась «Журнал для записи всякого рода небрежений, нарушений и преступлений по Звенигородскому уезду».

МЕРА БЕД

Бабушка с внучкой сели рядом, стали читать, начавши с книги за прошлый год.

Небрежения и нарушения пропускали. Палец, которым Катина вела по строчкам, останавливался только в местах, где справа стоял крестик. Им исправник обозначал смертные случаи.

Пока шла зима, всё больше были замерзшие спьяну мужики. Весной, когда оттаивает кровь, а пахать еще рано, начались драки: и стенка на стенку, и просто сдуру — кого оглоблей порешат, а кого и топором.

— Вот она, первая! — воскликнула Саша, когда отлистали уже половину страниц.

Запись была от 30 июня 1811 года.

В деревне Паньково, что в пятнадцати верстах ниже по течению Саввы, нашли у берега «всплывшее женское тело молодого возраста, простого звания, в сильном разложении, всё разломанное, не установленной личности». И боле ничего — ни кто такая, ни что с нею стряслось. «Разломанное», очевидно, значило, что переломаны кости. «Простое звание» могло быть установлено только по одежде. То есть, как и Палашу, покойницу нашли одетой.

Со второй и третьей находками подробностей было побольше.

Обе оказались осенние. Сентября 20 дня поутру, в полуверсте от села Ивановского, которое в четырех верстах от Вымиралова, из реки выловили «свежий труп с переломанными костями». Признали Маланью Петрову, семнадцати лет, девку бригадирши Калмыковой.

В деревне Потапово, 20 октября «из-под ив» вынули Лукерью Егорову неполных шестнадцати лет. Тот случай Полина Афанасьевна хорошо помнила. Помещик, чья девка, отставной секунд-майор Потапов по всем соседям ездил и долго про свою беду рассказывал, сетуя, что за Лушку ему недавно триста рублей давали, а он, дурень, отказался.

МЕРА БЕД

О Лукерье в журнале был целый абзац. Девку нашли, когда у Потапова находился лекарь Петр Карлович, пользовавший майора от почечных колик. Это было, можно сказать, везение, потому что врач тело осмотрел. С его слов было записано, что следов полового насилия не обнаружено, что во многих местах сломаны кости нижних конечностей и таза, а еще, что по признакам окоченения смерть наступила не далее шести часов назад, то есть в ночь с 19 на 20 октября.

Зато про четвертую покойницу было совсем мало. Она всплыла в проруби 25 марта сего года, в деревне Кузино, до обморока напугавши бабу, полоскавшую белье. Труп был разбухший и «вислый» — должно быть, тоже с переломанными костями. И всё. Правда, несколькими строками ниже имелась приписка, что мертвица опознана и явила себя Татьяной Зосимовой шестнадцати лет, крепостной девкой полковника Лукина, пропавшей из дому еще на Сретение.

А про позавчерашнюю Палагею в книге ничего не было. Не удосужился еще исправник внести.

— Едем к Петру Карловичу! — сказала внучка. — Поговорим. Может, он про Лукерью Егорову и ее повреждения еще что-нибудь вспомнит.

Но Катина больше об утопленницах думать не хотела. Ей пришла в голову важная мысль, требовавшая неотлагательного действия.

Ведь про войну пока знают только в уездном городе, а в окрестных селах, поди, ни сном, ни духом. Надо скорей в Голицыно, к хлеботорговцу Протасову и скупить у него все наличное зерно, а то уже завтра цена подскочит до небес.

Ничего не объясняя, а просто крепко взяв внучку за руку, помещица кинулась из конторы вон.

Лошадей разогнала вскачь, аж пыль столбом.

...В тот же вечер Полина Афанасьевна опять собрала Синедрион, дать распоряжения по обстоятельствам военного времени.

Совет пополнился двумя новыми членами, Сашенькой и Женкиным, но если прежних помещица называла «гласными», то эти предполагались как безгласные. Внучке вышло повышение из отроковиц во взрослые, во-первых, за отнюдь недетское участие в страшном следствии, а во-вторых, потому что война и мало ли что — пускай начинает вникать в настоящие, хозяйственные заботы. Кому потом поместье-то достанется? Условились, однако, что барышня будет лишь внимательно слушать, рта не раскрывая. Фома Фомич потребовал уважения сам, поскольку Россия теперь против Бонапарта заодно с Англией, а значит, он более не пленник, но представитель союзной державы. Участия в обсуждении от него не ожидалось по понятной причине — ни бельмеса не поймет.

Сидели новоиспеченные синедрионщики за столом рядышком: тоненькая Александра, беспрестанно водившая туда-сюда своим острым носом, и важный красномордый англичанин, нарядившийся по такому поводу в свой лучший синий сюртук с медными пуговицами и красно-сине-белым британским розаном на груди. Саша иногда шептала ему на ухо, переводила главное, но моряку хозяйственная премудрость вряд ли была внятна.

Полина Афанасьевна начала с зерна, только что купленного у голицынского хлеботорговца. (Смешно и приятно было вспомнить, как дурак Протасов, когда уже ударили по рукам, вдруг узнал от приказчика о войне и стал канючить о лучшей цене, даже расплакался. Но он старообрядец, им слово нарушать нельзя. Катина, так и быть, накинула по гривеннику за пуд. А зерно уже завтра подскочит самое меньшее на полтину, и потом будет только расти. Эх, хоро-

шо съездила!). Тут главное поручение было мельнику. Он должен был зерно намолоть и доставить в барский амбар. Кузьма выслушал молча, кивнул. Попросил лишь выделить двух помощников.

Далее барыня перешла к самому главному — к овсу. Сама она на своих полях ни ржи, ни пшеницы не сеяла, только овес. Потому что рождался он на здешних небогатых почвах лучше и потому что близко Москва, а в ней военные провиантские склады, где всегда нужен конский корм. Теперь, с началом большой кампании спрос на него вырастет еще больше, чем на хлеб. Какие походы, какие баталии без лошадей?

Удачней всего было, что Катина прошлогодний урожай не продавала, а весь целиком приберегла. Очень уж хорошо той осенью уродились овсы, притом у всех. Цена из-за этого упала, вот Полина Афанасьевна и решила повременить с продажей. Прямо Бог подсказал!

Она и теперь торопиться не собиралась.

— Месяца два, а то и три выжду, — объяснила она прежде всего Платону Ивановичу, своему начальнику генерального штаба. — Пока у армейских интендантов запасы не иссякнут. А потом они дадут хорошую цену.

— Тут еще надо будет поглядеть, сколько провоюют, — усомнился староста. — Ежели до после нового урожая — одно, тогда продавцов много будет и овес сильно не подскочит. Ну а коли наши Бонапартия быстро побьют и война ранее Натальи Овсянницы окончится, то не пересидеть бы нам с конским кормом-то.

Катина ему, в политике несведущему, объяснила, что Бонапарта никто еще никогда не бил и что нашему теляте волка не забодати. Вопрос в другом: додержатся наши до осени иль запросят мира раньше. И тут — да, не пересидеть бы на овсе дольше нужного. Потому Полина Афанасьевна

намеревалась за ходом войны зорко следить и как только покажется, что дело идет к замирению, скорее продавать уж за сколько дадут. На том и порешили.

Прежде чем перейти к следующему пункту, Катина поглядела на пономаря, шмыгавшего носом в уголочке. Предмет был деликатный, а этот разнесет по всей деревне.

— Ты чего тут торчишь, Варрава?

— На случай ежели воспонадобится что, — с поклоном отвечал тот.

— Не воспонадобится. Поди прочь! — резко сказала барыня. Не любила этого елейника.

— Вон пошел! — прикрикнула от печи и Виринея на замявшегося Варраву.

Он пошел, жалобно бормоча:

— Ругайте, гоните, побивайте каменьями — тем и спасусь. Кто унижен, тот и возвысится.

Теперь Полина Афанасьевна перешла к секретному: стала советоваться, кого отдавать в рекруты, потому что, раз война, начальство непременно потребует дать из Вымиралова пять, а то и шесть молодых мужиков, которых нужно от работ отрывать.

Тут рядили долго, в основном со старостой, но участвовал и поп по своей милосердной линии. Спросила Катина и мнение Кузьмы Лихова.

Наметили пятерых неженатых парней из тех, что поленивей, и шестым Сеньку Чухлого, который все равно пьяница, без него жене с детьми будет только легче.

В этом месте отец Мирокль изрек философическое:

— Эхе-хе. Мы третьего дня о Палаше-упокойнице горевали. Думали: вот она, беда. Однако недаром сказано: «Не сетуй на беду, ибо и у бед есть мера. Ныне горькое завтра покажется тебе сладким». Грянула истинно великая беда, и позабыта бедная убиенная дева. Еще ведь и так речено: «Довлеет дневи злоба его».

Здесь Саша, до сего момента сидевшая тихо, встрепенулась и звонко воскликнула:

— Ничего она не забыта! Мы будем искать преступника и обязательно найдем!

Все на нее обернулись.

— Знамо, будем искать, — молвила внучке Катина не без виноватости. — С неотложными делами только управимся...

После Синедриона намолчавшаяся за долгое сидение внучка накинулась на бабушку с вопросами, из которых явствовало, что до взрослости Сашеньке пока далеко.

Вопросы были такие:

— А вы видели, что у Кузьмы Лихова правая рука расцарапана? И что Варрава стоял, руки в рукава рясы прятал?

— Кузьма щуку из садка доставал, при мне было, — рассеянно сказала Катина, размышляя о важном. — А Варрава — червяк, какой из него убийца? Ты на всех что ли теперь царапины высматриваешь? И на отце Мирокле, и на матушке Виринее, и на Платон Иваныче?

— На всех! — сердито ответила внучка.

Все-таки она еще ребенок, подумала Полина Афанасьевна, перемещаясь мыслями к большущему и очень непростому вопросу: чем бы таким заразить верховых лошадей на случай, если выйдет приказ забирать их в кавалерию? Лучше всего, наверно, чесоткою — смотрится впечатлительно, а излечивается легко.

Глава IX
АСТРОНОМИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

И всю вторую половину июня, а затем и весь месяц июль Катина была с утра до ночи занята многими хлопотными заботами. Из коляски, да из седла почти не вылезала.

Тут тебе и приглядывай за овсами, и запасай сено, и выположь подводы для уездного воинского начальника, а еще кроме рекрутов (не пятерых и не шестерых, а десятерых!) московский командующий граф Ростопчин, петух горластый, требует — дай ему мужиков в ополчение. И по всякому поводу спорь, доказывай, ссылайся на свое горемычное вдовство.

А еще каждый второй день надо было ездить в Москву, за военными новостями — чтобы не пропустить последний момент, когда еще можно продать овес.

Новости были плохие.

Бонапарт наступал, наши всё пятились, уносили ноги. С одной стороны, это было хорошо, ибо от генерального

сражения война могла сразу же и окончиться. Не говоря о том, что под ядрами-пулями полягут многие тыщи лошадей, и оттого упадет спрос на фураж. Но француз приближался быстрее, чем ожидалось. Говорили, он уже у Смоленска, движется прямехонько на Москву, а до Натальи Овсянницы, когда овсы собирать, еще далеконько. Эх, довоевали бы хоть до сентября! И чтоб война сюда не дошла, а то повытопчут, пожгут весь урожай.

На овсы жаловаться не приходилось, они зрели исправно, но больно уж шустро лез чертов Бонапарт. Полина Афанасьевна даже карту в городе купила и всё мерила, рассчитывала: кто быстрее придет — Наполеон или Наталья.

За великими работами и великими тревогами Катина почти не видала внучку. До нее ли было? Хорошо хоть от дел не отрывала.

Сашенька, будто понимая бабушкину занятость, вела себя тихо. Всё сидела в библиотеке, рылась в книгах, что-то оттуда выписывала. Другой такой охотницы до научного чтения, верно, не было на всем белом свете. Обычных девушек и с педагогами к штудиям не привадишь, а эта сызмальства умела образовывать себя сама, без учителей, ибо какой же Фома Фомич учитель?

Но в это лето Александра что-то совсем уж себя не жалела. Под глазами у ней пролегли синие круги, тоненькое личико вовсе осунулось, взгляд стал отсутствующий, и всё бормочет под нос, машет руками, сама с собой о чем-то спорит. В иную пору Катина забеспокоилась бы, но такое это было страдное время, что его не хватало даже на разговор с внучкой.

Один раз Саша вдруг запросилась в Москву, за какими-то нужными ей книгами, хотя, казалось бы, куда их еще? В библиотеке шкафы и так ломились от чтения по всем

интересующим пытливую девицу материям — по медицине, химии, физике, биологии и прочим естествознаниям. Бог с ней, пускай съездит, развеется. Отправила Александру в город с англичанином. И вскоре после того домашний покой для Полины Афанасьевны закончился.

Случилось это в предпоследний день июля. Вернулась она домой, как обычно, уже в темноте, усталая, и видит на крыльце, меж колонн, белую фигурку. Это была Сашенька, нетерпеливо кинувшаяся навстречу. Глаза пылают, голос срывается. Идемте скорей, говорит. Посмотрите, что я открыла! И чуть не тащит за собой в библиотеку.

Там на столе большая раскрытая книга с какими-то хитрыми значками и цифрами. Утомленная голова работала неважно, глаза слипались, а внучка очень частила, и понимать ее Катиной было трудно.

— Смотрите сюда, — показывала Саша на листок. — Вот числа, в которые они погибли.

— Кто погиб? — удивилась бабушка, за полтора месяца почти не вспоминавшая о сгинувшей Палагее и прочих жертвах таинственного злодея.

— Да девушки же, кто еще! — с досадой воскликнула барышня. — Чем я, по-вашему, все эти недели занималась? Глядите на числа, я вам говорю. Первую, безымянную, которую нашли прошлым июнем, не берем, ибо когда именно она убита, неизвестно. Вторая, Маланья Петрова, обнаружена 20 сентября «свежим трупом», то есть, видимо, убита предшествующей ночью. Третья, Лукерья Егорова, которую осматривал доктор, точно умерщвлена в ночь с 19 на 20 октября. Четвертая, Татьяна Зосимова, всплыла в проруби разложившейся, однако известно, что пропала она на Сретенье, а оно было 15 февраля. Наконец, наша Палагея вытащена из реки 13 июня, и по всему ясно, что убили ее минувшей ночью.

— Ну так, — зевнув молвила помещица. — И что с того?

— А теперь сюда воззрите! — Внучка подвинула раскрытую книгу. — Это «Астрономический календарь», за которым я ездила в Москву. — И стала тыкать пальцем в подчеркнутые строчки. — Ночь на 20 сентября 1811 года — кружок. Ночь на 20 октября 1811 года — кружок. Ночь 15 февраля — кружок. И ночь 12 июня — тоже кружок. Всё это дни полнолуния!

— Действительно, — согласилась Катина. — Чудно́е совпадение. Однако какая нам от сего польза в сыске?

— А вот какая! — Голос Сашеньки торжествующе зазвенел. — Слушайте, что написано в лейпцигском университетском «Справочнике душевных болезней», который я отыскала в книжной лавке. — И стала переводить с немецкого прямо из книги: — «СИНДРОМ ПОЛНОЛУННОГО ПОМЕШАТЕЛЬСТВА. Наблюдается, когда Луна достигает максимального удаления от Солнца и находится к нему под 180-градусным углом. Скорость движения земного спутника в это время спадает, отчего в человеческом теле происходит замедление флуктуации жизненных флюидов, а в мозгу нагнетается напряжение. Существует разряд людей, впадающих от этого в болезненное возбуждение и агрессион. В особенно патологических случаях доходит до полного помрачения рассудка, когда человек не в силах сдержать кровожадного раздражения и делается опасен, нападая на других людей с жестокими намерениями. В старинные времена сих безумцев считали оборотнями, называли «лунобесноватыми», а поймавши, сжигали на костре. Современная медицина, однако, причисляет полнолунный агрессион к разряду душевных скорбей, сродных пиромании и клептомании. Научное название сей болезни «селеномания», а страдающие ею субъекты именуются «селеноманиаками». Согласно новейшей гипотезе...». Дальше мно-

гословно изъясняется, что лечить лунных безумцев медицина не умеет, — прервала чтение Александра.

Катина сонно моргать перестала и теперь слушала внимательно.

— Если в ком-то уловлена подобная склонность, — уже не читала, а своими словами рассказывала внучка, — рекомендуется такого человека каждый месяц за три дня до полнолуния помещать под строгое наблюдение и держать так до третьего дня новой луны. Но трудность в том, что обнаружить подверженность селеномании почти невозможно. В обычной повседневности она никак не проявляется. Пишут, что селеноманиаки часто почитаются окружающими за людей тишайших, безобиднейших. Почти все известные маниаки были мужеского пола, но изредка, в одном случае из десяти, бывали и женщины. «Лунобесноватые» умеют хорошо оберегать свою страшную тайну. Из допроса изобличенных селеноманиаков известно, что они почитали состояние, в которое их повергает полная луна, неким драгоценным даром, ибо, совершая убийство, испытывали ни с чем не сравнимое блаженство. Все они очень гордились своей хитростью и неуловимостью, а если попадались, то из-за чрезмерной самоуверенности, побуждавшей их утрачивать осторожность.

— Страсти какие, — подивилась Полина Афанасьевна. — Каким только манером люди не безумствуют! Но ежели у нас в уезде с прошлого лета завелся лунный, как его, маниак, он же должен был каждый месяц кого-то умерщвлять, а девок убито только пять.

— Были и другие, да не найдены, — уверенно сказала Сашенька. — Уезд большой, деревень много. Пропавших никто не записывает. Нет трупа — нет и сыска. Его, правда, и с трупом нет. Однако наука не ошибается. Коли завелся селеноманиак, ему надо в каждое полнолуние кого-то уби-

вать. Ежели бы поспрашивать по всем селам и деревням, по всем помещикам, я думаю, непременно установилось бы, что всякий месяц кто-нибудь исчезал. И еще злодеянья будут — пока не изобличат и не изловят маниака.

— Беда какая! — Катина нахмурилась. — Что же делать-то? Приказать крестьянам, чтобы в полную луну все по домам сидели, носа наружу не казали? Но за всеми ведь не уследишь...

— За всеми и не нужно. Убийцы сего рода не на любого нападают. Я прочитала, что у маниака бывает пристрастие к жертвам сходной между собой внешности иль поведения. Это называется «Die Fixation». Наш лаком на совсем молоденьких девушек. Может, есть и другие, особенные черты, от которых он впадает в исступление. Кабы это узнать, легче было бы преступника изловить. Вообразите, бабушка! — Взгляд барышни мечтательно затуманился. — Пускаем мы какую-нибудь девку — в точности такую, от которой у маниака слюни текут — погулять вдоль речки полнолунной ночью, а в кустах сидят Фома Фомич и трое-четверо мужиков похрабрей. Только лунобесный набросится — они его хвать, и скрутят!

— Во-первых, почем знать, где этот безумный охотиться вздумает — может, не у нас, а у соседей, — скептически заметила Полина Афанасьевна. — А второе: откуда ты спознаешь, какая у маниака «фиксацион»? У него самого, чай, не спросишь.

— У него — нет. А у покойниц можно, — ответила внучка, которая, видно, заранее всё продумала. — Съездить нужно по деревням, где жили три другие известные нам бедняжки: Маланья Петрова, Лукерья Егорова и Татьяна Зосимова. Поспрашивать, каковы они собою были.

— Некогда мне, сама знаешь. Война.

Дева вкрадчиво улыбнулась:

— А вам, милая бабулечка, и не нужно. Я одна прокачусь, с людьми поговорю. Оно еще лучше выйдет. Вас крестьяне робели бы, а меня бояться не станут.

Сначала Полина Афанасьевна про это и слушать не захотела.

— У нас по округе бесноватый убийца шатается, а ты кататься будешь? Может, он не только в полнолуние на девиц кидается? Забудь и думать!

Но Александра прилипла, как банный лист. Через двадцать иль тридцать минут, понявши, что не отвяжешься, измученная Катина вдруг подумала: а пускай ее катается. Хоть при деле будет. Поставила однако условие: ездить только с англичанином и чтоб у Фомы Фомича с собой было ружье. Тогда Сашенька обняла ее, многократно облобызала, назвала «сладенькой бабинькой» и наконец отпустила спать.

Получила Полина Афанасьевна еще дней десять покоя. Ездить-то можно было только по воскресеньям, когда крестьяне не на работах, или вечером, но в темное время Саше теперь из дому отлучаться строжайше воспрещалось.

Во второе воскресенье августа бабушка с внучкой утром разъехались в разные стороны: Сашеньке оставалось наведаться в самое дальнее село Кузино, помещица же отправилась в Москву для важного дела.

Неделю назад пришло известие о большом сражении при городе Смоленске. Про баталию говорили разное. Реляция хвасталась, что доблестное православное воинство одолело супостата, однако скакавший через Звенигород курьер рассказал, что наших побито видимо-невидимо и армия опять пятится, еще быстрей прежнего. Катина была склонна больше верить курьеру.

Накануне был нарочный от старинного доброжелателя графа Моркова, назначенного начальствовать над москов-

ским ополчением. Ираклий Иванович некогда был страстно влюблен в тогда еще свежую вдову, и хоть своего не добился, сохранил к Катиной пожизненную приязнь. Граф писал, что завтра дает обед в честь новоназначенного главнокомандующего Кутузова, который отбывает к войскам. Приглашено малое число почетнейших москвичей, так не угодно ль и почтенной Полине Афанасьевне пожаловать?

Как же было не посмотреть на особу, от которой зависело, долго ль мы еще продержимся против Бонапарта, и самое главное: будет генеральная баталия или нет.

За два часа по сухой дороге помещица докатила до первопрестольной. Обед был очень ранний, еще дополуденный, но Катина не опоздала. Села на дальнем краешке стола, никто на старуху внимания не обращал. Она же глядела во все глаза и чутко слушала — составляла суждение, от коего будет зависеть вся хозяйственная стратегия.

Михайла Ларионович Кутузов оказался пухлоликий, грузный, одышливый старик, самого небоевого вида. Был он говорлив, но про пустяки, а на важные вопросы, когда-де дадим укорот французу и не хватит ли отступать, ответствовал с бодрой невнятностью: Господь, мол, нашему оружию поможет, враг еще далеконько, дух в войсках геройский и прочее подобное.

Мнение у Катиной сложилось, что старик хитер, осторожен и на рожон лезть не станет, а значит, война впереди еще долгая. На то, чтобы собрать овес, времени хватит, и будет он в хорошей цене. Наши не успеют купить — французам сгодится. Чай не мамаева орда идет, а европейская армия. На Европу помещица посмотрела, когда ездила искать мертвого сына. При столь печальных обстоятельствах понравиться ей заграница никак не могла (и не понравилась), однако Катина прониклась к Европе уважением: люди живут чисто, по твердым правилам.

Одним словом, поездка получилась обнадеживающая. К дому Полина Афанасьевна возвращалась с московской, восточной стороны, жмурясь от лучей заходящего солнца, и прямо оттуда, из золотисто-розового сияния, навстречу выкатила пароконная бричка с англичанином на облучке. Сашенька приподнималась с сиденья, размахивала бабушке шляпкой.

Заговорили обе враз, каждой не терпелось сообщить новости. У Катиной голос был громче.

— Хорошо всё! — объявила она про главное. — Батальи пока что не будет, а значит, война еще продлится и овсы собрать успеем! Время есть!

— Времени нет! — завела про свое внучка. — Послезавтра полнолунье! Надо спешить, пока он опять кого-нибудь не убил! Я знаю, что надо делать!

Известием про военные дела Сашенька нисколько не заинтересовалась, и ее новость перевесила.

— Что ты знаешь? Что выяснила? — спросила Катина, перестав думать о Кутузове и Бонапарте. — Снимай салопчик. Он у тебя весь серый от пыли. Идем в дом, расскажешь.

— Мистер Дженкинс, тейк май ноутбук, — велела Саша своему телохранителю.

Беседовали в библиотеке. Александра говорила, Полина Афанасьевна слушала, англичанин жевал табак и с важностью кивал головой на каждое понятное ему слово.

— В Ивановском я нашла бабу, которая обмывала Маланью Петрову перед похоронами. В Потапове расспросила мать Лукерьи Егоровой — что мы с нею наревелись-то! У Татьяны Зосимовой из деревни Кузино мать с горя померла, так я с подругами покойницы потолковала. Вы послушайте, я зачту. — Сашенька заглянула в тетрадку. — Про Маланью, вот: «Костью тонкая, лицом белая, волос кудря-

вый». Про Лукерью мать, сейчас... «А тела она у меня была тонкого, волоса кольцами, и кожа — белая-пребелая». И про Зосимову: «Танька худущая была, мы ее дразнили «комарихою», а волосы у ней были завидные, кудрявые и кожа белая, как молоко». Теперь вспомните нашу Палагею — тоже тоненькая, белокожая и кудрявая. Вот на каких дев у него фиксацион!

— Фиксейшн, — молвил Фома Фомич, на миг перестав двигать челюстями.

Полина Афанасьевна стала вслух вспоминать, сколько в Вымиралове девок опасного возраста и обличья.

— Бондаревская средняя дочка Манефа... Никитки Сомова егоза, как ее, Сонька... Кто еще? А, у Ивана-кузнеца Наталья выросла пригожая, белоликая, кудрявая, только лядащая. Он жаловался, что ест за троих, да не в коня корм. Пожалуй, и всё. Какая же из них посмелее, чтоб не побоялась ночью одна вдоль реки ходить? На какого живца будем изверга ловить?

— Не понадобится живец, — сказала Сашенька, переглянувшись с Женкиным. — Мы знаем, кто убийца.

— Дзнаэм, — кивнул англичанин и оскалил желтые крепкие зубы.

Глава X
ОДНО К ОДНОМУ

— Кто?! — ахнула Полина Афанасьевна. — Наш иль чужой? Как ты его спознала?

Вопроса было три и самый главный первый, но внучка начала с последнего.

Гордо сказала:

— Исчислила.

Сделала паузу. Ответила на второй вопрос:

— Наш.

И только потом на третий:

— Кузьма Лихо, мельник.

— Мелник, — повторил моряк. — Блади санофабич.

— Кузьма?! Не может того быть!

Сашенька затараторила:

— Вы только меня не перебивайте! Вы слушайте! Я сама не хотела верить! Но вы поглядите, вот сюда поглядите!

Раскрыла тетрадку на рисунке непонятного содержания — какие-то кривые линии, штрихи, кружки.

ОДНО К ОДНОМУ

— Видите змейку? Это извивается река Савва. Всех покойниц нашли либо в воде, либо у берега, так? Дальше всего, в Панькове, выше по течению — в Кузине, еще выше — в Ивановском, потом — в соседнем Потапове, и тут вот, в нашем Вымиралове — Палагею. А выше уже никого.

— Ну и что?

— А то, что выше и быть не могло! Там плотина и мельница! Не оттуда ль вниз по течению спускали покойниц?

— Хоть бы и так. С чего ты взяла, что это Кузьма? Может, там девок кто другой убивал.

— А царапину на руке у Кузьмы помните?

— Подумаешь! Он щуку доставал, я тебе говорила. У исправника Кляксина вон на лице тоже царапины были. Ты и его подозревала.

— Не исправник это, — нетерпеливо отмахнулась от резонного возражения Сашенька. — Я про него узнавала. Когда третью девушку убили, Кляксина всю неделю в уезде не было. Он на свадьбу племянницы в Торжок уезжал. Да вы дослушайте, не перебивайте!

Фома Фомич укоризненно посмотрел на Катину, приложил палец к губам.

— Хорошо, хорошо. Сделай милость, продолжай.

— У лунных оборотней как бывает? Убийственный голод накапливается в них весь месяц, не находя себе выхода, и прорывается в полнолуние. Потом, до следующей луны, маниак делается тихим, смирным. Вы вспомните, какой Кузьма раньше был бешеный. Жену бил, с крестьянами дрался. Потом вдруг в разум вошел и умирился. Чудо Божье случилось, Агафья его отмолила. А когда это чудо случилось, помните?

— Как не помнить. На Обретенье главы Иоанна Предтечи. Агафья всем про то сто раз рассказывала, у ней теперь в красном углу икона висит.

— Иоанн Предтеча обретает голову в конце мая. А 30 июня нашли первый труп, сам всплыл. Я прочитала, что в нехолодной летней воде утопленники от внутреннего газообразования всплывают через пять-шесть недель. Как раз получается! Кузьма оттого шелковый стал, что научился свое неистовство в полнолунную ночь гасить убийством!

— Может, так. А может, и не так. — Полина Афанасьевна покачала головой. — Не доказательство это.

— Вот и я сомневалась. Всё думала: узнать бы в точности, в какие дни на Кузьму бешенство находило. Не в полнолунные ли? Даже и деревенских расспрашивала. Но давно было, не помнят люди.

— Само собой.

— Люди не помнят, а бумага помнит, — сказала тут Сашенька и торжествующе улыбнулась.

— Бумага! — повторил, обрадовавшись известному слову, и Женкин, для наглядности еще и постучал по тетради.

— Помните, как Лихо дважды людей калечил и его в уезд на разбирательство забирали?

— Как не помнить. Оба раза я его, скаженного, у исправника за деньги выкупала.

— Вот и я сообразила, что у Севастьяна Фаддеича членовредительства должны быть в журнале записаны. Давеча съездила, попросила показать. И что же? Три года назад крестьянин Кузьма Лихов сломал руку и оторвал ухо крестьянину Зотову 12 апреля. А в позапрошлый год перебил обе ноги оглоблей Ефрему Перфильеву 4 января. Знаете, что это были за дни по астрономическому календарю?

— Полнолуние? — прошептала Катина. Ай да внучка!

Но опять засомневалась.

— Погоди, погоди. Так-то оно вроде ладно выходит, только одно не складывается. Ты сама установила, что девок с большой высоты скидывали, оттого и приключалась

смерть. Откуда на мельне высота? Это ветряные мельницы высокими бывают, а наша — водяная, всего в два жилья. Оттуда с крыши упасть — расшибешься, но этак не переломаешься.

— Дуб, — коротко ответила Саша и перевернула еще одну страничку.

Там было нарисовано дерево, с ветки свисала фигурка, вниз указывала стрелочка.

— Самый старый дуб высоченный, с нашу колокольню, если не выше. Другого такого во всей округе нет. Если вздеть человека на верхнюю ветку, потянув за веревку, а после скинуть, будут точь-в-точь такие повреждения, как у бедных девушек. И многие переломы нижних конечностей, и синие кровоподтеки в ягодичной области.

Тут уж Катиной возразить было нечего. Она вдруг вспомнила суровое лицо Кузьмы, его твердый, неподвижный взгляд, исходившее от мельника ощущение некоей угрозы или опасности — такое, что люди вокруг будто съеживались. Сама-то Полина Афанасьевна подобного чувства не испытывала, но по другим примечала. Вот и бешенствовать Кузьма давно перестал, и рук боле не распускает, а деревенские его робеют. Лешак, как есть Лешак.

Помещица нахмурила брови, сверкнула светлыми глазами и сама тоже сделалась страшна.

— Что ж, потолкую с Лиховым. Прямо сейчас и отправлюсь.

Сашенька встрепенулась, хотела вскочить, но Катина удержала ее за плечо.

— Ты здесь жди. Он и так-то звереват, Кузьма, а коли твоя правда, не забуянил бы.

— Обязательно забуянит! Селеномапиак перед новолунием всегда яр, наливается своим голодом. Добро б почи стояли пасмурные, а то ни тучки. Вы с собой Фому Фомича

возьмите, он человек бывалый. Я ему еще в Звенигороде саблю купила, вдобавок к вашему ружью. Том, катлас!

Штурман важно отодвинул полу своего синего морского кафтана. У него там в самом деле к поясу была привешена какая-то штука с медной рукоятью.

Сашенька совсем перешла на английский, чтобы моряку было понятно:

— Мистер Дженкинс, вы знаете, что надобно делать, ежели мельник идет берсеркствовать.

Полина Афанасьевна последних слов в точности не поняла, но о смысле догадалась.

— Поди-ка тогда, дай мне с Фомой Фомичом наедине слово молвить.

Ни к чему девочке было слышать дальнейший разговор. Александра кротко, паинькой вышла.

Помещица помолчала, прикидывая, как подступиться к непростому предмету, но нужда в предисловиях отпала. Британец заговорил на сию тему сам:

— Млэйды, юной мисс говорить я не стал, а вам скажу. Если мельник станет сопротивляться, это будет очень хорошо. Я его, того-этого, прикончу. С чудовищами это лучше всего. А то ведь в вашей, извиняюсь за выражение, того-этого, стране даже смертной казни нет. Отправят гада на каторгу иль, того хуже, запрут в сумасшедший дом, а он сбежит и еще понаделает бед. Нужно уложить сукина сына на месте, и дело с концом.

Полина Афанасьевна вздохнула с облегчением, но было у нее еще одно сомнение.

— Да справитесь ли вы один с мельником? Он силен, как медведь.

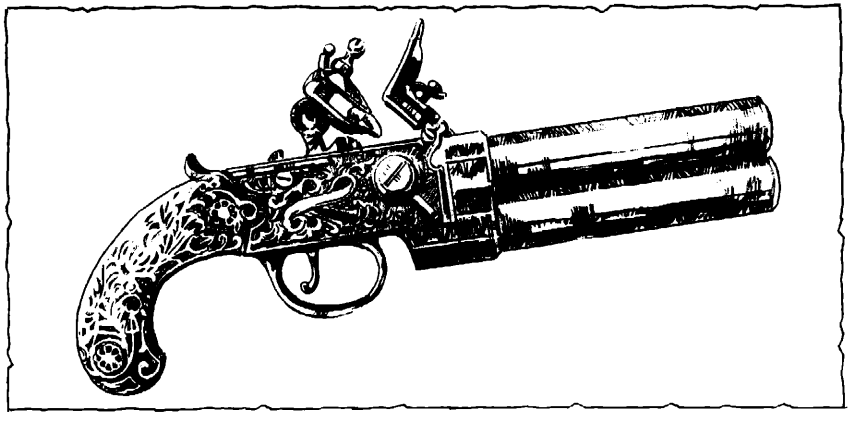
Фома Фомич обиженно запыхтел.

— В девяносто восьмом году в Бриджтауне, на Троицу, залезли к нам ночью на «Медузу» трое местных разбойни-

ков. Все наши дрыхли, я один вахту стоял. Так я одному негодяю руку отрубил, другому, того-этого, клинок в глаз воткнул, а третий еле-еле успел в воду сигануть. Или еще в Саутгемптоне был случай, в кабаке «Кобыла и осел», в восемьсот пятом...

Он стал приводить все новые и новые примеры своей доблести. Катина не прерывала, но слушать перестала. Прикидывала, кто из деревенских мужиков покрепче и посмелее.

Тишка-молотобоец в позапрошлый год Кузьму не заробел, дрался с ним, с тех пор щербат. Еще Захарка-охотник, он зимой на волков ходит. Конечно, глухой Спиридон — этот от тупости вовсе страха не знает, а силища бычья. Из шустрых да быстрых сгодится конюх Федька...



Глава XI

ДВУХСТВОЛЬНЫЙ ПИСТОЛЕТ

На мельню однако помещица соваться передумала. Лихов умен. Если увидит издали, что к нему идет целое войско, может сбежать. Лови его потом по лесам. И на ночь глядя затеваться незачем. В темноте злодею легче удрать. Всё надо обустроить с толком, чтоб не вышло осечки.

Сделала так.

Утром послала за Кузьмой дворовую девку — барыня-де по мучному делу зовет. И мельник, конечно, явился. Катина с внучкой из мезонина смотрели, как через луг движется высокая, статная фигура. Шаги широкие, мерные, левая рука отмахивает, как у солдата.

— Дай честное слово, что будешь у себя в комнате сидеть и наружу ни ногой, не то под замок запру, — строго сказала Полина Афанасьевна.

— А расспросить его потом мне позволите? Оно для науки нужно. Я репорт составлю, в Лейпцигский университет пошлю.

ДВУХСТВОЛЬНЫЙ ПИСТОЛЕТ

— Ступай, ступай! — прикрикнула помещица на деву. Незачем той было знать, чем оно закончится.

Мельника должны были привести в кабинет. Катина спустилась туда первая, села за стол, заваленный хозяйственными бумагами. Правую руку держала на коленях. В ней малый двухствольный пистолет, с которым помещица обычно путешествовала. Два курка, два спуска, две свинцовых пули.

За свою девку, несчастную Палашу, Полина Афанасьевна собиралась поквитаться с убийцею сама. Не англичанина то дело. Фома Фомич пускай сидит себе за дверью, в прихожей, ждет, чтоб кликнули. Под окнами затаились Спиридон с Федькой, в сенях — Захар с Тихоном. На случай, если рука дрогнет иль порох подведет. Ни первое, ни второе у Катиной случиться, конечно, не могло, однако в серьезном деле лишних предосторожностей не бывает.

Было слышно, как за приоткрытой дверью Лихов здоровается с моряком, как тот бурчит свое «драстуй».

Короткий, уверенный стук.

— Кузьма, ты? Заходи, жду.

Вошел. Шапка в руках, лицо спокойное.

— Зачем позвала, барыня? Работы много.

— Есть у меня подозрение, что это ты Палагею убил, а перед нею других девок, — сказала Катина, не обинуясь и глядя Кузьме прямо в глаза. — Сдается мне, что ты только с виду человек, а на самом деле бешеная собака, какая воет на луну и брызжет пеной. Как, приглядел уже следующую жертву? Худенькую, кудрявую, белокожую девчоночку.

Она нарочно говорила резко, напористо, чтоб ошарашить. Сашенька рассказывала, что безумство в маниаке перед самым полнолунием уже закипает, так пусть бы сразу

от неожиданности бес и вылез. Катина под столом уж оба курка взвела.

Мельник заморгал, но и только. Нужно было подбавить жару.

Голос помещицы загремел:

— Гадина ты кровожадная! Аспид пресмыкающий! Думал, безнаказан останешься? А того не смикитил, что все убиенные по реке пущены от твоей плотины! Сей страшный след прямо к тебе и привел. Есть на тебя и другие улики! Что скажешь, ирод косоумный?!

Бес из Лихова что-то не вылезал. Кузьма лишь прищурился. И ответил без крика:

— Твоя правда, барыня. У кого-то тут ум накось. Либо у меня, либо у тебя. Нашептал тебе кто-то нелепицу, а ты поверила. Для какой такой нужи стану я кудрявых белокожих девок убивать? Расскажи, послушаю.

Никак не ожидала Катина такого спокойствия. На вопрос ответить ей было нечего. В самом деле, для чего он их убивает-то? И почему именно юных, кудрявых, тощих, с чистою кожей?

Мельник протянул вперед сильные, жилистые руки.

— Ну вели меня вязать. Кто там у тебя под окном-то сопит? Везите к судье, пускай он рядит. Чай Расея — не Туретчина. Без свидетелей, без причины, без твердой указки невиновного не засудят. А с тобой я боле ничего говорить не стану, коль ты со мною этак.

Плотно сжал губы, взгляд из-под густых бровей злющий. Хотя как еще смотреть невинному человеку на облыжную обвинительницу?

Полина Афанасьевна заколебалась.

Нет, не в виновности Кузьмы. В лиховских глазах кроме понятной злобы она усмотрела еще нечто иное. То ли торжество, то ли усмешку. Будто бы он даже и рад, что его злодейство теперь ведомо, а не докажешь.

Колебалась Катина в другом — что теперь делать? Стрелять в смирного, не противящегося человека невообразимо. Везти его в уезд? Властям сейчас не до уголовного разбирательства, из-за войны все ополоумели. Ладно бы преступника схватили с поличным, а тут объясняй судье Егору Львовичу про астрономический календарь и лейпцигский справочник. Еще есть ли он на месте, судья-то. Не уехал ли, как многие другие, от француза подальше.

ДВУХСТВОЛЬНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Несколько мгновений помещица и мельник молча глядели друг на друга. Полине Афанасьевне помни́лось, что во взгляде Лихова будто играет, пузырится некая напористая сила. Это, верно, и был тот самый бесовской кураж. Сашенька говорила, что маниаки тешатся своим могуществом и хитроумием, почитают себя неуловимыми. И с восходом полной луны эта тяга станет неудержимой. Особенно, если ирод уверится, что сызнова всех обставил.

И опустила глаза помещица, завиноватилась:

— Ладно, Кузьма, не взыщи. Это я на всех так наседаю, кто близ реки живет иль на ней трудится. И Степана-лодочника пытала, и Тимошку-корзинщика, который ивовые ветки режет. Ступай с Богом, испытание ты выдержал. Не держи на старуху зла. Всё нейдет у меня из головы бедная Палаша.

Мельник ответно не смягчился.

— А все ж зазорно оно — этак на невиновного кидаться.

Не поклонившись, не попрощавшись, вышел.

Едва Лихов удалился, барыня собрала военный совет из Саши, Фомы Фомича и четырех мужиков, посвященных в дело. Болтливых средь них не было, разве что простоумный Спиридон, но ему, глухому, и раньше ничего не объясняли, показали только: будь тут-то, делай то-то. На совет Катина его посадила, чтоб не шлялся по двору, не гунявил лишнего с кем ни попадя.

Объяснив, почему отпущен Кузьма Лихо, помещица по всегдашнему обыкновению сразу не стала говорить, что задумала, а попросила высказаться остальных. Мужики скребли затылки, Спиридон хлопал глазами, Фома Фомич гонял от щеки к щеке табак. Зато Сашенька заявила сразу:

— Ночью он совсем другой будет. В книге написано, что, едва проглянет луна, оборотень себя удержать не может. Нужно засесть подле мельни, дождаться лунного восхода и нагрянуть. Тут-то Кузьма себя и покажет. А коли нет — значит, ошиблась я, не он девушек убивал.

Последнее, впрочем, было сказано во имя взрослой сдержанности — Катина это поняла и внутренне одобрила.

— Толково, — согласился с барышней Захар-охотник, он был умнее прочих.

Гордясь внучкой, Полина Афанасьевна приговорила:

— По сему и быть.

Дело шло к середине августа, темнело уже не столь поздно, поэтому экспедиция выступила из Вымиралова, когда деревня еще не улеглась. Из-за этого отправились не кучей, а поодиночке и сошлись вместе за лугом, почти в виду плотины. Там и сидели, пока не смерклось.

Вот свет совсем погас, надвинулась тьма. Чернеть ей, однако, предстояло недолго, край неба скоро засеребрится.

— Ну, действуем, как условились, — обратилась к своему войску предводительница. — Захар со Спиридоном, вы засядете за околицей — на случай, ежели Кузьма вырвется и побежит к лесу. Тиша с Федором, вы караульте со двора. Ю, Фома Фомич, гоу виз ми.

Голос можно было не понижать. Неумолчный скрип мельничного колеса и плеск воды заглушали всякий негромкий звук. Еще и неясыть ухала: «Ли-хо! Бе-ги!». Известно, ночная нечисть вся заодно.

Ничего, думала Полина Афанасьевна, шедшая первой. Побежит — догоним. Захар-охотник и в ночном лесу найдет.

ДВУХСТВОЛЬНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Перед открытыми воротами (мельник никогда их не запирал) помещица остановилась.

Из дома несся протяжный, низкий вой. Сука что ли у них там щенится? Но почему в избе?

Прислушалась. Вой был женский.

Тогда, не медля и не таясь, Катина бегом бросилась вперед. Взлетела на крыльцо, толкнула дверь.

В горнице на полу ничком лежала Агафья. Рвала на себе распущенные волосы, горб торчал кочкой.

— Уууууууу... — монотонно, без остановки выла мельничиха.

— Что тут у вас? — крикнула помещица. — Где Кузьма?

Горбунья повернула голову, оперлась на локоть.

— А-а, явилась... — Голос дребезжал от слез. — Ушел Кузьма...

— Давно?! — охнула Катина.

Как это ей в голову не пришло, что убийца мог на свою страшную охоту заранее отправиться, еще засветло? Мало ли в какой деревне он себе жертву присмотрел...

— А как от тебя вернулся, сразу собрал мешок, взял топор и ушел.

— Топор? А сказал, куда?

— В ратники.

— В какие ратники?

Агафья села на полу, юбка у нее задралась, обнажив на удивление крепкие, стройные ноги, но бабе было все равно.

— В ополчение. Звали же. Обещали после победы над французом вольную. Кузьма сказал: жить здесь боле не стану... Либо голову сложу, либо вернусь вольным человеком, заберу тебя... Обидела ты его, барыня. До смерти обидела...

Ненависти ни в тусклом голосе, ни в кротком взгляде не было. Только укор.

— Господь тебя простит, барыня, что на Кузьму моего напраслину возвела. Коли он на рати голову сложит, на твоей совести будет.

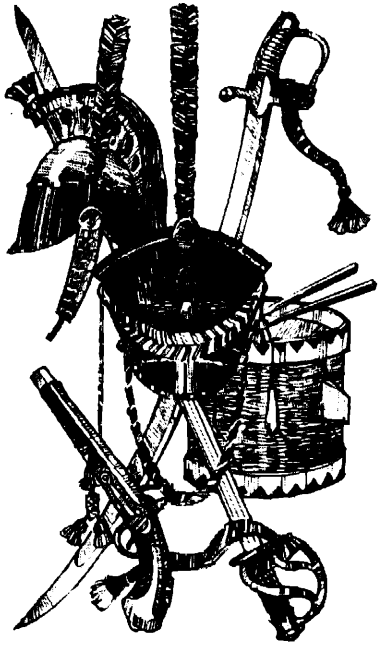
Хитер, дьявол, думала Полина Афанасьевна. Догадался, ушел!

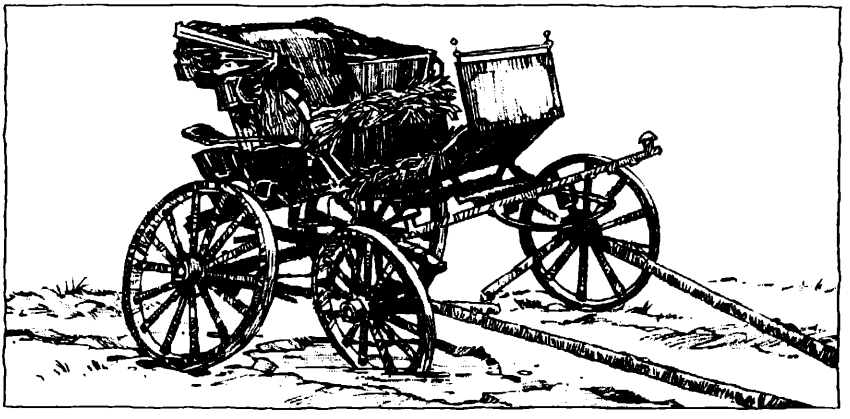
А мельниковой жене сказала:

— Ничего, моя совесть сдюжит. Коли Кузьма вернется, я с ним еще потолкую.

Том второй

ВОЙНА





Глава XII
НАТАЛЬЯ ОВСЯННИЦА

Сокрушаться, что душегуб ушел от кары, было некогда. Дела на свете творились огромные, страшные. Француз неостановимо пёр, война подползала всё ближе. У Полины Афанасьевны на Смоленской дороге, на последней перед Москвой станции, где всякий гонец, даже самый спешный, непременно останавливался испить квасу, имелся свой шпион, красивая и ушлая баба Настасья по прозвищу Лисиха. Румяная, веселая, говорливая. Сидела у крыльца, лузгала семечки. Как с такой кралей словечком не перекинуться уставшему от войны человеку? Лисиха секретов не выпытывала, спрашивала лишь: откуда такой пыльный прискакал, соколик?

Соколики прискакивали из всё менее отдаленных мест: из Дорогобужа, Вязьмы, Царева-Займища.

Еле-еле дождалась Катина заветной Натальи Овсянницы, 26 августа, когда уже можно овес снимать. Вывела в поля всех своих, одолжила работников у соседей. Страдничая с рассвета до темна, управились за два дня. Взяли с

тысячи десятин почти девяносто тысяч пудов. Вместе с прошлогодним богатым урожаем, полностью сбереженным, набралось двести тысяч. Под это великое множество помещица заранее расширила амбар.

Армейские интенданты любили закупать катинские овсы не только потому что хороши, зернышко к зернышку, это казенным людям в общем все равно — чай не сами жевать будут. Но Полина Афанасьевна придумала штуку, полезную для всякого командира. Овес она засыпала в малые третьпудовые мешки, каждый как раз на один лошадиный рацион. Это и для счета легко, и в походе удобно. Скажем, отправляется кавалерийский полк или эскадрон в трехдневный марш. Приторочить к седлу три небольших мешка — вот коню и еда. А еще фуражному начальству будет великим облегчением закупить такую прорву зерна в одном месте, а не у ста разных помещиков.

Цену за свой товар Катина рассчитывала получить военную — по полтине серебром за пуд, так что на круг выходило сто тысяч. Огромные деньги, впятеро против обычного года. Уже и придумала, на что потратит.

Одно только тревожило. Лисиха с последним нарочным, дровосековым мальчонкой, донесла, что как раз на Наталью Овсянницу наконец ожидается большое сражение. Где-то под Можайском, это от Вымиралова всего 80 верст. Ежели раскатает Бонапарт старика Кутузова в пух и прах (а это почти наверняка), плакали денежки. Никому столько овсища, да за такую цену уже будет не нужно. Хорошо, если половину продашь, по двухгривенному.

Очень помещица за честь русского войска волновалась. Только бы выстояло, только б не далось французу в плен. Еще бы недельки две повоевало, чтобы амбар опустел, а там уже можно и замиряться.

Поэтому вечером следующего дня, когда староста Платон Иванович, собрав всех мужиков и баб, занялся засыпкой и закладкой, Катина поехала на Смоленскую дорогу сама — узнать, чем оно там, под Можайском, закончилось. Сашенька напросилась в спутницы. Запрягли коляску. Сели рядышком, высоко, на козлах.

Еще не доехав до шляха, повстречали уездного предводителя Николая Ильича Толстого. Он мчался галопом, размахивал шляпой, волосы от скачки растрепались. Еще издали закричал: «Победа! Великая победа!».

Осадил коня, стал, захлебываясь, рассказывать. У него в штабе действующей армии был кузен, адъютант, прислал список с рапорта Кутузова государю.

Граф принялся читать:

— «Августа 24-го числа пополудни в 4 часа ариергард наш был атакован при Колоцком монастыре французами. Превосходные силы неприятеля принудили отступить оной к позиции, близ Бородина находящейся, где войска были уже устроены в боевой порядок. В сей день ариергард наш имел дело с неприятельской кавалерией и одержал поверхность...».

Поглядев на количество листков, трепетавших в руке Николая Ильича, Катина сказала:

— Граф, мы с Сашенькой военных подробностей не поймем. Растолкуйте коротко, как оно там, под Бородиным этим, вышло.

— Враг на всех позициях отражен! Вот, я вам самый конец зачту: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла

твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизни за свое отечество».

— С бодростью? — повторила Полина Афанасьевна в задумчивости. — И «не превозмогла»? Что-то непохоже на великую победу. Знаю я, как рапорты на высочайшее имя пишутся. А нет ли от вашего кузена какой личной записки?

— Есть. Серж пишет мне, что потери наши велики и что фельдмаршал велел войскам отойти к Москве, — несколько померкшим голосом молвил Толстой.

— Ну так вот что я вам скажу. Намял Бонапарт нашему Кутузову бока. Я хоть женщина, а знаю: после победы не отступают.

Граф заспорил, но Катина на него времени тратить не стала. Поехали дальше.

— Теперь надобно понять, насколько тяжела конфузия, — говорила Полина Афанасьевна внучке. — Поглядимка, как наши отступают — в порядке иль толпой. Ох, волнуюсь я за овес...

— Бабушка, как вы можете об овсе тревожиться, когда отчизна в опасности! — вознегодовала Сашенька.

— Моя отчизна ты да Вымиралово, а прочее — кобелиные игры, — отвечала Катина, настегивая лошадей.

На Смоленскую дорогу было не выехать. По ней сплошным потоком двигались повозки и верховые. Пехота, видимо, сюда еще не добралась.

Полина Афанасьевна и Саша поднялись в коляске, стали смотреть.

Кавалеристы были сильно усталые, насквозь запыленные, так что и цвет мундиров не разберешь. По эскадрону сразу ясно, какой был в сражении, а какой простоял в резерве. Те, что дрались, малочисленны; у некоторых, очевид-

но, легкораненых и оставшихся в строю, намотаны кровавые тряпки, но виднее всего по лицам. У рубившихся, побывавших под пулями-картечами будто некое сумасшествие в глазах. Ох, мужчины, мужчины, дурное семя...

Однако на побитых собак непохожи, примечала помещица. Кто-то размахивает руками — чем-то хвастает, кто-то даже хохочет. Прорысили гусары, только по знамени догадаешься, что полк, а на вид не более эскадрона, но ехали бодро, с песней и посвистом.

Не победа, но и не разгром — к такому заключению пришла Катина. Однако повеселела несильно. Если баталия закончилась вничью, значит перед самой Москвой, получив подкрепления, Кутузов даст новое сражение. Не уступит же он Первопрестольную с ее святынями, с Кремлем, без боя. Забоится Михайла Ларионович государева гнева, как забоялся под Аустерлицем. Кутузов — старая придворная лиса, все это знают. А значит, добьет Бонапарт русских. Если у нас от других полков осталось столько же, сколько от этих поющих гусар, иного исхода не жди. И войдет Наполеон в Москву, и продиктует мир, какой ему надобно. Всегда так было, во всех многочисленных войнах, что вел французский император. Нет, не продать овса...

— Ладно, чего тут смотреть, — мрачно сказала Катина. — Поехали восвояси.

Теперь было непросто проехать уже и проселком. Повозки, не помещаясь на Смоленке, заполонили и окрестные пути. Все поспешали уйти дальше от неприятеля, тянулись к Москве.

Выезд на дорогу, что вела в сторону Вымиралова, перегородила хорошая бричка. Она была бесконная. Оглобли беспомощно упирались в землю, задние колеса скособочи-

лись. Ясно: переломилась ось, лошадь отпрягли, поехали верхом, а экипаж бросили.

Полина Афанасьевна заколебалась: не забрать ли себе? Вещь хорошая, дорогая, рублей в семьсот-восемьсот. Прислать мужиков, живо починят. Однако не мародерство ли? Оно, конечно, по военной поре вокруг будут много разного добра бросать, не пропадать же ему? А все же как-то совестно.

Решила, что заберет и попользуется. А если когда-нибудь объявится хозяин, можно и отдать. Только спасибо скажет.

Чтобы лучше рассмотреть добычу, вышла из коляски. Спрыгнула на землю и Сашенька. Она первой обнаружила, что бричка не пустая.

Там на сене лежал офицер, безусый мальчик в мундире, каких Катина никогда не видывала: нарядный, синий с бирюзовыми вставками, с блестящими пуговицами желтого металла — уж не позолоченные ли? Рядом — картуз, тоже сине-голубой, вместо кокарды золотистый крест. Офицер и сам был прехорошенький, только очень бледный. Глаза с длинными ресницами скорбно сомкнуты, рот приоткрыт, через белейшие зубы со свистом вырывалось трудное дыхание. Правая рука у раненого была прикручена к палке грязными тряпками.

— Бедненький! — запричитала Саша, касаясь лба страдальца. — Какой у него жар! Где же санитары?

— Сбежали, — пожала плечами Катина. — Вишь, ось сломалась. Всякому своя рубаха ближе к телу.

— Бабушка, миленькая, нельзя его тут оставлять! Он погибнет! Может, он и так уже погиб! Чуете, как гноем пахнет? Не антонов ли огонь? — И глаза моментально наполнились слезами. — Ну пожалуйста! Мы же его не бросим?

— Чего ты меня упрашиваешь? — рассердилась Полина Афанасьевна, недовольная осложнением. — Что я тебе —

монстра какая навроде селеноманиака? Как можно раненого человека бросить? Эй, служивые, а ну сюда! Полтину хотите?

Это она крикнула солдатам, толкавшим через колдобину застрявшую телегу.

Стала командовать:

— Полегче подымайте, полегче! Перекладывайте.

Но дьяволы криворукие всё же шмякнули болезного об сиденье. Офицерик раскрыл глаза (они были васильковые), простонал:

— Ваня, где мы? Долго еще до дому? — Взгляд немного прояснился, удивленно переместился со старого женского лица на молодое. Ресницы заморгали. — А где Ваня?

— Удрал, мерзавец, — ответила Катина, но юноша не услышал. Глаза закатились.

Куда ж его везти, прикидывала помещица. В Звенигород к лекарю? На месте ли он? В госпиталь? А где его найдешь при отступлении? Везде неразбериха.

— К нам его нужно, — сказала Саша. — Пусть Виринея полечит. А я ей помогу.

И то. Ничего другого тут было не удумать.

Довезли беднягу до дому, перенесли в комнату, уложили. За попадьей Саша побежала сама и привела, да не одну. Пономарь Варрава тащил лубяной короб, в котором у Виринеи справа на все лекарские и знахарские случаи. За супругой увязался и отец Мирокль.

Пока Виринея с Сашенькой пользовали раненого, священник терзал помещицу умственным разговором. Из-за великих забот Катина давно не беседовала с философом, и виделись они только мельком, так что теперь батюшка от-

вел душу. Ему, оказывается, не давала покою соблазная идея, терзавшая мыслителя с самого начала войны.

— Тыщи и тыщи человеков свершают бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок, грабежей, поджогов и убийств, нарушают все заповеди, а церковь все сии неподобства грехом не считает, лишь прославляет христолюбивое воинство и кто больше убил, того славят пуще прочих! На грудь самым ловким убийцам вешают изображение Божьего креста и творят молебны, чтобы убить французов еще больше. И мне, матушка, подумалось. А что ежели страшные сии события,

казалось бы, противные всей человеческой природе, на самом деле нисколько ей не противны? *Может, так оно всё и должно*? — Детские глаза в ужасе расширились. — Как у зверей. Они же о милосердии не лгут. Сильный пожирает слабого, волк загрызает телятю, и так испокон времен. На том стоит мир. На что же она нужна, великая ложь, которую я проповедую за свое поповское жалованье? Зачем препятствую осуществляться закону природы? И сам я не глуп ли? Хоть в небеса не верую, однако, коли уж я священник, то как честный человек соблюдаю все предписанные установления. Не ем скоромного по пятни-

цам, в великий пост изнуряю себя и попадью плотским воздержанием. А чего для? Коли нет ни добра, ни худа, так что хочешь — то и делай. И если не делаешь — обкрадываешь самого себя.

— Зато Кузьма Лихо себя не обкрадывал. Делал, что хотел. Потому он — изверг, а вы порядочный человек, — ответила на умствование Полина Афанасьевна.

Священник оживился пуще прежнего, увлеченный новой темой.

— Вот и про Кузьму тоже желал с вами поговорить. Сомневаются прихожане, что он Лешак. Люди, они ведь как дети малые, память у них короткая. Прежнего, дикого Кузьму позабыли, помнят только смирного. Многие на вас ропщут. Агафью жалеют. Старуха Лукьяниха на исповеди сказала, что вы сами ведьма, Бога не боитесь, ночью на метле летаете...

— Что это вы таинство исповеди нарушаете?

— Лжа и лукавство, — отважно заявил священник. — Я их боле не приемлю.

— Так расстригитесь, — молвила Катина, утомившись пустословием.

Пошла посмотреть, что там с офицером.

Он лежал по-прежнему в беспамятстве, раздетый до пояса. По-цыплячьи тощенький, кожа белая-пребелая.

Виринея с засученными рукавами колдовала над освобожденной от тряпок рукой. Сашенька стояла с тазиком рядом, взволнованно сопела.

— Чем его, пулей или саблей? — спросила Катина.

— Не тем и не другим. Перелом у него был, открытый, — стала объяснять внучка. — Видите, тут кожа порвана. Палку прикрутили, а очистить не очистили. Оттого гнойное воспаление и жар. Еще день, и начался бы антонов огонь, пришлось бы ампутировать.

— Ништо, — сказала Виринея, накладывая свежий луб. — Парень молоденький, кость быстро зарастет. Я его сонной травой напоила, чтоб не дергался, не мешал. До завтра проспит, а проснется — жар уже спадет.

Саша бережно протерла мокрым платком тонкое лицо спящего, потом плечи, грудь.

— Пригоженький, — залюбовалась попадья. — Кожа нежная, будто у щенка на брюхе. А кудряв! Как я девкой мечтала о таких волосах...

— Ах, я тоже, — вздохнула Саша. — Ничего бы не пожалела...

Вот тебе и университетская голова, подумала Полина Афанасьевна и хотела снасмешничать, но тут со двора донесся истошный бабий крик. Помещица быстро подошла к окну.

Что за оказия? Горничная Малаша гналась за пономарем, лупила его кулаком по загривку. Варрава улепетывал, вжимая голову в плечи.

— Эй, эй! Что такое?

Оба остановились.

— Барыня, я в нужнике была! — Маланья показала на сарайчик, где отхожее место для дворни. — А этот, охальник, в щель подглядывал!

— Я поглядеть лишь, нет ли кого! — заблеял Варрава. — Чтоб никого не обеспокоить!

Во двор вышла Виринея, направилась к служке.

— Опять за свое, паскудник? Всё не угомонишься? Он и за мной в баньке подглядывал. Я его за то веником по роже хлестала и после на горох поставила.

С размаху двинула срамника кулаком в лицо. Из разбитого носа хлынула кровь. Варрава отшатнулся. Захныкал.

— Два часа коленно простоишь, на горохе! Поди вон!

Засеменил, утираясь рукавом.

— Гнать его в шею, да ты, батюшка, больно жалостлив, — зло сказала Виринея подошедшему супругу.

Отец Мирокль примирительно погладил ее по плечу.

— Грешен Варрава, да, пожалуй, и низок, а все-таки тоже человек. Куда он пойдет? Кому нужен?

— Коли никому не нужен, то и черт бы с ним, — отрезала помещица.

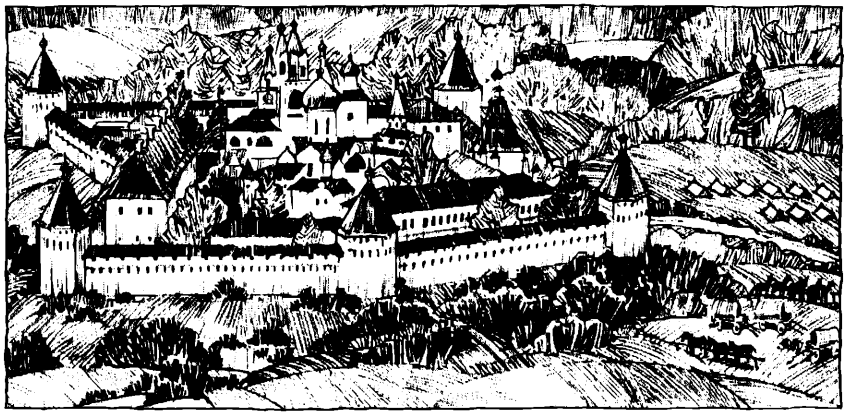
Поп обернулся к ней.

— Ах, сударыня, на свете нет людей, коими можно было бы бросаться! Вот Варрава. Вроде бы никчемник, ходячее досаждение. А видели бы вы его на колокольне, на высоте, когда он звонит! Очи в небо, в них сиянье! И хоть звонит нескладно, но ведь всю душу вкладывает!

Полина Афанасьевна махнула рукой. Не было у нее времени слушать зряшное. Надо было ехать посмотреть, как там управляется староста в овсяном амбаре. Стемнеет скоро.

Только сказала напоследок:

— Нет у вас своего ума, так жену бы слушали. Гнать надо паскудника. Виринея знает, что говорит.



Глава XIII

ОЖИДАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

Насчет покалеченного офицера попадья тоже не ошиблась. Назавтра он пробудился свеж и бодр.

Сидевшая у ложа Малаша, как было велено, кинулась из комнаты с воплем (она вообще была крикунья):

— Проснулись! Они проснулись!

И тут же дробно застучали Сашины башмачки. Пошла посмотреть-послушать и Полина Афанасьевна — что за гостя судьба привела.

Гость немедленно всё о себе рассказал, охотно и с подробностями.

Имя ему было Дмитрий Ипполитович Ларцев, но он попросил звать его Митей, а затем откликался и на Митеньку. Был он москвич, сын тайного советника, волонтер мамоновского полка. Про этот полк Катина слыхала — в Москве о нем много толковали. Несметный богач граф Мамонов снарядил добровольческую кавалерию на свои средства, с превосходной экипировкой и неслыханным содержанием. Туда позаписалась вся золотая молодежь из не-

служащих. Говорили, что офицеров в полку больше, чем нижних чинов.

За обедом нисколько уже не бледный, а вполне румяный Митенька ел с аппетитом, но рассказа не прерывал. Рассказ был горестный.

Юного прапорщика мучило, что он не поучаствовал в великом сражении и даже не доехал до настоящей войны. Близ села Семеновского, при звуке дальней пушечной пальбы, несшейся со стороны деревни Шевардино, непривычный конь, даром что арабских кровей, задурил и скинул всадника.

— Больно было — ужас! — говорил Ларцев сочувственной Сашеньке. — Я на руку свою посмотрел, замутило — лишился чувств. Кошмар, до чего стыдно!

— Это часто бывает, в медицине называется «нервический Schock», — утешила ученая Александра.

Но Митенька не утешился.

— Всю жизнь теперь буду терзаться, что был около самого Бородина, а в бой не попал! Никогда себе не прощу!

Назад в Москву каляску вез слуга Иван, и сначала Ларцев был в сознании, всех расспрашивал про сражение, но потом от боли и начавшейся лихорадки стал «уплывать». Как сбежал слуга, не видел и не помнил.

— Скотина он, — сердито изрекла хозяйка. — Еще, поди, сказал вашим отцу-матери, что вы померли. Надо в Москву нарочного послать, чтоб они зря не убивались. И чтоб с Ивана вашего шкуру спустили. Вы где жительствуете?

— Да я сам поеду, мне уже совсем хорошо.

Сашенька быстро сказала:

— Нельзя вам ехать, Дмитрий Ипполитович. Ни верхом, ни в экипаже. Виринея велела неделю, а лучше две руку держать недвижно, пока кость не прихватится. И я подтвержу, по медицинской науке: тряска при таком переломе гибельна.

— А главное, навряд ли вы своих дома застанете, — прибавила Катина. — В Москве ныне такое творится — все поднялись, бегут от француза прочь.

Она еще на рассвете произвела важное действие: нарядила в Москву верного человека надзирать за событиями. Послала не бабу Лисиху, а самого Платона Ивановича, да с курьером — конюхом Федькой. Староста должен был дважды в день присылать репорт, какие там творятся дела. Путь-то недальний, всего два часа рысью до Дорогомиловской заставы. Федор только что прибыл с первой запиской. Платон Иванович докладывал, что в городе брожение, никто ничего толком не знает. Одни хотят громить французские лавки на Кузнецком Мосту, другие — бежать куда глаза гля-

дят, но солдаты пропускают через рогатки только чистую публику, и она валит валом в восточную, северную и южную стороны.

В последующие дни известия от катинского соглядатая приходили противоречивые.

Вроде бы начальство постановило дать пред городом, на Трех Горах геройскую баталию, навалиться на супостата всем народом. Главный командующий граф Ростопчин сулится сам повести православных на неприятеля, который-де на Бородине надорвался и против всего міра не сдюжит. К этому сообщению Полина Афанасьевна отнеслась недоверчиво, зная графа как хвастуна и пустомелю. Однако назавтра Платон Иванович прислал афишку, озаглавленную «Воззвание на Три Горы». Там большими буквами пропечатано: «Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая Отечество, не впустить злодея в Москву. Но должно пособить, и нам свое дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать, Москва наша мать. Она нас поила, кормила и обогатила. Вооружитесь, кто чем может, возьмите только на три дни хлеба, идите с крестом, возьмите хоругви из церквей и с сим знамением собирайтесь тотчас на Трех Горах. Я буду с вами, вместе истребим злодея. Слава в вышних, кто не отстанет. Вечная память, кто мертвый ляжет. Горе на Страшном Суде, кто отговариваться станет!». На обороте круглым старинным почерком Платон Иванович приписал, что огромные скопища простого люда движутся к месту сбора, и командиров над ними никаких нет.

Катина только головой покачала. Вот кто злодей, а не Бонапарт. Есть ли грех хуже, чем пастуху гнать на убой вверенное ему стадо? Ох, что народу поляжет под французскими пулями и ядрами...

ОЖИДАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

Однако назавтра староста отписал, что толпа простояла на Трех Горах попусту, граф Ростопчин туда не явился. Ночью через город прошла армия, не остановившись. У обывателей одушевление сменилось ужасом. Все бегут из Москвы прочь, никакими заставами не удержать. В городе Содом и Гоморра. Вскрыты винные склады, разломаны лавки. Повсюду шатаются пьяные и буйные, на улицах драка, грабеж и убийство. Ни полиции, ни начальства не видно.

А затем, сентября 2 дня, Платон Иванович явился сам, объявивши, что Москва совсем опустела и глядеть там более не на что. Не сегодня-завтра ждут французов.

Ну, бездельно-то ждать Полина Афанасьевна не обвыкла. Села на коня поплоше, поехала снова на Смоленскую дорогу — посмотреть, каковы они, французы. Внучку, конечно, не взяла — мало ли. Какая культурная нация ни будь, но от войны все мужчины звереют. Молодую девицу кобелиной стае показывать незачем. Вот старосту, умного человека, с собою прихватила, дала и ему разбитую лошаденку, на которую никакой мародер не позарится.

Часа два простояли вдвоем на обочине, наблюдая за бесконечным потоком войск. Никто их не тронул, даже и не смотрели. Хорошо это — быть старухой. Будто на тебе шапка-невидимка.

Что сказать про наполеоновых солдат? Бравые, справные, идут бодро. Особенно хороша кавалерия — на нее Катина взирала с особым вниманием. Кони рослые, бокастые. То-то поди овса жрут!

У старосты вид марширующего войска вызвал иные помыслы.

— Ах, барыня-голубушка, всё зло на земле от мужской похоти. Вы поглядите на них: чисто звери щетинные! Дур-

ной сок в них так и бродит. Оттого и насильничают, оттого и убивают. Так ли Господь Исус Христос учил? Будь я царь-государь, издал бы указ: всех парней женить пораньше, а как свой долг перед людским родом сполнят, по трое детишек произведут, всех убелять, отсекать срамные уды. Пускай потом живут с женой, яко брат с сестрой, без греха. Такой муж ни драться, ни пьянствовать не станет. Такой отец дитятю не обидит. Кроток будет, работящ, ласков. То-то рай настанет! Ни войн, ни злодейств, ни безобразий!

У хозяйственной Полины Афанасьевны мысль пошла дальше.

— Как в хорошем стаде нужно. Зачем людскому роду приплод от мужика хилого, лядащего? Лучше таких вовсе до женитьбы не допускать, холостить еще на подросте. А для потомства оставлять только отборных: статных, здоровых, етучих. Оно и в природе так устроено — не всякому самцу дозволено самок топтать. От сего человеческой породе выйдет одно лишь улучшение.

— Да вы, матушка, желаете учинить разврат турецкий, — молвил староста с укоризной.

Помещица не ответила, думая: надобно подождать, когда власть установится, а потом разобраться, кто у французов ведает закупкой фуража. Дальше ведь как будет? Войдет Бонапарт в Москву. Денек-другой потешится, парад победный устроит — у них, у петухов, так заведено. В Петербурге тем временем будут совещаться, как бы насчет мира договориться. Через неделю, много десять дней привезут предложение. Но сразу, конечно, не замирятся. Начнется торговля. И всё это время французам надо чем-то кормить десятки тысяч лошадей. А тут вот она, Полина Афанасьевна. Близехонько, с преогромным амбаром, полным овса.

ОЖИДАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

— Вот что, Платон, — прервала она старостино голубиное воркование. — Езжай-ка ты сызнова в город. Будешь теперь надзирать за этими. Вот тебе денег, найми переводчика из тамошних французов. Как только определится, кто главный по провиантскому и фуражирному делу — дай мне знать.

Второго сентября разговор был, заполдень. И еще девять дней после того длилось ожидание, бездеятельное, но не сказать, чтоб бессобытийное.

Очень тревожила Сашенька. С появлением в доме офицерика, ранее бледного и беспомощного, а ныне говорливого и бойкого, внучка сильно переменилась. Полина Афанасьевна наблюдала за этой метаморфозой с двойственным чувством. Уже жалела, что сразу не спровадила Дмитрия Ипполитовича восвояси, и черт бы с ней, с несросшейся рукой.

Беспокойно было смотреть, с каким восхищением взирает умнейшая, ученнейшая девица на юнца, изрекающего самые обычные вещи, иногда преглупые. «Как он храбр! Как он искренен! Какая высокая душа!» — поражалась барышня. «Не будь он хорошенький, ты иное бы пела», — кисло говорила бабушка и слышала в ответ: «А еще и хорошенький!».

Конечно, этого следовало ожидать. Девочка растет в глуши, никого кроме мужичья не видит, для нее и Фома Фомич — исправный кавалер. А тут смазливый юнош, пострадавший на войне, в щегольском мундире. И разговор у него милый, что уж душой кривить. В такого всякая барышня втюрится. А все же Катиной было досадно, что ее Сашенька, ни на кого не похожая, ведет себя, как обыкновенная дурочка.

Не ревность терзала Полину Афанасьевну — боязнь. Ну как влюбится Саша всерьез? Не окончится ли оно болью и разбитым сердцем? Это сейчас Митя с нею сахарный, потому что она его обихаживает и других девиц рядом нет. Но ведь она, бедняжка, некрасива. И по светским меркам генеральскому сыну не ровня. Род Ларцевых и богат, и знатен, и ведом государю. Ах, добром это не кончится!

Принялась Катина занимать внучку разными заботами, давала по десять поручений на дню. Потолкуй-де с бабами насчет оспяной прививки для ребятишек, полечи заслуженную пожилую кобылу Настасью Петровну, поучи смышленого поваренка Сидорку грамоте и прочее такое, от чего Александре отказаться было нельзя. Расчет у Полины Афанасьевны был на то, что внучка станет меньше бывать наедине со своим предметом, а тем временем кость заживет и можно будет отправить Дмитрия Ипполитовича от греха подальше. Есть и пристойная причина: он ведь офицер, не дай бог нагрянут французы — в плен заберут.

Только проку из этих маневров не получилось. Сашенька поручения исполняла, но треклятый Ларцев всюду таскался за нею. Еще хуже вышло. Бабушка смотрела из окна, как идут они рядышком — она взволнованная, он невозможно красивый, с рукой на эффектной черной перевязи — и хмурилась.

Помощь явилась от кого и не ждала — от Фомы Фомича.

Вышло это так.

Митенька изъяснялся по-русски хоть и правильно, но немножко странно, будто чужеземец. Как-то однажды Полина Афанасьевна за ужином ему раздраженно говорит:

— Что это вы, сударь, русскую поговорку коверкаете? «Ради милого дружка семь миль не околица»! У нас, чай, не Англия, у нас считают на версты.

Раздражилась она, потому что досадный юноша поговоркой про милого дружка ответил на Сашенькин нежный

вопрос: не утомительно ль ему было под дождем нести к ней на дальнюю конюшню зонтик.

Ларцев хозяйке застенчиво улыбнулся:

— Виноват, мадам. Я ведь до тринадцати лет своего возрасту обитал в Лондоне. Мой батюшка состоял товарищем нашего посланника графа Воронцова. Учился я в английском пансионе, среди туземцев, и по-русски стал говорить лишь по возвращении в Москву.

Фома Фомич, до сего момента тихо пивший пиво, при слове «Лондон» встрепенулся, да как затараторит с прапорщиком на своем наречии. И после от нового собеседника уж не отлипал.

Прирос к англичанину и Митенька, завороженно слушая бесконечные рассказы про моря и разные приключения. Полина Афанасьевна прямо нарадоваться не могла этакому обороту. Теперь штурман все время был при молодых и совершенно оттеснил Сашеньку. Та уж и жаловаться приходила, что мужчины, бывает, ее из своего общества изгоняют. Женкин говорит, что сейчас будет рассказ «нот фор лейдиз», и потом они там о чем-то вдвоем хохочут, а она в стороне, как дура.

Лицемерно посочувствовав, бабушка обещала поговорить с Фомой Фомичем — и поговорила. Велела ему неотлучно состоять при Ларцеве и в качестве награды выделила дополнительно рому, взяв однако слово слабого юношу этим пойлом не травить.

Стало немного поспокойней.

Из Москвы от Платона Ивановича между тем каждодневно поступали донесения.

В первом староста доложил, что поселился бесплатно, ибо даже самые лучшие дома стоят пусты. Легко сыскал и

переводчика, француза из Гостиного Двора. Сторговались дешево, за семьдесят пять копеек в день, ибо иностранцев осталось много и кормиться им нечем. В Москве пока что видны только неприятельские разъезды. Говорят, что полки обходят город справа и слева вдоль Камер-Коллежского вала.

Потом пришла записка о победительном параде, произведшем на тихого Платона Ивановича большое впечатление. Он у Тверской заставы полдня смотрел, как мимо под развевающимися флагами и прегордыми орлами, с барабанным боем и трубами шествуют французы и прочие языцы. Видел самого Бонапарта, который показался старосте обличием скромен, а ликом гладок и приятно округл, будто скопец.

Дальше несколько дней было только про пожар, начавшийся при сильном ветре и постепенно запаливший весь город. Платону Ивановичу пришлось трижды перебираться с квартиры на квартиру и в конце концов он утвердился на восточной окраине, в Басманах. Москва выгорела чуть не дотла. Над черною землей, обугленными остовами домов и серыми пепелищами (писал в апокалиптическом стиле книгочей) возвышается закопченный Кремль, а боле ничего нет.

Вообразить такое было трудно. Как это — Москва испокон веку была, а теперь ее нет? Но на свете творилось многое прежде невообразимое. Взять того же Наполеона, артиллерийского поручика, ныне обитающего в царских палатах.

Умный человек, однако, всякую напасть оборачивает себе на пользу. И Катина быстро переменила свои дальние намерения. Прежде она думала потратить овсяные деньжищи на покупку пахотной земли. Рассудила, что разоренные войной соседи, нуждаясь в средствах, отдадут ее за бесце-

нок. Десятин пятьсот, а то и тысячу можно будет прибрать. Но теперь помещица замахнулась шире. Граф Толстой продавал свой обширный сосновый лес, знаменитый на всю губернию. Хотел полтораста тысяч, и лес того стоил, но Полина Афанасьевна о подобной трате не могла и помышлять. Однако ежели выручить за овес сто тысяч, а с графом хорошенько поторговаться (он после войны уступчив станет), то лес можно выкупить. И станет он золотым дном, потому что надо же будет потом Москву заново отстраивать. Бревно и доска ого-го как в цене подскочат.

Катиной не терпелось провернуть великую овсяную коммерцию, но из-за треклятого пожара новая власть в Москве всё никак не упорядочивалась, а время-то шло, и поди уж носились гонцы между двумя столицами, доставляя от императора к императору мирные предложения.

Только через неделю Платон Иванович наконец сообщил, что в уцелевшем доме канцлера Румянцева на Маросейке открылась управа рекомая «Московским муниципалитетом». Поразвесила прокламации, призывающие купцов и обывателей поставлять на армейские склады продовольствие и фураж за установленную плату. Староста туда сходил. Поглядел, послушал, остался недоволен. Денег за овес предлагают мало, по франку (это ихний рубль) за пять пудов самого наилучшего. Однако переводчик разнюхал, что военные интенданты дают много больше, чем гражданские власти.

В ответном письме Катина велела разузнать про это подробнее, но тут Платон Иванович объявился сам. Сидеть в горелом городе ему более было незачем. Распорядительный староста всё в доскональности разузнал.

Дорога с запада на восток, по которой неприятели дошли от границы до Москвы, называется у них «Лакомуни-

касьон», потому что французы с нее лакомятся, собирают корм. Вся земля по обе стороны дороги поделена на «комиссарьяты» (это как наши округа), и в каждом свой начальник-комиссар. У него солдатская команда для охраны шляха и поддержания порядка, а также для сбора припасов. Если жители сами привозят зерно ли, сено ли, убоину, французы платят, и платят хорошо. Там же где крестьяне по глупости и упрямству продавать не хотят, комиссары отбирают потребное насильно, ибо у них от главного интендантского генерала строгий наказ: сколько чего добыть. Нашего комиссара зовут майор Бошан, квартирой ему назначен Саввинский монастырь, что близ Звенигорода. Туда, стало быть, и нужно адресоваться.

Выслушав рассказ, Полина Афанасьевна похвалила своего толкового помощника. Время было уже поздневечернее, но сидели в гостиной без свечей — в окна светила ярчайшая луна, круглая, как золотая монета. Катина мельком вспомнила, как гонялась за лунным безумцем, и сама подивилась, сколь сильно ее прежде занимали подобные пустяки. Тут весь мир населен сплошными маниаками, и убивают они не по одной девке раз в месяц, а каждый день тыщи народу, жгут целые города, и никто тому не удивляется. Подумала про это — и забыла.

Но наутро, когда уже закладывали коляску ехать в Звенигород, вдруг шум, крик. Прибежали из села, гурьбой. Орут: «Лешак! Лешак!». Катина не сразу и разобралась, в чем дело.

А это речка Савва опять вынесла на берег, прямо перед Вымираловым, новую упокойницу. И тут, конечно, стало не до поездки. С колокольни загудел набат — дурной Варрава кинулся звонить. Дворня вся заголосила. В деревне, верно, было вовсе столпотворенье.

ОЖИДАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

Полина Афанасьевна велела распрягать. Овес овсом, но первый долг помещицы — быть со своими людьми, когда они в горе иль ужасе.

Отправилась к церкви, успокаивать крестьян. За покойницей отрядила внучку: убрать тело с глаз, отнести в сарай, осмотреть. Фоме Фомичу велела состоять при Сашеньке. С ними, конечно, увязался и Ларцев.

Вот некстати, досадовала Полина Афанасьевна, пока не позволяя себе думать про загадочное: кто мог совершить убийство, если Кузьмы месяц как нет? Пускай Александра сначала установит, убийство ли. Может, кто просто взял и утоп.

Чуть не весь день помещица, отец Мирокль и староста вразумляли деревенских. Сначала всех скопом, после причитаний, молебна и коленного стояния. Затем, разделившись, еще ходили по дворам. И всюду надо было говорить одно и то же: время сейчас такое, что мертвяки по дорогам, лесам и полям во множестве валяются. Кого-то раненого скинули, кто-то бежал от француза, да обессилел, кого-то грабители порешили. Лешак, ежели он и есть, с перепугу в самую чащу забился, не до баловства ему. Слава богу, покойница была чужая.

Поразительно, думала Катина, насколько людям непонятная смерть страшнее понятной. Что им Лешак, когда нагрянуло сто тыщ лешаков с ружьями-пушками и рушится всё царство-государство?

Вернулась домой уже перед закатом, измученная. И сразу к скобяному сараю.

Там были Сашенька с Женкиным.

— Ну что у вас? — спросила Полина Афанасьевна, глядя на раздетый труп, со всех сторон обставленный горящими свечами. После дневного света в сумраке видно было плоховато, труп казался темно-серым.

— Митя упал, лишился чувств, — сказала Саша. — Прямо на берегу! Посмотрел на покойницу, сделался бледен — и бух! Я невесть что подумала. Ужас как испугалась! А это он, оказывается, никогда раньше мертвецов не видывал. Я ему воротник расстегнула, виски терла и потом...

— Ты про дело говори! — прервала ее бабушка. — Что с упокойницей?

— Наша. — Александра печально вздохнула. — В смысле не наша деревенская, а по признакам. Кости снизу все переломаны, на запястьях следы веревки, зад синий. Сложением тонкая, возрастом юная. Волосы, когда высохли, закудрявились. Кожа сначала была чистая, белая.

— Что значит «сначала была»? — спросила Катина, с каждым словом всё сильней хмурясь.

— С полудня труп вдруг стал темнеть и стал вон какой.

Полина Афанасьевна приблизилась к верстаку и увидела, что темно-серый цвет ей не померещился. Вся кожа у мертвой была оттенка дорожной пыли.

— Не возьму в толк, что сие за явление. С прежними убитыми такого не было, — сказала Сашенька.

А Фома Фомич сзади молвил, по-английски:

— Это шли мы раз из Калькутты в Бомбей и повстречали в море шхуну, а на ней одни мертвецы. И тоже темные, хотя видно, что не индусы. От чумы перемерли. Капитан приказал потопить шхуну из пушек, даже ничего оттуда не взяли.

— Чумы нам еще не хватало, — содрогнулась помещица.

— Это не чума, бабушка. Это я не знаю что.

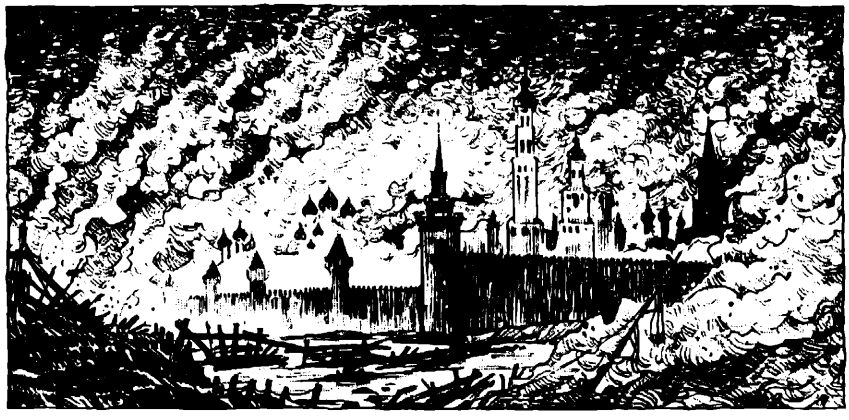
— Замотать в рогожи и скорей заколотить в гроб, пока никто из дворовых не увидал. А то если к Лешаку еще чуму приплетут, да в нашем моровом Вымиралове, народишко совсем рехнется.

ОЖИДАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

И объяснила Женкину, что ему предстоит поплотничать. Тот бодро отвечал, что рубить гробы он умеет. В восьмисотом году на Мартинике после штурма французского форта почти полкоманды схоронил, и всех достойно, полюдски, с музыкой и в настоящих гробах. Приятно вспомнить.

— Выходит, ошиблись мы, бабушка. Я ошиблась... — виновато сказала Сашенька. — Про Кузьму Лихова... Как стыдно-то!

— От стыда не помирают, — угрюмо ответила Катина. — Беда, что зверюга этот где-то вокруг шныряет и сызнова лютует... Ладно. Про то потолкуем завтра, когда я главное дело исполню.



Глава XIV

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ КОМАНДАН

Потому что мертвецы мертвецами, а жизнь жизнью. И ничего главнее продажи овса для помещицы сейчас не было.

Рано утром Катина поехала к Звенигороду в коляске, да правила не сама, а для важности посадила на облучок принаряженного Федьку. Надо было французскому комиссару явить респектабилитэ.

Городок стоял пустой. Хоть и не Москва, а жители тоже от греха куда-то убежали. Или, может, попрятались, пока не стало ясно, насколько страшна новая власть. Это-то было понятно, но на улицах отсутствовали и французы. Где ж они, победители?

Оказалось, они все в монастыре, верней у его стен. Частью в паломническом корпусе, частью прямо на холме, в палатках. Почему не внутри — бог весть. А внизу, на лугу, тесно стояли одинаковые фургоны с полотняным

верхом и у длинных свежесрубленных коновязей в ряд лошади.

Возле монастырских ворот скучал синий часовой с преогромными усами.

— Мне к главному начальнику, — сказала помещица, выйдя из коляски.

Караульный поглядел без интереса.

— Командан Бошан там. — Кивнул на настоятельские палаты. — Сходи, старая. Может, пустят.

Внутри объяснилось, почему французы встали лагерем за стенами. В широком дворе, между собором и трапезной, прямо на земле густо сидели люди. Были они в знакомых, русских мундирах. Некоторые в бинтах. По окружности наскоро сколоченная дощатая изгородь, и за нею караульные с ружьями.

Пленные. Человек полтораста. Сюда их поместили, чтоб легче было сторожить. А монахов нет. Должно быть, выселены.

Проходя мимо пленных, Полина Афанасьевна с жалостью смотрела на худые, небритые, исстрадавшиеся лица. Ох, мужчины, мужчины, что вы друг с дружкой и с белым светом вытворяете.

— Барыня, голодуем тут! — жалостно попросил заморенный солдатик. — Монеткой пожалуй! У француза хлебушка купить. Только серебряную дай, бумажных денег они не берут.

Тебе дай — все набегут, подумала Катина и не ответила, но решила, что, сторговавшись с командано м, заодно условится и о пленных, прислать для них еды. Жалко французам, что ли. Но сначала важное.

Попасть к командану было не так просто, как войти в ворота. В прихожей келье за столом сидел военный писец. Подняв глаза от бумаг, он строго вопросил, кто-де вы, ма-

дам, и по какому сюжету пожаловали. Катина объявила, что она местная шателянша и что сюжет у нее весьма импортантный.

— Ежели вы с жалобой, обращайтесь письменно, — был ответ. — Мосье командан не имеет времени.

— Я по сюжету поставки овса.

Посмотрев на посетительницу еще раз, теперь внимательно, унтер-офицер сказал:

— А. Это иное дело. Извольте обождать. Доложу.

Ожидала Полина Афанасьевна у окошка, глядя на монастырский двор. Подле стены там были привязаны лошади,

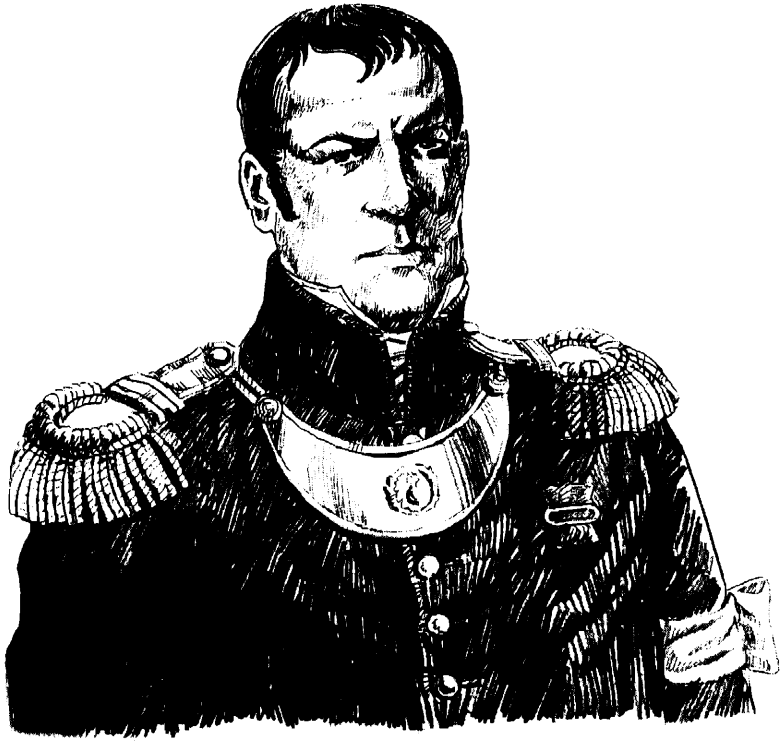
ЗВЕНИГОРОДСКИЙ КОМАНДАН

и хрупали они не овес — сено. Еще бы! Овес нынче сыскать трудно. Это Катина на Наталью Овсянницу урожай собирала, другие только о войне тревожились.

Минуты не прождала — дверь скрипнула, послышался оживленный голос:

— Где же она? Эй вы, марш за мной! Переводите в точности всё, что будет сказано.

Обернувшись, помещица увидела невысокого, плотно сбитого офицера в синем мундире с черными обшлагами. Лицо у него было квадратное, с твердым подбородком и сжатыми губами. Над выпуклым лбом гладкий чубчик а-ля



Бонапарт, глаза прищуренные и красноватые — должно быть, от недосыпания. Серьезный мосье, сразу определила Полина Афанасьевна, знавшая толк в людях.

Француз слегка поклонился.

— Мажор Бошан, а вотр сервис, мадам.

— Это, Полина Афанасьевна, майор Бошан, окружной начальник, — раздался знакомый голос.

Из-за плеча майора выглянул капитан-исправник Кляксин, одетый в статское, но с французской кокардой в петлице.

— Я ныне состою при них для всяческих услуг. — И продолжил по-французски, изъясняясь на этом наречии прескверно, хоть и бойко: — Се мадам Катина́, первейшая в уезде производительница овса.

— Жениаль! — улыбнулся Бошан. — Попросите ее заходить, и мы побеседуем. А вы переводите.

Полине Афанасьевне было ни к чему, чтобы на деликатной беседе присутствовал Кляксин, который, выслуживаясь перед французом, еще затеет сбивать цену.

— Мне, мосье, переводить не нужно, — сказала она. — Я ваш язык знаю.

Майор улыбнулся еще шире.

— Жениаль! — повторил он и небрежно махнул Кляксину: — Тогда вы не понадобитесь. Примите у мадам Катина́ тальму и ждите за дверью.

Помогая помещице снять накидку, Севастьян Фаддеич шепнул:

— Если осуждаете меня, то зря-с. Верхние люди поменялись, а мы, средние, всегда нужны. Без нас любая власть как без рук-с. Рассчитываю со временем подняться, занять место уездного начальника или как это у них называется — префекта.

— Нимало не осуждаю, всяк устраивается как может, — сказала Полина Афанасьевна. — Только вы суетились бы поменьше. Кто ж лакея поставит префектом?

Кляксин нисколько не обиделся, а воспринял эти слова как совет.

— И то верно, — задумчиво произнес он, после чего несколько расправил плечи. — По достоинству и честь.

Катина про него тут же забыла. Ей предстояла баталия поважней Бородина.

Не тратя времени на пустяки, она сразу изложила суть дела. Есть овес, первейшего сорта (она высыпала на стол из мешочка зёрна). Овса много. А вы держите своих лошадей на сене и тем их портите. В общем, у нас товар, у вас купец. По-французски говорилось: «У нас птица, у вас охотник».

— Жениаль, — повторил Бошан свое любимое слово. — А сколько это в центнерах — 200 тысяч pouds?

Про центнеры помещица не знала и вообще слышала про такую меру впервые, поэтому объяснила самым понятным образом:

— Шестьсот тысяч дневных рационов.

Майор аж вскочил.

— Сколько?! Но этого... этого хватит, чтобы кормить две недели всех лошадей Великой армии!

Малоподвижное лицо его озарилось.

— Да правда ль? Не могу поверить такой удаче! И не поверю, пока не увижу сие богатство собственными глазами! Где оно?

— Мы сразу же туда отправимся, как только условимся о цене.

— Что цена! — вскричал француз. — За такое... за такое... — Он задохнулся. — Если оно правда, вас мне Бог послал!

И еще изрекал всякое восклицательное, трижды поцеловал ручку. Полина Афанасьевна была очень довольна такой галльской восторженностью.

— Я вас не отпущу, — заявил майор. — Я поеду удостовериться прямо сейчас. Эй, сержант! Трубить сбор «Большой конвой»! Живо!

Галантно пропуская даму в дверь, он спросил:

— Далеко ли до ваших владений, сударыня?

— Шесть верст.

— Это все равно как шесть километров, — метнулся от стены исправник, кажется, позабывший о достоинстве.

— Жениаль. Значит, можно взять пехотинцев. Вы, Клаксэн, тоже езжайте с нами, пригодитесь.

— Слушаюсь, — щелкнул каблуками Севастьян Фаддеич.

Снаружи затрубил горн, послышались крики, ржание. Полина Афанасьевна и не ждала этакой катавасии. Подума-

ла: пол-рубля, то есть пол-франка за пуд, пожалуй, мало будет. Когда купец столь охоч до товара, можно называть любую цену.

В недальний путь Бошан собрался прямо как Мальбрук в поход: впереди взвод конных, сзади взвод пехоты, только что артиллерии не хватало. Кого французам бояться — непонятно. Русских войск давно след простыл и, судя по затишью, война вообще остановилась.

Посередине сего почетного эскорта следовала вымираловская коляска. Майор попросился сесть с помещицей, пожаловавшись, что от каждодневной езды в седле у него воспалилась геморроидальная шишка и прокатиться на мягком сиденьи будет облегчением. Исправник трусил сзади на своем пятисотрублевом красавце, рядом с пустой лошадью командана.

Едва спустились с монастырского холма на дорогу — навстречу попалась колонна пленных, человек с полста.

— Вылавливаем отставших и дезертиров, — объяснил Бошан. — Когда большая армия отступает, их всегда много. Нельзя не вылавливать. Иначе от голода начнут грабить. От пленных мне только лишняя докука. Стереги их, корми. А средств на это мне не выделяют.

Самое время было сказать, что помочь с довольствованием пленных готовы сами русские, и Полина Афанасьевна уж открыла рот, но вдруг услышала крик:

— Это ж наша барыня!

Голос знакомый.

Среди пленных был Кузьма Лихов! В длинном сером кафтане и сером же картузе с белым крестом, осунувшийся, запыленный, с отросшей бородой, но все такой же прямой и статный.

— Федор, стой!

Катина вышла из коляски.

— Здравствуй, Кузьма. Живой?

— Живой покуда, — ответил он, спокойно глядя на нее сверху вниз. — Чай, не рада?

Про это она говорить не стала. Сейчас было не ко времени. Спросила только:

— Давно ты в плену?

— Две недели. Мы для сражения редухты копали, да после забыли про нас. Француз нагрянул, а у нас и ружей нет, одни лопаты.

Полина Афанасьевна вернулась к майору.

— Этот человек мой крестьянин.

— Ваш раб? — с любопытством спросил Бошан. — Ваша живая собственность?

— Да. Мой серф. Отдайте его мне. Он не солдат.

— Увы, не могу. Он в форме, с кокардой на фуражке.

— Тогда овса не продам, — отрезала Катина. — И дороги к складу вы не найдете. Я его в укромном месте построила.

Это было правдой. Овсяной амбар стоял вдали от села, на лесной, еще не корчеванной вырубке — не для укромности, а потому что жалко было под стосаженный сараище отдавать землю, годную под луг иль пашню.

Командан покосился на исправника, у которого ушки были на макушке.

— Сыскать можно, — с готовностью молвил Кляксин. — Склад — не крупичное зерно, а преогромное строение.

— Пока искать станете, велю спалить. Мой овес. Что с ним хочу, то и делаю.

Должно быть, помещица сказала это убедительно. Бошан задумчиво на нее посмотрел, что-то про себя прикинул. Вздохнул.

— Сделаю вам эту небольшую любезность из благодарности, мадам.

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ КОМАНДАН

И приказал конвойным выпустить «вон того серого бородача».

— Иди к Агафье, ты свободен, — велела Катина мельнику. — Меня за тогдашнее прости. Ошиблась я. Невиновен ты. Офицеру скажи «мерси» и ступай.

Лихов не выказал ни радости, ни волнения, только кивнул.

— Шиш ему, а не мерси. И тебя, барыня, я тоже благодарить не стану. Считай, расквиталась со мной за тогдашнее. В расчете мы. Не буду на тебя сердца держать.

Поклонился своим товарищам, отдал им краюху хлеба из мешка. И пошел прочь, не обернулся. Гордый.

Из-за пехотного взвода двигались небыстро и добирались до лесной поляны больше часа. Всю дорогу француз говорил без умолку, очень уж был взбудоражен великой удачей.

Катина узнала многое, в том числе ей вовсе и не нужное.

Про то, как нелегко живется комиссару, которому досталась в начальствование территория величиною с целый Эльзас, а людей мало: только рота стрелков, пол-эскадрона шеволежеров (бес знает, что это такое) да фуражирный батальон в 120 повозок. Но беда не скудость штыков-сабель, ибо воевать тут все равно не с кем, слава богу не Испания, а ужасные дороги и невероятная разбросанность населенных пунктов. Из Москвы генерал Дарю, главный интендант, все время требует зерна, сена, а более всего овса, но каждая отправка дается великими трудами. Средний коэффициент наполнения — у Бошана все было сосчитано — двадцать груженых повозок в день. Половину сена сжирают собственные лошади, а овса им давать вовсе не велено, он целиком идет для гвардейской кавалерии.

Про то, что французы — носители прогресса и цивилизации и пора бы русским это понять. С императором на их землю пришла не беда, а удача. По всей Европе так было: сначала обыватели пугались и противились, а потом не могли нарадоваться. Потому что французы приносят на своих штыках справедливый закон, конец угнетению, гражданские права. Единственные, кто этого не поняли — испанцы, но это народ темный, косный и жестокий. О, какие ужасные два года провел он, Бошан, на Пиринеях!

Скоро Катина знала жизненную историю командана в доскональности.

Был он родом из какого-то Кемпера, должно быть, провинциальной дыры. Служил писцом у нотариуса, за гроши. Любил читать, желал выучиться почтенной профессии — не имел на то средств. Мечтал о военной славе, но в королевскую армию его взяли бы только нижним чином, под капральскую палку, безо всякой надежды на офицерские эполеты. И тут грянула Она, Революция!

В сем месте глуховатый голос Бошана зазвенел от чувств. Майор стал говорить, что Революция дала ему всё, о чем он грезил, сделала тем, кто он есть: человеком, для которого нет пределов. Император Наполеон не просто величайший полководец всех эпох, он создатель нового людского рода. Ныне всякий, кто усерден, смел, умен, удачлив, может стать генералом, герцогом, даже королем — как сын трактирщика Мюра!

— Мы несем в Европу новую цивилизацию! — вещал командан, кажется, сильно истосковавшийся по умным разговорам. — Мы расправляем человечеству крылья!

— Посредством пушек? — не выдержала тут Катина, доселе терпеливо слушавшая.

— А если по-другому нельзя? Если народы — как дети, упрямо противящиеся учению? Ведь хороший учитель, бывает, таких сечет розгой ради их же блага.

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ КОМАНДАН

— Есть люди, которых нельзя не сечь, потому что они по-другому не понимают, — сказала на это Полина Афанасьевна. — А есть люди, которых сечь нипочем не должно, ибо это либо сломает в них душу, либо они изломают розгу и тебя самого придушат.

Помещица в этом вопросе хорошо разбиралась. Она, бывало, порола своих крестьян, но очень редко, если уж совсем пакостник. А Кузьму Лихова поди-ка, выпори. И в голову не придет.

— Не придушат, — уверенно отвечал майор. — Руки коротки до нашего горла дотянуться.

За сей познавательной беседой и доехали.

Немного не добравшись до Вымиралова, свернули на лесную дорогу и через полверсты оказались на обширной поляне. В позапрошлом году Катина расчистила здесь двадцать десятин худолесья, от которого в хозяйстве никакого прока. Собиралась в будущем, когда накопится довольно денег, выкорчевать пеньки и засеять овес. Амбар уже поставила, а в прошлом году вдвое удлинила. Еще тут были сторожевой домик, колодец, развесной сарай и склад для пустых мешков.

— Неужто весь этот громадный магазэн полон зерна?! — закричал француз, вскакивая в коляске. — Вы меня не обманули!

И выскочил на ходу, даже не доехав, побежал. Восклицал и внутри, задирая голову на высоченные штабели. Зачерпнул овса, пожевал.

— В самом деле отборный! — Кинулся целовать руки. — Ах, мадам, вы моя добрая фи!

— Кто? — удивилась Полина Афанасьевна, но потом поняла: фея.

Радость Бошана, пожалуй, была даже чрезмерной. Возликовал при виде овса, словно голодный конь.

Но майор скоро объяснил ей причину своего волнения.

— Вы сами не представляете, что за услугу мне оказали. Нет, не услугу. Великое благодеяние! Война не окончена. Она будет еще долгой и трудной. Я давеча был в Москве, в Главной Квартире. У меня приятель служит при князе Невшательском. Говорит, ваш царь мира не дает. А впереди зима. Император еще неделю-другую обождет и прикажет отступать на запад, к границе, где остались все депо и склады. Там простоим до весны и пойдем на Петербург. Но по осенней распутице идти до границы долго. Чем кормить коней? Весь фураж по окрестностям изъят, уж мне ли то не знать? Травы из-за войны не скошены, сено не запасено. Начнется падеж лошадей. Погибнет наша великая кавалерия, не на чем станет тащить пушки, остановятся обозы. А без них как подвозить провизию для солдат? И вдруг ударят холода, пойдет снег? Я слышал, у вас тут зима начинается рано. Вот над чем сейчас ломают себе голову в генеральном интендантстве и в ставке его величества. Одни говорят: надо уходить прямо сейчас, пока не похолодало. Другие надеются на мир. Лично я уверен, что отступать придется. И ваш овес в Москву я пока что не повезу. — Бошан тихонько засмеялся. — Не-ет! Я поставлю к магазэну хороший караул. Перенесу сюда свою квартиру, сам буду сторожить! А когда армия наконец двинется на запад, со всеми своими отощавшими лошадьми, тут-то я и явлюсь. Да не к генералу, а прямо к императору. Вот-де, ваше величество, вам спасение! Шестьсот тысяч рационов! Этого хватит дойти до Смоленска, где есть какие-никакие склады. О, Маленький Капрал умеет награждать полезных людей. Будут мне полковничьи эполеты, а то и баронский титул! И всё благодаря вам, моя чудесная волшебница!

Приняв восхваление, Катина мысленно накинула на цену еще один французский гривенник.

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ КОМАНДАН

— Так я, полагаю, по семи франков за десять пудов не много будет? Это выйдет за двести тысяч пудов... сто сорок тысяч франков.

Майор изумленно на нее уставился. Переборщила, подумала помещица.

— Однако за крупную оптовую покупку полагается скидка, и я готова отдать за сто двадцать тысяч, — убавила она, оставляя некоторый маневр для торговли.

— Помилуйте, откуда я возьму столько денег? — рассмеялся командан. — Мне выдается небольшая сумма для расплаты с крестьянами — чтобы в населении не возникло враждебности из-за реквизиций. А все крупные запасы продовольствия и фуража, согласно приказу генерал-интенданта, подлежат безвозмездному изъятию.

— Что? — пролепетала Катина.

— Ничего не поделаешь, мадам. Вы завоеванная страна. Vae victis*. Коли мы стали бы всей Европе платить за прокорм, это Франции разориться. Однако вы не расстраивайтесь. Я выдам вам расписку. Когда окончится война и император возьмет с вашего царя контрибуцию, обращайтесь в наше интендантство. Может быть, что-нибудь и получите. А теперь прошу извинить. Мне нужно дать распоряжения касательно караульных постов и прочего.

Он приложил руку к козырьку, развернулся, но отошел недалеко.

Полина Афанасьевна была женщина выдержанная. За всю свою жизнь она взъярялась лишь несколько раз. Но в такие минуты слепла от бешенства и себя не помнила.

То же случилось и теперь.

От яростного тычка в спину майор споткнулся, полетел носом в мешки. Кивер покатился по земле.

* Горе побежденным (*лат.*).

— Вор! Мерзавец! Крыса! — задыхалась Катина, сопровождая каждый эпитет увесистой оплеушиной. Голова у Бошана моталась из стороны в сторону.

Сзади кто-то обхватил помещицу за плечи, оттащил.

— Сударыня, вы с ума сошли! — зашептал в ухо исправник. — Это же власть! Она шутить не станет! Они давеча купца Синюшкина за ругательство велели расстрелять!

Накинулись и солдаты. Крепко взяли Полину Афанасьевну за локти.

Майор поднялся. Лицо у него было в красных полосах, взгляд свирепый. Какому командиру понравится, что его при подчиненных лупят по щекам?

Но не раскричался, руками не размахался. На Катину не смотрел.

Приказал позвать какого-то капитана Мерсье. Прибежал офицер.

— Все запасы продовольствия из деревни этой помещицы реквизировать. Клаксэн!

— Слушаюсь! — вытянулся исправник.

— Где у них хранится продовольствие?

— Крестьянское зерно — по амбарам, помещичье — в усадьбе, на хозяйственном дворе. Всё покажу.

— Иуда, — бросила Полина Афанасьевна предателю.

— Забрать также всех лошадей и скотину, — распорядился майор. И пошел прочь, так и не удостоив свою оскорбительницу взглядом.

Глава XV

УРОК ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

До деревни пришлось идти пешком — коляску с упряжкой французы тоже реквизировали.

На краю поляны помещица обернулась. Вокруг овсяного амбара, утраченного ее богатства, уже синела цепочка часовых. Все пехотинцы остались сторожить склад, конные с исправником порысили в сторону Вымиралова.

— Барыня, как же это? — растерянно спросил конюх. — Рыжуха ладно, она дура, но буланого ох жалко!

А Катина говорить не могла, ей свело челюсти.

Крики она услышала еще издали, на краю леса. Вышла на опушку, откуда открывался вид на луг и Вымиралово. По деревне метались маленькие фигурки — мужики с бабами, меж ними носились покрупнее, синие — конные французы. Ржали лошади, мычали коровы.

— Грабют... — простонал Федька. — Чего делать-то? Воем выть?

— Хочешь — вой, — сквозь зубы ответила помещица.

И пошла мимо села, которому помочь сейчас ничем не могла. К себе пошла, в усадьбу.

Французы уже добрались и туда. Тянули за узду лошадей из конюшни, у хлебного амбара поставили караул. Катина недолго посмотрела на разбой и поспешила в дом, потому что увидела через окно синие мундиры и внутри.

Не случилось бы худа с внучкой!

Тут раздался девичий крик, и Полина Афанасьевна, не помня себя, тоже закричала, побежала.

Сашенька, слава богу, была цела, только в слезах.

— Бабушка! Они забрали Митю! И Фому Фомича!

Из гостиной Катина увидела, как выводят Ларцева и англичанина. Первый все оборачивался на Сашу, его подталкивали прикладом. Женкин бранился.

— За что их, бабушка?

— За дурость! — рявкнула Полина Афанасьевна на неповинную внучку. — Говорила я твоему кавалеру, что надобно мундир снять! А Фома Фомич, болван морской, со своею британской кокардой да при сабле! Пленные они теперь!

Но это Катина сорвалась уже напоследок. Потом она словно окаменела и наблюдала за дальнейшим в молчании.

Французы крестьянских лошадей и скотину пригнали к усадьбе, сюда же привезли реквизированное в деревне зерно. Потом стадо и табун увели, а хлеб сложили в амбаре, приставили к нему трех часовых. Должно быть, завтра пришлют повозки.

Ночью Полина Афанасьевна не находила себе места, всё бродила по комнатам. Овес отобран, крестьяне ограблены. Ни хлеба, ни молока, ни мяса не будет. Чем зиму зимовать — неизвестно.

УРОК ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Кляла не французов, а себя. Малахольная, в европейский порядок поверила! А когда увидела, что ошиблась, еще и дров наломала. Сама беду накликала — и на себя, и на крестьян...

В доме было темно, свечей не зажигали. Сашенька рыдала у себя в комнате, прислуга попряталась. Только во дворе, перед большим костром, бубнили что-то караульные: парблё да морблё.

Взятку им, что ли дать, пришла помещице в одеревеневшую голову первая здравая мысль. Зерно чай пока не считанное? Сунуть рублей двадцать, для солдат это много. Пускай часок поглядят в сторону. И вынести хоть мешков сто, двести, а то ведь околеет деревня от голода.

Время было уже за полночь. Катина вынула из потайного места сундучок с деньгами. Ссыпала в ладонь серебро, памятуя, что французы ассигнаций не признают.

Вдруг снаружи шум, брань.

Бросилась к окну — обомлела.

Подле костра копошилась темная куча, рядом дергалось-качалось невиданное многорукое чудовище, а поодаль на земле кто-то лежал, и его было хорошо видно, потому что это место ярко освещалось пламенем. Полина Афанасьевна разглядела кивер, черную растекающуюся лужу. Один из часовых! Убитый!

А через мгновение, всмотревшись, поняла и про остальное. Кто-то рычащий сцепился с французским капралом, и оба катались по траве. Третий солдат отмахивался тесаком от двух мужиков, наскакивавших на него с топорами.

Это, значит, кто-то из деревенских, желая отбить хлеб, сговорился напасть на сторожей! Первого, должно быть, по внезапности зарубили, а с остальными сладить не могут. Катина и не знала, что у нее в Вымиралове есть такие отчаянные. Кто бы это?

Ответ на сей вопрос обрелся сразу же. Дравшиеся на земле перекатились ближе к огню, и помещица увидела перекошенное яростью лицо Кузьмы. Ах, вон оно что...

Тем временем другой француз достал клинком одного из мужиков. Тот с воплем схватился за раненую руку, побежал. Тут же отступился и второй. Тоже пригнулся, запустил со всех ног. Победитель швырнул окровавленный тесак, поднял с земли ружье, приложился. Выплеснулся язык пламени. Один из бегущих споткнулся, упал. Приподнялся на локтях, сделал несколько движений и сник.

— О секур, Люк! О секур! — завопил капрал.

Выстреливший бросился ему на помощь, норовя ткнуть мельника штыком в спину, но Кузьма увернулся. Вскочил на ноги, скрылся в темноте.

Солдат помог старшему подняться.

— Свиньи! Скоты! Твари! — бессвязно кричал капрал. Он поднял свое ружье, принялся тыкать им во все стороны, хотя во дворе больше никого не было. — Завтра придут наши — будет вам! Заряжай, Люк! Будь наготове, а я посмотрю, что с Шарло. Может, он еще жив.

Наклонился над телом. Заругался пуще прежнего.

Подошел к подстреленному мужику и бешено, несколько раз, вонзил в него штык.

Не в силах слушать эти хрусткие звуки, Полина Афанасьевна затворила окно и отвернулась. Руки у нее дрожали.

Плохо всё было. Очень плохо.

А до какой степени плохо, открылось назавтра.

Утром двор наполнился ржанием, гневными криками. Посмотреть, что там творится, было невозможно. Двое уцелевших часовых еще ночью захлопнули снаружи все ставни

в помещичьем доме и службах, а всякому, кто пытался выглянуть, грозили ружьем.

Через малое время после того, как нагрянули всадники, барыню с внучкой и всех слуг вывели солдаты. Еще и в шкафы, под кровати заглянули — не спрятался ли кто. На вопросы французы не отвечали, глядели волками.

Подле потухшего костра покойников не было. Только на земле в двух местах темнели кровавые пятна.

Согнав всех вместе, будто пленных, усадебных обитателей повели в село. Там перед церковью толпились деревенские, от стара до мала. Стоял в полном облачении тревожный отец Мирокль, осенял прихожан крестом. Двумя ровными шеренгами, одна конная, другая пешая, стояли синие мундиры. Громко бил барабан. Майор Бошан, грозно-торжественный, восседал в седле, невзирая на геморроидальную шишку. Справа барабанщик, слева исправник Кляксин, тоже суровый.

Нашлись и пропавшие покойники.

Француз лежал на телеге, покрытый знаменем, с подвязанным подбородком.

У колес, в грязи, валялся кто-то серо-бурый, с торчащей вверх бородой.

Глухой Спиридон! Вот кого, значит, догнала ночью французская пуля.

Покосившись на помещицу, звенигородский командан взмахнул, и барабан умолк. Бошан стал говорить речь. После каждой фразы прерывался, чтобы Кляксин перевел.

Речь впрочем была короткая:

— Великая Армия справедлива и милосердна! Она никого зря не карает... Но всякого, кто нападает на солдат императора, ждет суровое наказание! Преступника — смерть, пособников — суровая мзда!.. У меня к вам только два вопроса. Первый: кто сей человек?

УРОК ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Майор показал на Спиридона. Переводя, исправник повторил тот же жест. Так они двое и застыли, один верхий, второй пеший.

— Его дом будет сожжен. А не скажете, кто это — я прикажу спалить всю деревню. Таков закон и порядок.

— Мы не знаем этого человека! Он не наш! — крикнула Катина. У Спиридона старуха мать и сестра, тоже убогая. Как им без дома?

Бошан на помещицу не взглянул. Рожа у него после вчерашнего битья была опухшая.

— Вот вы, служитель Бога, — обратился майор к священнику. — Поклянитесь именем Христовым, что преступник не здешний.

Отец Мирокль не дрогнув немедля осенил себя крестом:

— Именем Христа, Бога-Отца и Святой Троицы — ведать его, злодея, не ведаем.

Хорошо все-таки иметь неверующего попа, подумала Полина Афанасьевна.

Тогда Бошан обратился к командиру конных, громко:

— Вы не были в Испании, капитан. Там тоже самое зло было от попов. Они чаще всего оказывались вожаками бандитов. Прикрывались Христом, а сами убивали наших людей. Сейчас я вам покажу, как мы поступали с такими. Взять чернорясых! — приказал он, показав на отца Мирокля и стоявшего рядом Варраву.

Солдаты схватили обоих, оттащили к церковной стене, а сами отошли на пять шагов и вскинули ружья.

Толпа закачалась, бабы заохали. Виринея черной птицей кинулась к супругу, но солдат ударил ее прикладом в грудь — упала.

Сашенька крепко вцепилась бабушке в руку. Глаза — как блюдца.

— Зажмурься, — сказала Полина Афанасьевна. — И пока не велю, глаз не открывай.

— Святой отец, последний раз спрашиваю: кто сей преступник?

Священник сделался бел, но не ответил, лишь беззвучно шевелил губами. Так я и не узнаю, что он шептал перед смертью, подумала Катина. Молитву или какие-нибудь безбожные латинские вирши?

— Наш это, наш! — возопил Варрава, бухаясь на колени. — Спиридоном звать! И дом укажу!

Послушав перевод, майор распорядился:

— Попа за ложь арестовать. — И дьячку: — Который дом?

Варрава посеменил показывать. За ним пошли двое солдат с зажженными факелами.

Но Бошану этого было мало.

— Теперь второй вопрос! — вновь обратился он к толпе. — Преступников было трое. Кто двое остальных?

Молчание.

— Откуда им знать? — крикнула Катина. — Их там не было!

— Это уж их дело, — ответил Бошан, по-прежнему на нее не глядя. — Даю десять минут. — Достал часы. — Не выдадут — сожгу всё село. Русские должны усвоить урок цивилизованности: всякое действие предполагает ответственность.

— Хорошо. Я их опрошу.

Полина Афанасьевна пошла через толпу, от кучки к кучке, говоря всем одно и то же, тихо — чтоб не услышал иуда Кляксин:

— Не выдавайте... Не выдавайте... И не бойтесь, я вам не дам пропасть. Как-нибудь все в усадьбе перезимуем, а после я всех отстрою.

Чуть не в первой же кучке ей сообщили:

— Кузьма это Лихов. Он давеча вечером вернулся. Спиридона Глухого и Тихона Молотобойца подбил за хлебом идти...

УРОК ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Ну конечно Тихона, кого еще, сказала себе Катина.

Обойдя всю толпу, вернулась к Бошану.

— Никто не знает.

— Тем хуже для них, — обронил тот отвернувшись.

Приподнялся в стременах:

— Господа офицеры! Вы знаете, что вам делать! Шеволежеры — ваша правая сторона! Стрелки — левая! Жечь вместе со всем имуществом! Выносить ничего не давать! Сопротивляющихся убивать на месте! Исполняйте!

Только теперь он посмотрел на помещицу сверху вниз, с кривой улыбкой.

— Кстати, то же будет сделано и с вашим шато, мадам. Это и есть равенство, о котором я вам вчера толковал. Из почтения к вашему полу дам вам четверть часа вынести самое дорогое. — И засмеялся, не скрывая мстительного торжества. — Четверть часа, мадам! Бегите со всех ног.

— Саша! Люди! За мной! — крикнула Катина усадебным.

И побежала, провожаемая хохотом Бошана. Да черт с ним, пускай куражится. Сзади стоял стон и крик, уже пахло гарью, но на гибнущее Вымиралово помещица не оглянулась. Бежать ей было целую версту, а годы-то уже немолодые.

Когда Полина Афанасьевна, запыхавшись, взбегала на крыльцо, вдали уже слышался конский топот.

Взяла только самое ценное — денежный сундучок, но он был тяжел, поэтому вынула кожаный кошель с серебром и бумажник с ассигнациями. Серебро взяла себе, бумажник отдала внучке.

Французы во дворе уже спешивались.

— Я в библиотеку, за энциклопедическим словарем! — сказала Сашенька.

— Одежду теплую лучше возьми! — крикнула бабушка, но девочка уже исчезла.

Тогда Полина Афанасьевна отправилась в гардеробную сама. Захватила две хорошие шубы для ночного холода, меховые сапожки.

В дом уже вломились солдаты, стали гнать вон:

— Деор, деор!

В прихожей Катина столкнулась с внучкой. Та прижимала толстый том, оброненный бумажник валялся на полу.

— Пропадешь с тобой! — выругала ее бабушка и подняла. Там три тысячи ассигнациями. На деньги теперь только и оставалась надежда.

Во дворе стояли слуги с узлами. Пока бежали из деревни, барыня сказала каждому что взять. Кому — съестной припас из погреба, кому — столовое серебро из буфетной, кому — вино для обогрева.

Офицер сидел на коне руки в боки, смеялся.

— Майор наш умен! И искать не пришлось — сами всё собрали. А ну, ребята!

Солдаты кинулись отбирать вынесенное, ничего не оставили. Только на Сашину энциклопедию не позарились.

Так что сызнова ошиблась Катина насчет европейских порядков.

Она не бранилась, не кричала. Молча стояла, смотрела, как пылает подожженный с четырех сторон дом. Такое с нею происходило второй раз в жизни, и испытывала Полина Афанасьевна то же самое чувство, что тридцать восемь лет назад по отношению к пугачевцам: ледяную ненависть, от которой искрило в глазах.

Глава XVI
НА ГНИЛОМ ОЗЕРЕ

Уже провалилась крыша, обрушились стены, а она все глядела на пылающие угли, и одно время сливалось с другим. Но в тот раз было тяжелей. Потому что погиб муж. Потому что Полина была беременна. И потому что гнездо сожгли не чужие, а свои. Хуже было, еще хуже.

Так Катина думала. И ошиблась.

Из оцепенения она вышла, потому что кто-то настойчиво дергал ее за рукав.

— Бабушка, бабушка! Ты уже который час так стоишь! Стемнеет скоро! И люди ждут!

— Какие люди? — спросила Катина, оглянулась и поняла, что нет, в этот раз будет еще тяжелей.

Тогда она была молода и была одна. Спасать пришлось только самое себя и нерожденное дитя. А ныне во двор набились все деревенские. Они терпеливо стояли густой толпой и ждали, чтобы барыня всех их спасла. Бабы держали на руках младенцев, на земле сидели утомленные, напуган-

ные дети. Несколько сотен живых душ, и все по мою душу, подумалось Полине Афанасьевне.

Четверо старших, уважаемых мужиков, из первых заселенцев, увидев, что помещица обернулась, подошли, сняли шапки.

— Как жить-то будем, барыня? Избы все пожгли. Хлеб увезли. Ты сулила...

— Что размещу вас в усадьбе? Так ее тоже сожгли. Сами видите.

— Говорила: «Не выдавайте, не дам пропасть». А теперь нам что, с голоду подохнуть? — зло молвил Ефим Глотов, вечный смутьян. Катина от этого горлодера давно избавилась бы, да нельзя было. Деревенские Глотова чтили, а кроме того, границ он прежде не переходил, был вроде как в Англии «оппозиция ее величества».

— Чем детишек кормить, а? — повысил голос Ефим, озираясь на толпу. — По міру всем идти? Нету его, міра. Кругом война!

Так вот и происходят революции, подумалось Катиной. Народу становится нечего есть, власти хлеб взять неоткуда, и тогда смирная прежде оппозиция возглавляет бунт.

Философская мысль была не ко времени.

— Молчишь? — еще громче возопил Глотов. — Сгубила нас и молчишь?

В толпе завсхлипывали бабы, запищали разбуженные криком младенцы.

— Погоди ты, — оттолкнула Катина локтем внучку — та зачем-то совала ей свою энциклопедию. Нужно было найти верные слова, чтобы предупредить бурю, пока она не грянула. Когда все заорут, впадут в раж, будет поздно. Толпа она и есть толпа. Да только чем их утихомиришь?

— Бабушка, ты сюда посмотри, — не отставала Саша.

Полина Афанасьевна рассеянно взглянула на раскрытую книгу. Меж страниц белела бумажка, на ней напечатано: «Объявителю сей государственной ассигнации платит

НА ГНИЛОМ ОЗЕРЕ

Ассигнационный банк пятьдесят рублей ходячею монетою». Словарь был какой-то странно пухлый. Помещица перевернула лист — там тоже банкнота. И еще, и еще.

— Это я из бумажника переложила, — сказала внучка. — В библиотеке. На всякий случай.

Хвалить ее сейчас было некогда.

— Закрой рот, Ефимка! — прикрикнула помещица на витию. — Будешь народ баламутить — не посмотрю, что у тебя седина в бороде. Велю разложить да выпороть!

И взмахнула перед мужиками ассигнацией.

— Хлеба на первое время куплю. С голоду никто не помрет. А там видно будет.

Савша Плотник, мужик степенный, подхватил:

— Тихо вы! Дайте говорить! Будет хлеб!

Гул умолк, остался только ребячий писк.

Сразу откуда-то вынырнул староста. Платон Иванович по смирности натуры в сваре стушевался, но в разумной беседе поучаствовать был готов.

— Как жить будем? — спросил Савша, новый народный представитель вместо несостоявшегося робеспьера. — Где?

— Где-нибудь подальше от французов.

Бошан всё одно жизни не даст, подумала Катина. Но с детишками далеко не уйдешь.

— В Синий лес нужно, на Гнилое озеро, — подал голос Платон Иванович. — Там вокруг болота, чужим пройти трудно. Шалаши поставим, землянки нароем. В озере рыба есть, грибы еще не сошли. А хлеба можно у графского управляющего Тимофея Петровича купить. Я знаю, он припрятал. За живые деньги отдаст. Трясется, поди, что французы найдут.

Так оно всё и вышло.

До темноты успели уйти недалеко, только до лесной опушки. Там кое-как переночевали, потому что ночью в чаще

не побродишь. Назавтра были уже у Гнилого озера. Пока мужики валили деревья и рыли ямы, Катина со старостой сходили за восемь верст в графские Липки. С часик поторговались из-за цены. Два раза уходили — Тимофей Петрович бежал следом, возвращал. Наконец ударили по рукам.

Зерно покупать не стали — где его намолешь? Купили только ржаную муку, сто двухпудовых мешков. Ежели собака Бошан говорит верно, то недели через две французы уйдут восвояси. До того времени с грибами да с рыбой хватит. Бабы будут варить похлебку, печь на костре лепехи. Ничего, как-нибудь выживется.

Всю главную хозяйственную заботу теперь взял на себя Платон Иванович. Отправил носильщиков за купленной мукой, разметил, где ставить землянки и рыть отхожие ямы, распорядился выкопать колодец и прочее. Для барыни и барышни возвели плетеный короб с крышей из коры. Посередине — очаг для тепла, по бокам скамьи. Даже стол срубили. Полина Афанасьевна за ним сидела, думала стратегическую думу: как быть дальше. Сашенька ей мешала, всё горевала по Ларцеву и Женкину, особенно по первому. Как-де их из плена вызволить. Чудной у нее сейчас был возраст. То умница — с банкнотами, прямо Василиса Премудрая, то малое дитя плаксивое. Как их вызволишь, пленных, если у Бошана в монастыре каменные стены и караул?

Первое решение, к которому пришла Катина, было военное: наладить разведку, чтобы знать, какие дела творятся в округе. Отправила во все стороны мальчишек-подростков. Так у лесного лагеря появились глаза и уши.

Французы всё стояли в Москве, но про бои было не слыхать. Может быть, дело все же шло к замирению. Теперь Катина очень его хотела. Если война не кончится до холодов — беда. Померзнут в лесу все ее крестьяне, мука закончится, лесной прокорм тоже.

НА ГНИЛОМ ОЗЕРЕ

Из ближних вестей главная состояла в том, что Бошан свою квартиру перенес к овсяному амбару. Там теперь и солдатский лагерь, и обозы. Но зерно пока никуда не вывезли. Видно, ждет майор наилучшего для своей карьеры момента. В Саввинском монастыре остались только пленные с небольшим караулом. Наши тоже там — и отец Мирокль, и Ларцев, и англичанин. Сенька Тележников, шустрый мальчуган, вскарабкался по водостоку на башню и божился, что их там видел.

Сашенька сразу стала собирать передачу: лепешек, печеной рыбы — всё, что было. Полина Афанасьевна, конечно, объявила, что никуда ее не отпустит. Заспорили, ни одна не уступала. Внучка в слезы. Не удержите-де, ночью сбегу. А время было уже к вечеру. Бабушка тоже взволновалась. Обозвала девчонку глупой дурой, которая только хуже сделает. Не надо спешить, надо получше разузнать. Сеньке Тележникову веры большой нет, он и соврет не дорого возьмет.

И так у них в лубяной избушке стало шумно, что не сразу услышали, как лагерь пришел в шевеление.

— Постой! — сказала вдруг Катина. — Что это там?

Какой-то топот, рев, глухие удары.

Вышла поглядеть, а там Кузьма Лихов и Тишка Молотобоец спиной к спине отбиваются от доброго десятка мужиков. Мельканье кулаков, лай, кряхтенье.

Полина Афанасьевна кинулась в самую гущу. Остановила драку. Но лай продолжился.

— Это из-за них всё! Они на французов напали! — орали крестьяне. — Побить аспидов до смерти!

Надрывался и мельник:

— За вас же! За вас биться пошли! Детям вашим хлеба добыть!

— Ага! Теперь ни хлеба, ни домов!

Они и снова бы сцепились, но Катина сходила за пистолетом, пальнула вверх из обоих стволов. В наступившей тишине сказала:

— Что сделано, не воротишь. Они трое и правда не за себя, а за вас пошли. И один, Спиридон, голову сложил. Нам между собой драться нельзя. Нам нужно думать, как дожить до ухода французов.

А Лихов — нет бы спасибо сказать за заступничество — перебил барыню:

— Я доживать не согласный! Французов бить надо! За Спиридона, за сожженные дома, за пограбленное! Мельню мою, которую дед ставил, они тоже спалили! Не прогоним француза — он никогда не уйдет. За тем я сюда и пришел. — И во весь бас: — Кто со мной, мужики, басурманов воевать? Есть тут мóлодцы? Иль одни курицы?

— Не полоши людей, Кузьма! Спятил ты? Нельзя нам на французов нападать! — крикнула Катина. — Найдется какой-нибудь иуда вроде Варравы или Кляксина. Наведет сюда, и переколют, перестреляют всех!

— А мы, барыня, отселимся — которые воюют, — сказал ей мельник уже без ора, рассудительно. — Я для стоянки хорошее место приглядел, в Волчьей чаще. Там дорога, по ней французы в заречные деревни за припасом ездят. Бесстрашно ездят, без опаски. По одной, две, много три повозки. Бывает, сам-шестой, а то сам-пятый. Мы на них из-за кустов скопом навалимся, топорами забьем, а харч отберем. Вам же будем сюда доставлять на пропитание.

Слушали его внимательно. Некоторые кивали.

— Французов, может, будет только пятеро или шестеро, но они солдаты. С оружием. А вы — мужики, воевать необычные. Забыл, Кузьма, как вы не совладали с тремя караульными и убежали, а Спиридона убили?

Думала, что мельнику на это возразить будет нечего.

Но Лихов, почесав затылок, сказал:

— А мы вот что. Мы из Саввинского наших пленных вызволим. Их там сотни две, если не больше. Даже офицера есть. Поп наш опять же там.

НА ГНИЛОМ ОЗЕРЕ

И поглядел на Виринею, стоявшую среди баб.

Попадья шагнула вперед.

— Я с вами пойду. Пригожусь. Лечить буду, если кто раненый или заболеет.

— Добро, — кивнул мельник. — А то одной моей Агафье за всеми не досмотреть.

— Я тоже пойду, если вы пленных будете освобождать! — объявила вдруг Сашенька, отодвигаясь от бабушки. — Лечить и я могу, у меня книга медицинская.

Потянулись к Кузьме и мужики — один, другой, третий. Всего шестнадцать человек, почти все молодые, неженатые.

— Через мертвый мой труп ты с ними пойдешь, — яростно зашептала Катина внучке. Но поглядела в упрямые Сашенькины глаза, да вспомнила, какою была сама в такие годы — и умолкла. А кроме того пришла в голову некая мысль, то ли очень умная, то ли вовсе безумная, это еще надо было помозговать.

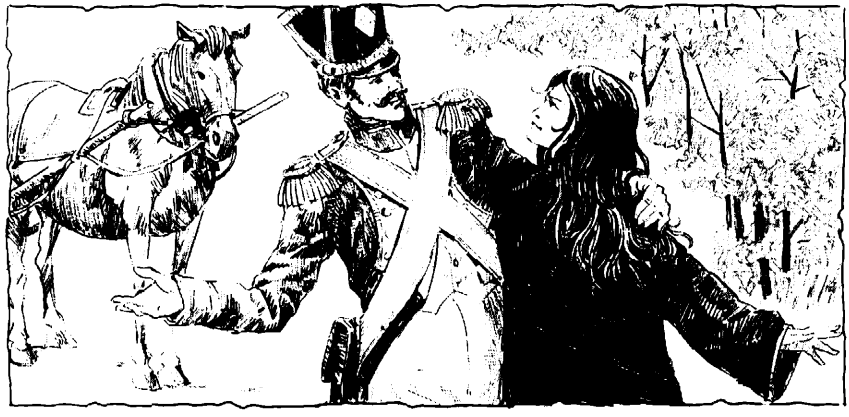
Но решение было уже принято.

— Коли так, и я с вами. У меня хоть пистолет есть. Платон Иванович, оставайся тут за старшего. Хватит в тебе строгости, коли понадобится? Без нее порядку не будет.

— Будет, — лучисто улыбнулся староста. — Строги те начальники, кто по-хорошему управлять не умеет.

Это он про меня, что ли, внутренне подивилась Полина Афанасьевна, но выпытывать не стала. Голова была занята совсем другим.

Так или иначе, житье в лагере на Гнилом озере для Катиной заканчивалось.



Глава XVII
ЮДИФЬ И ОЛОФЕРН

До соседнего леса, за свою волчистость и дремучесть называемого Волчьей чащей, было верст пять.

— Не ожидал, барыня, что ты с нами воевать пойдешь, — сказал Кузьма, шагая рядом с помещицей.

— Не пошла бы, да деваться некуда. Прав ты. Не перезимовать нам, с голоду помрем. Даже если уйдут французы, все равно — чем станем кормиться?

— У француза награбим, — беспечно ответил мельник.

— Чтобы пятистам душам до лета хватило? Столько ты не награбишь.

— Оно, пожалуй, так, — согласился Лихов. — Что же тогда?

У Полины Афанасьевны ее умная-безумная мысль к этому моменту уже дозрела, превратилась в план. Не потому что казалась надежной — какое там, а потому что другого спасения не было.

— А вот что. Надо овес назад отбить. Его и продать можно, а нет — самим худо-бедно прокормиться.

ЮДИФЬ И ОЛОФЕРН

Кузьма вытаращился.

— С ума ты, барыня, сошла? То я у тебя спятил на обозных нападать, то желаешь с цельным войском воевать?

— Ты сам мне и подсказал, что делать. Вызволим солдат из плена, будет у нас войско. Вот почему я с вами пошла, понял?

— Эхе-хе... — Лихов взялся за бороду, понизил голос. — Я, правду тебе сказать, про пленных-то приврал. Не управиться нам с этим. Там караул — десять человек, все с ружьями, сторожат зорко. Я хотел Виринею уманить. Она баба боевая, в нашем деле очень нужная. Знал, что за мужа она на край света пойдет. Попа-то у караульных, выменять можно. За вино или еще за что. Он, чай, не енарал какой, даже не солдат.

— Приврал ты или нет — неважно. Иного выхода у нас нет. Без овса людям гибель, а овес без пленных нам не добыть.

— Сколько лет на тебя смотрю — диву даюсь, — сказал мельник, действительно глядя на помещицу с изумлением. — Откуда ты, барыня, такая взялась? Тебе бы не Вымираловым, а царством заправлять.

— Значит, договорились. Я буду царица, ты — мой военный министр. Вдвоем что-нибудь придумаем. Нельзя нам не придумать.

Сначала-то казалось, что дело совсем невозможное.

Два дня сидели втроем — помещица, попадья и мельник — в березовой роще, откуда хорошо видно и монастырь, и дорогу на Звенигород. Наблюдали.

Французов было одиннадцать человек: зычный сержант с огромными бакенбардами и десять солдат. Сторожили посменно — пятеро караулят, перед воротами костер жгут, пятеро в паломнической палате отдыхают. И днем так, и ночью.

Внутрь монастыря часовые даже не заглядывали. Зачем им? Стены высоченные. Залезть можно, но не спрыгнешь.

В полдень из Звенигорода приезжала телега, на облучке солдат с ружьем, всякий раз один и тот же. Привозил караулу бочонок пива, хлеб, мясо и еще какой-то мешок, наверное, с крупой. Мешок французы, приоткрыв ворота, кидали внутрь — на прокорм пленным. Видно, те варили из крупы кашу, но на двести человек должно было получаться впроголодь. Потом французы все собирались у костра, жарили свое мясо, запивали пивом, иногда горланили песню.

Ружья, однако, у них всегда были близко, и место открытое — не подкрадешься. Ночью они на подходе еще один костер разводили, для освещения.

— Никак нам их не взять. Сами поляжем, а дела не сделаем, — сказал Кузьма вечером второго дня. — Отступиться надо. Только время теряем. Того гляди, с голоду околеем.

Они сидели у огня, в лагере. Было время ужина. Горбатая Агафья сварила из последнего зерна и осенних трав похлебку. На завтра уже ничего не оставалось.

— Неужто зря всё? — мрачно молвила Катина.

— Не зря. — Мельник поворошил угли веткой. — Телегу-то с припасом мы возьмем. Нас восемнадцать мужиков, а солдат один. У него ружье хорошее, мушкетон называется, я в армии видел. Картечью палит. Коли успеет стрельнуть, двоих-троих положить может, но это уж кому как свезет. Всех не порешит. Зато мясом разживемся, хлебом, пивом. А мушкетон я себе заберу.

— Вот и вся наша война? — спросила Полина Афанасьевна. — Одного француза убить, чтобы еду и ружье забрать? Ты еще то учти, что ежели он успеет выстрелить, на шум солдаты от монастыря прибегут.

Помолчали.

ЮДИФЬ И ОЛОФЕРН

Потом Виринея, доселе в унылой беседе не участвовавшая, сказала:

— Надо на повороте, где придорожный крест, дерево срубить. Вроде как упало оно. Этот с телеги слезет — оттащить, тут вы на него из кустов и накинетесь. Не стрельнет, не поспеет. Возьмете что надо и уйдете.

Лихов повеселел:

— Вот это дело! Ты, матушка, — ума палатушка! Так и исполним. А после лагерь сменим, не сыщут.

Катиной оно показалось странно — что Виринея так легко согласилась отступиться от спасения своего драгоценного супруга. Что-то здесь было не так.

Ночью, лежа с внучкой под двумя тулупами (сентябрь шел к концу и перед рассветом становилось студено), Полина Афанасьевна всё ломала голову над этой загадкой.

Утром завтракать было нечем, но мужики держали себя бодро. Храбрились перед отчаянным делом и предвкушали, что знатно пообедают, да еще запьют пивом.

Сашенька, по-крестьянски замотанная в платок, помогала Агафье и Виринее кипятить в чугунке ветошь — на случай, если кого-то ранят и надо будет перевязать.

За час до полудня попадья отошла вроде как по нужде. Но Катина чего-то такого ожидала и потихоньку двинулась следом. Что это ты, баба, замыслила?

Черный силуэт в желтом лесу было видно издалека. Виринея шагала быстро, не оглядывалась.

Миновала крест, где на дороге уже лежала подрубленная осина. Пошла дальше в сторону Звенигорода, прямо по дороге, не таясь.

Помещица следовала кустами, поотстав. Не знала, что и думать.

Возле зарослей шиповника, на повороте, попадья остановилась и повела себя странно. Скинула плат, раскрутила

и расплела косу, пустила по плечам свои богатые черные волосы.

Дорога была пустая. По ней кроме француза-возничего почти никто не ездил. Местные, кто не убежал от неприятеля, днем сидели по избам.

Вот показалась знакомая телега. Солдат правил, свое короткое ружье с дулом трубой держал поперек коленей.

Попадья встала во весь рост, подбоченилась.

Полина Афанасьевна замерла. Неужто Виринея хочет сама его зарезать? У ней всегда при себе нож, корешки выкапывать. Но зачем, если мужики, поди, уже в засаде?

Телега остановилась. Солдат спрыгнул. Что-то спросил.

Из укрытия, где пряталась помещица, разговора было не расслышать. Минуту-другую они там о чем-то порядили, уж непонятно на каком языке. Потом француз вдруг притянул Виринею к себе, а она его не оттолкнула. Наоборот — прижалась. И обнявшись скрылись в шиповнике, телега осталась на дороге. Лошадь вслед хозяину только башкой помотала.

Покачала головой и Катина. Ну Виринея, ну бесстрашная! Прямо Юдифь с Олоферном.

Однако, если попадья задумала умертвить разлакомившегося врага, то что-то больно долго исполняла она свой самоотверженный замысел. Прошло, наверное, с четверть часа, а лошадь всё стояла, прядала ушами. Из шиповника слышался невнятный шум, но не смертоубийственного звучания, а совсем наоборот.

Олоферн тоже сначала с Юдифью «возвеселился», это потом уже она его, размягченного, прикончила, вспомнила Полина Афанасьевна, еще больше поражаясь.

Но ей стало совсем уж удивительно, когда парочка, как ни в чем не бывало, вышла из кустов обратно на дорогу. Солдат застегивал ремень, смеялся. Похохатывала и Виринея, оправляла подол. Нежно обнялись, облобызались. Он

налил ей пива в кружку, она выпила, постояла, облокотившись о бочонок. Потом возница еще раз обнял ее, сел, тряхнул вожжами, поехал. Оборачивался, кричал что-то. Она ему вслед махала, что-то показывала руками.

И чудеса на том не окончились. Вместо того чтоб следовать дорогой дальше, до креста и поваленной осины, телега вдруг повернула на проселок, которым тоже можно было попасть к монастырю, только в объезд, кру́гом.

Загадки Полине Афанасьевне надоели. Она покинула свой обсервационный пункт и направилась прямо к несостоявшейся Юдифи.

— Что ты натворила? — крикнула еще издали. — Пошто с французом валялась, бесстыжая?

Виринея не поразилась ее появлению, не смутилась. Спокойно ответила, повязывая плат:

— Я ради мужа еще не то сделаю.

— Ради мужа?!

У Катиной рот раскрылся, да так и остался.

— Нет такого, чего я ради моего Мирокля не сделаю, — повторила попадья.

— А почему француз дорогой не поехал?

— Я ему показала руками, что там дерево упавшее.

— Зачем?!

— Чтоб его мужики не порешили.

Тут помещица совсем перестала что-либо понимать.

— Я думала, ты его зарезать хочешь, а ты...

— На что мне его резать? Какая Мироклю от того польза? Нет, пускай телега до караульных доедет. И пиво.

— Пиво?

Попадья вытерла углом платка губы, брезгливо сплюнула.

— Вот слюняв, собака... Ага, пиво. Я в него порошку насыпала, пока этот меня лапал.

— Какого порошку?

— От которого все они околеют.

— А... а... а зачем... — Катина задохнулась в ошеломлении... — Зачем ты мужиков на засаду подбила? Почему не рассказала, что задумала?

Вдруг попадья придвинулась, посмотрела страшным взглядом.

— Потому что знать о моем грехе никому незачем. И ты, барыня, молчи. Не то...

На что Полина Афанасьевна была непуглива, а содрогнулась.

— Никогда и никому, — пообещала она.

И Кузьме сотоварищи они сказали неправду. Что свернулде солдат с дороги сам собой, а они, увидя то, его остановили и, пока барыня с ним разводила французские разговоры, Виринея исхитрилась подсыпать в бочонок отраву. Никто не усомнился, да и с чего бы? Мужики обрадовались, что не придется под пулю лезть. Только мельник засомневался:

— Да все ль сразу отравятся? А то одного закорчит, другие и пить не станут.

— Станут. Мое зелье себя сразу не выказывает, — уверенно сказала попадья. — Малое время обождем, и можно идти.

Поднимались по холму осторожно, вперебежку от куста к кусту. Но еще издали стало видно, что французы лежат около телеги вповалку. Катина пересчитала: все двенадцать человек, вместе с возчиком. Должно быть, и он пивом угостился. Некоторые ворочались или судорожно дергались, но воевать там было некому.

— Вперед, ребятушки! — закричал Лихов и кинулся первым.

За ним остальные, включая и женщин.

ЮДИФЬ И ОЛОФЕРН

Полина Афанасьевна в своем оборчатом платье поотстала. Виринея, задрав подол, бежала быстрей всех.

Помещица увидела, как давешний возчик, приподнявшись с земли, тянет к попадье руки, лепечет: «Шери, шери, эд муа!». Виринея подхватила с земли полено, с размаху обрушила французу на голову и потом еще несколько раз ударила, остервенело.

Мужики, кряхтя и вскрикивая, добивали остальных.

Хорошо, что Сашеньку с собой не взяла, а ведь как просилась, подумала Полина Афанасьевна. Незачем ей такое видеть.

Досматривать зверство она не стала, а пошла к воротам, толкнула дверцу.

Пленных стало побольше, чем неделю назад, когда Катина со своим дурным прожектом явилась к командану. Может, сотни три.

Но гляделись люди хуже, чем тогда. Большинство бессильно лежали, закутанные в рванье. Лица у всех землистые, тощие. Ближние повернулись к вошедшей. Любопытства в пустых глазах не было. И милостыни, как давеча, никто не заклянчил.

— Полина Афанасьевна, здесь мы! — раздался голос отца Мирокля.

Он был возле храма, махал скуфьей. Там у костерка сидели несколько человек — какие-то офицеры, Ларцев и Фома Фомич. Двое последних поднялись, тоже закричали:

— Сударыня! Млэйды!

Слава богу, все живы, только исхудали.

Мимо, задев барыню плечом и даже не обернувшись, пробежала Виринея. Схватила мужа за плечи, оглядела, ощупала, стала целовать.

— Эко матушка батюшку-то милует, — засмеялись в кучке пленных, но смех был хлипкий. На голодных харчах, без

крыши над головой солдаты совсем ослабели. Глядя на них, Катина засомневалась — годны ли они для военного дела.

Направилась к офицерам.

— Это, господин капитан, та самая моя спасительница, — объяснял Митенька длинноусому драгуну, который, кажется, был здесь старшим. — Госпожа Катина, Полина Афанасьевна, здешняя помещица.

— Как вас впустили, сударыня? — спросил капитан. — Вы должно быть принесли вашим еды? Это очень кстати. Мы, признаться, совсем оголодали. И больных много.

ЮДИФЬ И ОЛОФЕРН

А храмы караул запер, не пускает под крышу. Чтоб все на виду были. Мерзавцы!

— Вы свободны. Мои мужики перебили караул, — сказала Катина, не вдаваясь в подробности.

— Что?!

Офицеры вскочили, побежали смотреть. Полина Афанасьевна шла за ними, объясняла Женкину, что произошло. Еще успевала и Ларцеву ответить на расспросы про Сашеньку.

За воротами был шум. Это, оказывается, офицеры ругались с Кузьмой из-за французских ружей и сабель. Капитан требовал их отдать, потому что дело военное. Мельник ни в какую, но мужики ему не помогали — заробели господ. Так офицеры всё себе и забрали.

— Господа, — подступилась к ним Катина. — Мы вас освободили для подмоги.

И стала объяснять про овсяный амбар, но капитан слушал невнимательно. При виде оружия он прямо засветился. Сержантову портупею с саблей прицепил на себя.

— Чердынцев, стройте колонной всех годных к маршу. Больных, раненых, слабых оставляем. Фогель, ружья раздать кавалерам, сабли по одной возьмите себе, остальные взводным. Ларцев, вы будете при мне адъютантом... Отстаньте вы! — рявкнул он на Полину Афанасьевну, всё пытавшуюся втолковать ему главное. — Черта ль нам в вашем овсе? Мы должны к армии пробираться.

— Мои люди пропадут, коли вы нас бросите!

— Я раненых солдат бросаю, хуже этого нету! А ваши мужики на то и мужики, чтобы сами кормиться. Освободили нас — благодарствуем, но теперь вы сами по себе, мы сами по себе.

Из ворот повалили солдаты, выстраиваясь в маршевую колонну. Около помещицы остался один Митя.

ЮДИФЬ И ОЛОФЕРН

— Что вы там встали, прапорщик? — крикнул капитан. — Подите, поторопите Фогеля! Уходить надо! Нагрянут французы, а у нас ружей кот наплакал.

— Я остаюсь с госпожой Катиной, — тихо, но твердо молвил Ларцев.

— Черта с два! Вы офицер, ваше место в строю!

— Я раненый. — Митя показал на свою перевязанную руку. — В строю оставаться не могу.

— А, это вы из-за той барышни, по которой всё вздыхали? — презрительно покривился драгун. — Девка вы, а не офицер. Ну да дело ваше. Ро-ота! Подтянись! Головы выше! Шагом марш!

Колонна длинной нескладной многоножкой зашлепала по осенней грязи.

Полина Афанасьевна смотрела не вслед рухнувшей надежде, а на Митеньку. Получается, она его раньше толком не разглядела?

— Чего делать будем, барыня? — подошел Лихов. — Ни солдат, ни оружья. Я только мушкетон успел припрятать да одну саблю. С ними что ли амбар воевать?

Барыня сказала:

— Или амбар воевать, или с голоду подыхать. Выбирай сам.

Глава XVIII
НОВОЕ СЛОВО

Сказать сказала, но выбирать тут было нечего. О штурме думать не приходилось. Воодушевленные удачей, да наевшись мяса, мужики до ночи орали, бахвалились друг перед другом, какие они герои, что французов перебили, но даже с куражу о нападении на амбар не заикались. И утром, когда собрался совет, разговора о том не было.

Для невеликого войска советников было многовато: сама Катина, да Кузьма Лихов, да Ларцев, да Фома Фомич, да Виринея, еще и Сашенька пришла к костру, села между своим селадоном и англичанином.

Стали судить-рядить, что делать дальше.

Первый вопрос был, уходить глубже в лес или не уходить. Не станут ли французы за побитый караул рыскать по округе, искать обидчиков? Фома Фомич (Саша переводила) заявил: уходить не надо, французы будут уверены, что это пленные взбунтовались, а на крестьян не подумают. Мысль была толковая, все согласились.

НОВОЕ СЛОВО

Потом заспорили, тихо сидеть или бить врага дальше. За первое высказались женщины, Полина Афанасьевна и Виринея. Помещицу волновал только овес, попадья же, вернув себе мужа, ничего более не желала. Но все прочие хотели драться. Митенька сказал речь. Мы-де не лесные эрмиты и не беженцы, а иррегулярный отряд, для которого есть особое название, прославленное доблестными испанцами — «партизаны». Сам Митя, хоть и офицер, не считает для себя зазорным быть командиром партизанского отряда. И спросил, согласны ль все считать себя партизанами.

Новое слово понравилось, особенно Сашеньке. «Мы будем партизанский отряд прапорщика Ларцева!» — воскликнула она. После этого стали говорить уже только о том, как и где драться. А еще ведь надо пропитание добывать, и не только для себя: на Гнилом озере, если считать с малыми детьми, семьсот ртов.

Снова проявил себя Фома Фомич. Надо как на корсарской войне, сказал он. Там нападают на вражеского купца, только если совпадают два условия: чтоб корабль был с богатым грузом и чтоб слабо вооружен. Расставим дозорных на ближних дорогах. Если увидим, что фуражиров мало, а повозки полны — налетим, заберем. Тут еще вот что важно, тоже корсарская наука: нанес удар, взял добычу, и уплывай с этого места, меняй базу. Каждый раз нужно бросать лагерь и устраивать другой. Тогда каратели не поймают.

И опять все согласились с опытным человеком. Разослали зорких людей в удобные для обзора места — одного на развилку дорог, другого на Никольский холм, третьего к Старому мосту. Задание мужикам было такое: если едут французы и их много, либо повозки пустые, знака не подавать. Коли же телеги полные, а врагов малое количество, тогда куковать по их числу. Отряд будет ждать в роще, откуда недалеко бежать до всех трех сторон.

В первый день мужики сели кучей, с топорами и дубинами, все хмурые, бледные, некоторые украдкой крестились. В лесном лагере остались только Виринея с отцом Мироклем, Агафья да Сашенька. Полина Афанасьевна пошла с мужчинами, хотела посмотреть, какие они вояки.

А ничего не было. Ни разу ни с одной стороны не кукукнуло. Дозорные вернулись в сумерки, рассказали, что повозки были, да всё не такие, как надо: то порожние, то солдат много.

На второй день от развилки донеслось дальнее ку-ку. Стали считать — восемь раз. Заспорили: бежать туда или восемь солдат — много. Ларцев с Кузьмой рвались драться. Фома Фомич сказал: «Восэм — много». Остальные мужики поддержали англичанина. Того же мнения была и Катина. Ее послушали.

Ничего не вышло и на третий день, и на четвертый, и на пятый. Мужики, то бишь партизаны, в роще сидеть уже не боялись, привыкли. Дрыхли целый день, лясы точили. Еще и тепло было, бабье лето.

Хоть ватага красиво называлась отрядом прапорщика Ларцева, с командованием получалось неявственно. Оно конечно, Митя был настоящий офицер, в мундире и при эполетах, но больно юн, неначальственен и с мужиками говорил непонятно. Прикажет что-нибудь Ларцев, а они глядят на Кузьму и исполняют, только если он кивнет. А еще все держали в уважении Фому Фомича. Он был единственный, кому раньше доводилось воевать. Англичанину мешало безъязычие, но Катина приметила, что, вернувшись в лагерь, моряк теперь садится с Сашей и усердно учится русской речи. Потому и сумел в споре сказать, что восемь солдат — много.

Занятия у них длились до глубокой ночи. Фома Фомич себя не жалел, старалась и Сашенька.

Моряк особенно налегал на пословицы и поговорки.

— How do I say: «Steady, lads! A man can only die once»? — слышалось из шалаша.

И потом то же по-русски, медленно:

— Не робэй, рэбьята. Двум смертьям не биват, одной не миноват... Нэ робэй, рэбьята. Двум смертьям не биват, одной не миноват...

Полина Афанасьевна ворочалась с боку на бок, тщетно пытаясь уснуть. Люди на Гнилом озере скоро голодать начнут, а мы языки учим.

Бой случился лишь на седьмой день засадного сидения. С Никольского холма дозорный прокуковал только трижды.

Ларцев сразу вскочил, закричал:

— Их трое! Вперед, партизаны!

Партизаны посмотрели на мельника. Тот тоже поднялся, молвил:

— Едут от холма — значит, берем их в ельнике, как сговорено. Айда!

— Ждат! — остановил всех Фома Фомич. — Сначала смотрэт, айда потом.

— Англичанина слушайте, он дело говорит, — сказала свое слово и Катина. — Пока они от холма через поле едут, можно прикинуть, как лучше подступиться.

И подумала: ох, много у нас начальников. Пообещала себе, что больше встревать не будет.

Мужики, однако, послушались. Залегли на краю густого ельника, стали смотреть.

Повозок было три, кони везли натужно — знать, тяжелая поклажа. На козлах по синему солдату. Все с ружьями.

— Что лучше, Кузьма? — спросил Митя срывающимся голосом. — Разом налететь, с криком «ура», а там как выйдет?

— Нет, — спокойно отвечал мельник. — Их трое, и у нас три оружья. У меня мушкетон, я ссажу первого. Тебе барыня свой пистолет даст. Ты подбегай ко второму и сади с обоих стволов, не давай ему ружье поднять. А ты, Фома, руби третьего саблей. Потом мужики набегут, докончат.

Всех слов англичанин, наверное, не понял, но Лихов сопровождал речь жестами.

— Мой трэтый, — кивнул Фома Фомич. — Кузма, надо сказат люды: тише едеш далше будеш.

— Это ты верно говоришь. — Мельник оборотился к мужикам, показал им кулачище. — Кто поперек меня на дорогу вылезет — кости переломаю! Сначала мы трое, вы после. И тут уж не отставай. Кто струсит — тож не пожалею. Ясно?

— Не посрамим отечества! — воскликнул Ларцев.

Англичанин бодро прибавил:

— Не робэй, рэбьята. Двум смертьям не биват, одной не миноват!

Полина Афанасьевна промолчала, глядя на мужиков с сомнением. Вид у них был не богатырский. Филька Косой клацал зубами, у Ваньши Тележника — даже под портками видно — крупно тряслись коленки.

Распределились за елями тремя кучками. Залегли.

Помещица одна спряталась по другую сторону дороги, чтобы лучше всё видеть. Имела бы привычку к молитве — молилась бы.

Вот фургоны приблизились к роще. Первый возница показался Катиной грозен: усы подкручены, глядит зорко, руку держит на прикладе. Ну как промажет Лихов? Солдатто маху не даст, а убьют мельника — мужики разбегутся.

Повозка проскрипела мимо. На второй сидел, подремывал худосочный солдатик, в самый раз для Ларцева. Третьего Полина Афанасьевна разглядеть не успела, потому что

из кустов грянул громкий выстрел. Кузьма оглушительно завопил:

— Бей их! Бей!

Затрещали ветки, заорало много голосов. Катина только успевала поворачивать голову.

Лихов не промазал. Усатого солдата сшибло с телеги, будто ветром сдуло. Бухнулся наземь, остался лежать. У Мити вышло хуже. Он с тонким криком побежал на второго француза, выставив вперед руку с маленьким пистолетом. Выстрелил раз, другой — мимо. Сонный возница вскинулся, тоже закричал. Поднял ружье, не целясь пальнул, а попал или нет, из-за дыма было не видно. Зато Фома Фомич не сплоховал. Молча налетел на третьего, с размаху ударил его саблей и потом еще воткнул ее в опрокинувшееся тело.

Там набежали остальные и, толкаясь, сбились в три кучи-малы. Бой длился несколько мгновений.

Неужто уже конец, поразилась Полина Афанасьевна. Управились? И все целы?

Оказалось, что нет, не все. Кто-то там жалостно орал из-под второй повозки.

— Мамушки! Ой родимые! Больно-о-о!

Помещица побежала туда.

Орал Ваньша Тележник, который перед боем трясся. Пуля, пущенная солдатом наугад, попала в живот. Над раненым ахали, Митенька плачущим голосом приговаривал:

— Прости, братец, прости, это я виноват...

Полина Афанасьевна взяла прапорщика за плечо, отвела в сторону, начала выговаривать: командиру виноватиться перед нижними нельзя, слушать не будут. Но поникший Ларцев лепетал:

— Это Кузьма командир. А я... — Да понурился.

Лихов и вправду распоряжался дельно. Велел мертвецов оттащить в лес и закидать листвой, чтоб не скоро нашли.

Раненого — взять в восемь рук и без тряски несть в Волчью чащу, там Виринея с барышней его полечат. Повозки гнать в поле, подальше от дороги, а то не дай бог французский разъезд.

Все занялись делом, забегали. Воспрял и Митенька, нашел себе видную, вроде как командирскую работу. Шел впереди по сухой нескошенной траве и покрикивал головному возчику:

— Левее бери, тут яма! Правее поворачивай, здесь кочка!

Ладно. Полина Афанасьевна пошла смотреть, что за добычу взяли: зерно ли, муку ли, а лучше бы всего сало или солонину (первый фургон был гружен бочками).

Кузьма на ходу запрыгнул, вскрыл топором круглую крышку.

— Тут крупа какая-то, мелкая.

— Не видишь, порох, — разочаровалась Катина. — Нука, в других что?

В двух остальных повозках были тяжелые ящики, по десять штук. В каждом по четыре жирных от смазки ружья.

Мужики глядели на железки в унынии.

— Вот и пожрали... — сказал кто-то.

А Кузьма был рад.

— Ништо, робята! Зато теперь мы оружные! С этаким богатством мы по-другому повоюем! И жратвы добудем, и всего чего пожелаем!

Но партизаны бодростью не заразились.

— Куды нам столько ружей? Мучицы бы, — вздохнул Ларион-бондарь, самый старый из всех, семейный.

Остудила Лихова и помещица:

— С одними ружьями много не навоюешь. К ним еще пули нужны.

В общем, не шибко знатная вышла победа.

НОВОЕ СЛОВО

...Раненый Ваньша стонал всю дорогу до Волчьей чащи, умолял нести полегче. Но когда его наконец доставили в лагерь и положили на мягкую траву, бедняге лучше не стало.

— Держите крепко за руки, за ноги. Буду дырку щупать, — велела Виринея, засучивая рукава. Рядом сосредоточенно хмурила брови Сашенька. В руках у нее был словарь, открытый на схеме брюшной полости.

— Ахррр! — захлебнулся звериным воплем, забился страдалец, когда знахарка полезла пальцами в багровое.

Александра сказала:

— Похоже, Canalis pyloricus. Надо поглядеть, не навылет ли.

Но Виринея ученое мнение будто не слышала.

— Эй, подите все прочь, воздуху нет! А ты на-ка, попей. Легче будет.

Мужики разошлись. Попадья дала Ваньше какой-то настойки. Он, трясясь и всхлипывая, выпил и через минуту-другую затих.

— Снотворное? — спросила Сашенька. — Довольно ль сильное? Не проснется, ежели пулю станем извлекать?

Виринея вытирала красные пальцы.

— Не проснется. Никогда. Рана смертная. Только зря бы мучился.

Полина Афанасьевна обняла за плечо побледневшую Сашеньку:

— Так лучше. А ты иди своего кавалера утешай. Видишь, кислый какой.

Отправила ее к унылому Митеньке, все терзавшемуся, что плохо показал себя в первом бою. Попадье же сказала то, о чем никогда ни с кем не говорила:

— Тебе порой не кажется, что ты одна взрослая, а вокруг дети малые и ты за них в ответе? Взять хоть бы даже и

мужа, которого ты так любишь и за которого вон на какую страсть пошла. Не жена ты ему, а мамка.

И посмотрела на отца Мирокля, сидевшего у костра под овчиной. Поп за время плена ослабел, застудился и теперь никак не мог согреться, всё кашлял.

Бог знает, что на Катину нашло. Не следовало такое высказывать, хоть бы и умной бабе Виринее. Но уж больно легко, без колебаний, как мать-природа, пресекающая ненужные ей более жизни, увела попадья с этого света на тот Ваньшу Тележника.

Всякого ответа ждала помещица. Была готова, что не склонная к философству Виринея вовсе промолчит. Но попадья резко обернулась, вплотную придвинулась, обожгла черными глазами. Прошипела:

— Ты о какой-такой страсти говоришь, барыня? Ты гляди. Не было ничего.

Полина Афанасьевна поежилась. А ведь Виринея ради охранения ее диковинного счастья, пожалуй, и отравить может. С нее станется.

— Меня-то не опасайся, — сказала Катина, не отводя взгляда. — Я то не за грех, а за подвиг посчитала. Забыть такое не забуду — жалко забывать. А поминать боле не стану.

Отходя, подумала: ох, женщины, женщины, насколько вы мудреней и интересней мужчин. Тех можно линейкой иль аршином померить, даже самых умных, а вас, бывает, ни в какую меру не вместишь. Взять хоть Агафью (это Полина Афанасьевна посмотрела на горбунью, хлопотавшую у костра). Теперь, в партизанах, стало окончательно понятно, отчего мóлодец вроде Лихова на увечной женился и столько лет с нею живет, на стороне не погуливает. Где бы еще он нашел такую во всех делах помощницу, такую беззаветную обожательницу. Прошлой ночью Катиной не спалось. Уви-

дела во сне своего Луция, который улыбался покинутой жене и говорил, что он обретается в космическом эфире, что там просторно и безмятежно и скоро ль она туда. «Скоро. Дела только тут закончу», — ответила во сне Катина, засмеялась и пробудилась. Зная, что теперь не уснет, вышла из шалаша пройтись по лагерю. Услышала от костра странный звук. Посмотрела — а это Кузьма мечется, скрипит во сне зубами. Тоже и его какие-то призраки не отпускают. А рядом Агафья. Сидит, легонько поглаживает мужа по щеке. Поди-ка, вообрази обратное: чтоб Лихов такую нежность являл. И кто после этого лучше, мужчины иль женщины?

Однако есть польза и от мужчин. Прямо назавтра они ее и явили.

Утром Кузьма выдал мужикам по ружью, увел куда-то. Сказал: охотиться. Митенька после вчерашнего был в хандре, жаловался на ноющую руку, не пошел.

А охотники вернулись веселые, шумные. Пригнали четыре телеги с французскими армейскими сухарями. Рассказывали о своей доблести в множество голосов.

Залегли они на аксиньинской дороге. Видят — малый обозец. Кузьма одного солдата застрелил, остальным кричит: «Сдавайтеся, не то всех побьем!». А мужики из своих пустых ружей целят. Французы, трое, труханули, руки подняли. Теперь еды много, хватит и для Гнилого озера. Лошадей опять же набралось с давешними четырнадцать голов.

— Где те трое французов? — спросила Катина у мельника.

Он удивился:

— Где им быть? Одного Фома саблей проткнул, другого я топором, третьего мужики уходили. Ты не бойся, барыня. Мы их в овраг кинули. Не сыщут.

На этом для партизанского отряда война, может, и кончилась бы — сухарей правда было много, до ста пудов. Но в тот же день, в сумерках, прибежал с великой вестью дозорный, которого Полина Афанасьевна приставила смотреть за овсяным амбаром.

Французы пригнали на поляну множество повозок, начали грузить мешки. Собираются отправлять.

Должно быть, Бошан прознал, что армия уходит из Москвы, подумала Катина. Настал у майора его великий миг.

— Попрощайся со своим овсом, барыня, — сказал ей Лихов.

Полина Афанасьевна рассудила вслух:

— У Бошана было сто двадцать фургонов, да еще несколько мы отбили. Одним таким обозом больше... трех тысяч пудов не вывезти.

— И что ж? — пожал плечами мельник.

— А то, что пленный нужен. И не абы кто — хотя бы капрал. Нужно вызнать, как оно у французов замыслено.

Катина готовилась Лихова уговаривать, даже упрашивать, но не пришлось.

— Что ж, дело задорное. — Кузьма чуть раздвинул губы, что для его малоподвижной физиономии было крайней степенью веселости. — Чем без дела сидеть. Возьму с собой Фому, он оборотист. Вдвоем управимся.

— Втроем, — сказала помещица. — Кто с пленным разговаривать будет? Я с вами пойду.

Так оно и сладилось — легче, чем ожидалось. Трудней всего было отделаться от Митеньки. Он нашел новую причину для терзаний — что утром не пошел на «охоту», пропустил такую славную оказию, — и теперь рвался на «вылазку», где от него не могло быть никакой пользы.

Но Полина Афанасьевна сказала, что командир должен быть с главным войском, то есть в лагере. Лишь тем и отбилась.

К лесной поляне, где амбар, они добрались после полуночи — в темноте через чащобу быстро не походишь. Но оно было к лучшему. С опушки широкая вырубка была как на ладони, освещенная и луной, и горящими кострами.

У французов в лагере тихо не было. Там всхрапывали лошади, перекрикивались часовые, расставленные вдоль всего длиннющего строения, а еще вереницей двигались тени — от амбара к повозкам и обратно. Погрузка не останавливалась и ночью. Шутка ль разложить по телегам мало не десять тысяч рационов?

Кузьма с англичанином пошушукались меж собой, неплохо понимая друг друга. С чем-то оба согласились. Полина Афанасьевна в мужские бранные дела не встревала. Петухам оно видней, чем курам.

Догадаться, однако, в чем задум, было нетрудно. Всякий раз, когда от костров в темноту отдалялась какая-то фигура, катинские спутники, пригнувшись, перемещались в ту же сторону. Первый раз вернулись ни с чем. Фома Фомич сказал: простой солдат, не надобен. То же второй, третий, четвертый раз. Лишь с пятой ходки, часа через два, когда Полина Афанасьевна от неподвижности совсем продрогла, приволокли извивающийся мешок. Из него торчали сапоги, доносилось мычание.

— Э сарджент, — сообщил запыхающийся, но очень довольный Женкин.

— Уносим. Скорей! — шепнула помещица.

Сначала мужчины тащили пленного по земле. Потом, углубившись в лес, сдернули мешок, поставили на ноги,

чтоб шел сам. Француз не хотел, упирался, но получил с двух сторон оплеухи и делать нечего, пошел. Его подталкивали в спину. Руки оставили связанными и кляп изо рта не вынули.

Допрос Полина Афанасьевна решила пока не устраивать. До французского лагеря было не довольно далеко, а еще хорошо бы сначала рассмотреть сержанта — понять, что за человек и как с ним разговаривать.

Через часа полтора, когда до Волчьей чащи оставалось немного, начало светать.

— Стойте, — велела Катина. — Поговорим с ним тут.

С минуту она молча разглядывала пленного. Он был не юн, за тридцать. Лицо обветренное, крестьянское. Губы под рыжеватыми усами дотвёрда сжаты. Взгляд тоскливый, но не робкий. Крепкий орех. Хотя в Великой Армии других сержантов, поди, и не бывает, на то она и Великая.

— Что будет с овсом? — стала спрашивать помещица. — Кто поведет обоз? Сам Бошан? Куда? В Москву? Что будет дальше?

Она задавала вопросы и еще, но француз только двигал желваками.

— Ва-тэ-фэр-футр, — процедил он наконец непонятное по словам, но понятное по смыслу. Особенно, когда добавил: — Старая ведьма, — да еще сплюнул. — Ничего я вам не скажу. Все равно убьете.

— Запирается? — понимающе кивнул Фома Фомич. — Сейчас мы его поубеждаем.

И показал жестом Кузьме, что нужно сделать с французом: сжал кулак и покрутил, кивнув на пах пленного. Мельник был того же мнения.

НОВОЕ СЛОВО

— Это мы сделаем. Отвернись-ка, барыня. И уши заткни. Он сейчас поорет малость, потом всё расскажет.

Полина Афанасьевна заколебалась. Предложение было дельное, но вдруг вспомнился последний сон: как покойный Луций звал ее в космический эфир. Ежели муж оттуда всё видит... Глупости, конечно. Фантазии. А всё же гадость это — человека пытать.

— Нет, — сказала она вслух. — Я того не попущу.

А французу, который отлично понял жестикуляцию, сделался бледен и губы сжал еще крепче, Катина сказала:

— Даю слово дворянки, что ты останешься жив. Если расскажешь всю правду.

Сержант мотнул головой:

— Слову аристократов веры нет.

— Про аристократов не знаю, а у Полины Катиной слово твердое.

Посмотрел он ей в глаза, повздыхал. И заговорил.

Сообщил, что завтра весь день будут грузить, а послезавтра утром майор самолично поведет первый обоз в Москву. Возьмет вдобавку к транспортным солдатам шеволежеров, весь полуэскадрон. Пехота останется в лагере, охранять склад. Из Москвы майор вернется уже с тысячью подвод, за остальным зерном. «И уж, верно, вернусь не майором — так он сказал, да подмигнул», — закончил сержант свой рассказ.

— Уот дид хи сэй? Всё выложил? — приставали к молчащей помещице англичанин с мельником. — Кончать его иль погодить?

— Выложил, — отрывисто ответила Полина Афанасьевна, напряженно размышляя. — Но кончать его не надо. Я слово дала.

Она прикидывала. Дорога от амбара одна: лесом, потом через реку и мост, а оттуда через широкое поле на большую дорогу. Майор уведет кавалерию и обозный батальон, но около амбара останется целая пехотная рота...

— Да что нам с ним делать? — удивился мельник. — Не отпускать же? Он своих наведет.

— После решим. Идем.

Помещица пошла первой. Француз старался от нее не отставать, опасливо оглядываясь на конвоиров.

Думай, думай, приказала себе Полина Афанасьевна. Иначе послезавтра овес вывезут, и всему конец.

Глава XIX
ДИСПОЗИЦИЯ

О придуманном она рассказала только Фоме Фомичу — уже в лагере, с глазу на глаз. Объяснила, что нужно сделать.

Англичанин выразил сомнение:

— Мне-то что, млэйды, я и не в таких переделках бывал, но как поглядят на это ваши фермеры? Вон как они довольны, что разжились сухарями и можно больше не воевать. — Он кивнул на мужиков, мирно завтракавших у костров. — Если вы объявите о своем плане, такое начнется...

— А я пока не стану объявлять.

Мужикам Полина Афанасьевна сказала лишь, что три подводы из четырех надо доставить в большой лагерь и что сей маленький обоз она поведет сама — хочет проведать, как там деревенские. Все запросились сопровождать. Каждому хотелось повидать родных, да и покрасоваться своими военными подвигами. Но помещица взяла только шестерых. И француза — без нее Кузьма его, пожалуй, убьет.

Из-за пленного возник спор. Лихов стал говорить, что сержант сбежит, он волчина бывалый. В дороге не удерет, так после, от Гнилого озера беспременно исхитрится. Тамошние за ним не уследят. И будет тогда погибель всем вымираловцам. Истребят их басурманы за своих побитых обозных.

Сержант догадывался, что решается его участь, беспокойно вертел головой, поводил плечами, будто проверяя, не ослабели ли веревки.

— Он не сбежит, — ответила Катина и подала знак англичанину.

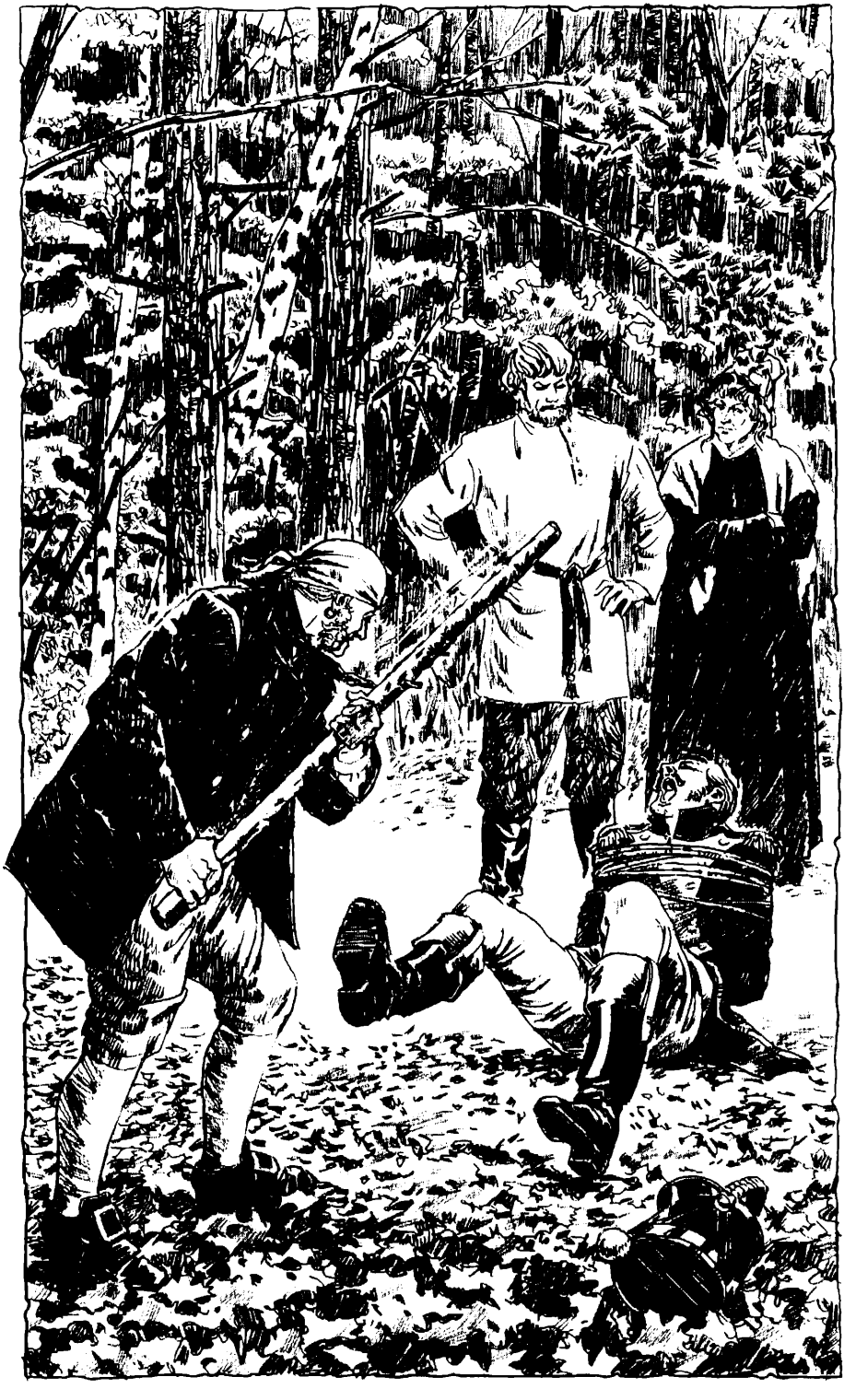
Тот стоял подле пленного, опирался на толстую суковатую палку. Размахнулся и со всей силы стукнул сержанта по лодыжке. Треск, крик, француз упал.

— На сломанной ноге не убежит, — сказала Полина Афанасьевна мельнику, а сержанта успокоила: — Ничего. Охромеешь, зато жив будешь. Виринея, наложи ему луб. И веревку снимите, на что она теперь?

Собрались в путь, да и отправились. Невеликое расстояние до Гнилого озера одолели только к середине дня — нужно было вести подводы лесом, скрытно, а это дело небыстрое.

У деревенских всё было ладно. За минувшие дни Платон Иванович обустроил лесной поселок столь основательно, что хоть зимуй. С реки принесли глины, вырыли яму для отжига кирпичей, поставили во всех землянках печки. На топком берегу озера появились длинные мостки, до чистой воды — бабам белье стирать. Под навесом висели, сушились длинные связки грибов. А главное, не пересобачились люди, не перессорились, что обычно случается, когда все скопом, напуганы и оторваны от привычного дела.

Староста объяснил это так:



— У меня всякий занят работой и знает, что трудится не на барыню, а на себя и на своих. А еще я кто кого не любит по разным артелям развел. Вот у нас и мирно всё.

Этак, наверное, можно и без строгости управлять, подумала помещица. Да только где видано, чтобы мужики единственно на себя работали? Нет нигде на свете такого заведения.

Конечно, пришлось опять защищать француза. Кто-то опознал в нем одного из тех, что сжигали избы в Вымиралове, и все загалдели, зашумели, со всех сторон обступили телегу, где жался пленный.

Полина Афанасьевна встала перед повозкой.

— За то, что он дома жег, его покалечили! И хватит! Чтоб волос с его головы не упал! Я о том честное слово дала! Ежели вернусь, узнаю, что вы мое слово порушили — пеняйте на себя. Виновных у себя не оставлю. Продам.

Угроза была страшная. Вымираловские гордились, что живут в своем селе, при справедливой барыне, лучше и богаче прочих крестьян. Правда, от хорошей жизни и богатства ничего не осталось, поэтому на счет пленного Катина все же была непокойна. Попросила Платона Ивановича приглядывать, и староста пообещал, что не даст сгубить живую душу, хоть бы и французскую.

— Никуда от старика не отходи. Ковыляй за ним. Куда он, туда и ты, — велела Полина Афанасьевна сержанту. — Мундир свой сними, мне отдай. Будешь ты тогда не вражеский солдат, а просто человек. Дня через два они к тебе привыкнут и убивать расхотят, станешь свой.

Покончив с делом необходимым, но мелким, помещица перешла к важному, зачем явилась. К этому времени, как и рассчитывалось, волчьечащинские успели нахвастать о

привольном и молодецком партизанском житье, и долго уговаривать здешних мужиков не пришлось.

Катина влезла на телегу, крикнула, есть ли охотники перейти из этого лагеря в тот, чтоб воевать неприятеля. Зашумели чуть не все: хотим, хотим! Еще отбирать пришлось, и не попавшие роптали. Полина Афанасьевна взяла ровно столько, сколько собиралась.

— На что они нам? — поразился Кузьма Лихов, когда в малый лагерь нагрянула этакая прорва народу. — Да их тут сотня!

— Шестьдесят пять душ, — сказала Катина. — Пятнадцать мужиков своих, и теперь будут еще эти. У вас двоих, у тебя и Ларцева, мушкетон с пистолетом. Это целое войско, можно о большом деле думать.

И лишь теперь растолковала, в чем ее замысел.

Мельник уставился на барыню, молвил невежливое:

— Ума ты рехнулась? Там у амбара рота солдат. Это сто человек! Они стрелять обучены, не то что наши. И ружья у них с пулями, а не пустые.

— Где Фома Фомич? — вместо ответа спросила Полина Афанасьевна.

— Тож свихнулся. На дерево залез, костер там зачем-то развел.

Лихов показал на край поляны. Там на сосне, на толстой ветви, высоко от земли, был приколочен помост. На нем, свесив ноги, сидел, насвистывал англичанин. И действительно, у него там потрескивал костер, чернел закопченный котелок. Внизу под деревом стояла кадка с водой. Там собралась кучка мужиков. Глядели вверх, чесали головы.

Полина Афанасьевна подошла.

— Миски оловянные все забрал, чертяка, — пожаловались ей. — Колдует, что ли?

— Эге-гей, на палубе! — крикнул сверху моряк. — Готово! Разойдись!

— Он пули льет, — объяснила Катина. — Из олова, потому что олово легче плавится, чем железо.

Фома Фомич давеча рассказал ей, как в долгом плавании, когда заканчиваются пули, с мачты капают раскаленным металлом, но любопытно было поглядеть.

Англичанин слегка наклонил ковш, приложил широкоячейное сито. Вниз понеслись мелкие огненные капельки, забулькали в кадку. На дно опускались готовые картечины.

Подошел и Кузьма. Подивился:

— Ловко. Да что толку? Таким горохом воробьев стрелять. И всё одно, не сладить нам с целой ротой.

— О том мы поговорим на совете.

Придуманный помещицей план, оказывается, по-военному назывался «диспозиция». Так сказал прапорщик Ларцев. Но диспозицией план стал не сразу. Сначала Кузьма Лихов обозвал затею «полоумством», и, судя по взглядам, того же суждения были остальные. Даже Сашенька смотрела на бабушку с недоумением.

— Овес, конечно, важен, — молвил осторожно Митенька, — и без него вашим крестьянам зимовать будет нечем, однако же всё это в самом деле выглядит... безрассудством, — употребил он менее зазорное слово. — Я чту храбрость наших доблестных партизан, но пойдут ли они в атаку? К тому же дроби, которую наготовил предприимчивый мистер Дженкинс, достанет только на один выстрел.

ДИСПОЗИЦИЯ

Но предположим даже, что нападение застанет французов врасплох и они разбегутся (хоть это весьма маловероятно). Что вы намерены делать с таким количеством зерна? Ведь это без малого двести тысяч пудов. Столько до возвращения Бошана нам не вынести и не вывезти. Воля ваша, мадам, но во всем этом нет никакого вероятия и смысла.

— Зерна возьмем столько, чтоб хватило прокормиться до лета, — начала Катина с последнего вопроса. — Прочее сожжем. Французам мой овес не достанется. Пусть ихние лошади все передохнут.

И потом стала рассказывать уже подробно, как завтра всё устроить. Чертила прутом по земле, для понятности.

— Утром Бошан с обозом и конницей отправится в сторону Москвы. Нужно дать им отъехать версты на три, на четыре, и тогда ударить по французскому лагерю. Услышав шум, Бошан поспешит назад с конницей, но вот здесь, у реки, за мостом, сядут шестьдесят мужиков с ружьями. Дадут залп. Попадут иль нет, неважно. Главное, французы увидят, что перед ними целое войско, и под второй залп не полезут. Бошан пошлет назад к обозу, за пешими солдатами. Там у телег останутся только возницы. Мужики от речки, выпустив пули, тайно побегут в огиб через брод, лесом. И пока Бошан пробивается к амбару, захватят обоз. Это и будет наш прокорм, три тыщи пудов.

Тут Полину Афанасьевну перебили и Ларцев, и Кузьма.

— Да кто ударит по лагерю, если все на речке засядут? — спросил первый.

— За три, тем боле за четыре версты, да из-за лесу стрельбы не слышно будет, — сказал второй. — С чего Бошану назад возвращаться?

— Стрельбу будет не слышно. А взрыв слышно. У нас бочонки с порохом, забыли? Всего и надобно — закатить

повозку в лагерь и подорвать. Французы все полягут. А кто жив останется — одуреет. Бери голыми руками. Я с двадцатью остальными мужиками там буду.

И после этого помещицу уже не перебивали. Пришлось, правда, повторить еще раз, для понятности.

— Глядите. Вот поляна, где амбар. Вот отправился Бошан с обозом. Миновали лес, пересекли мост, за ним снова лес. Доехали они до Козлиного оврага, и тут страшенный грохот. Бошан, для которого амбар драгоценней золота, непременно помчит назад с конниками. Но на мосту по ним ударит залп из шестидесяти ружей. Без подкрепления под такой огонь они не полезут.

— Это так оно и есть, — подтвердил Ларцев. — Кавалерия атакует только на открытом пространстве.

— Пока Бошан шлет за обозными солдатами, пока те собираются, да торопятся к мосту, мужики от речки вот этак, обходом, движутся к Козлиному оврагу. Когда же Бошан попадет к амбару, тот будет уже полыхать пламенем...

— А как взорвать телегу с порохом? — спросил Кузьма, присев на корточки над схемой.

— Как взорвать, Фома Фомич знает.

Англичанин важно кивнул — он уже достаточно понимал по-русски, чтобы следить за разговором. Объяснил, правда, на своем наречии, но Митя перевел.

— Хороший запальный шнур сделать не из чего, а то было бы проще, но можно скрутить и пропитать смолой соломенный жгут. Он будет гореть секунд десять, потом огонек достигнет пороха, и готово. Подорвется один бочонок, а за ним остальные. От такого взрыва разметает всех кто на поляне, а слышно будет аж в Звенигороде.

— Десять секунд это сколько? — нахмурился мельник.

— Это как до десяти досчитать.

ДИСПОЗИЦИЯ

Тут стало тихо.

Полина Афанасьевна вздохнула. Дальше — она знала — начнется трудное. Надо было удалить Сашеньку.

— Друг мой, сделай милость, замешай мне травяной декокт от мигрени. Что-то совсем невмоготу, — попросила Катина. У ней иногда бывали приступы жестокой головной боли, и внучка умела делать хорошее лекарство.

Когда девочка ушла, помещица сказала:

— Тому, кто запалит жгут, не убежать. Решать надо.

— Жребий бросим! — воскликнул Ларцев. — Как древние спартанцы!

Мельник возразил:

— Не знаю, каковы были портанцы, но коли выпадет Фильке Косому, он струхнет. А у Микишки трясучего огниво из рук вывалится, он и ложкой-то с первого раза в рот не попадает. Нет, тут верный человек нужен. Чтоб без промашки.

Все опять умолкли.

Отец Мирокль, присутствовавший не для военной пользы, а по своему сану, раздумчиво заметил:

— Здесь, однако, возникнет осложнение теологической природы. Подорвавший себя будет хоть и герой, но самоубийца. Я его отпеть не смогу, и в церковной ограде похоронить тоже нельзя будет. С другой стороны, ежели он на пороховых бочонках взорвется, поди, и хоронить будет нечего?

На сие соображение никто не откликнулся.

Помедлив еще немного, но не слишком долго, чтоб не вернулась Саша, помещица сказала то самое, трудное:

— Не тужьтесь, я уж всё придумала. Надену сержантову синюю куртку. Сяду на облучок. Вроде как я маркитантка, у французов их много. Язык я знаю. Кто спросит — отвечу.

И рука запалить жгут у меня не дрогнет... Что уставились? Я старше вас всех, пожила на свете довольно. Опять же овес мой, амбар мой и люди мои. Внучку мою Александру берегите, не обижайте. Теперь она будет вымираловской помещицей.

Говоря про обиду, Полина Афанасьевна смотрела в глаза Ларцеву.

— Стоит ли овес, хоть бы даже столь обильный, вашей жизни? — вскричал в волнении отец Мирокль. — Пускай пропадет, бог с ним совсем!

— Он не пропадет. Он французам достанется, а я этого стерпеть не могу.

Митенька же сказал про другое:

— Я по-французски тоже объясниться смогу! Как вы могли подумать, сударыня, что я такое допущу! Я, может быть, зелен и смешон, но я русский офицер! Уж солому-то поджечь сумею!

— Как? Одной рукой?

Осекся.

— Нет, барыня, — сказал тут Лихов. — Не пустим мы тебя. А то как нам потом міру в глаза смотреть, коли нас баба перемужичила? Вот как мы сделаем. Возницей сяду я, я и подожгу. А ты, барин, наденешь мундир и будешь вроде как француз. Спросят на въезде — ответишь. Как в лагерь въедем, слезай с телеги и дуй прочь. Не бегом, но ходко. Я минутку обожду, прежде чем поджигать. И всё! — прикрикнул он, когда Катина хотела возразить. — Не о чем боле толковать!

— И всё! — махнул здоровой рукой Ларцев. — Я тут командир. И командовать операцией «Овес» буду я! А вы, мадам, лицо статское, так не вмешивайтесь!

Он собирался произнести еще что-то строгое, но его речь прервало горестное стенание.

ДИСПОЗИЦИЯ

Это взвыла Агафья. Никто и не заметил, когда она подошла. Замычав, горбунья пала наземь, обхватила мужа за колени, стала бормотать: «Не пущу... не пущу...».

Отец Мирокль, нагнувшись, утешил ее:

— Не плачь, бедная. Возьму кривду на душу. Отпою Кузьму павшего на поле брани. И дозволю в освященной земле похоронить — что останется. Будешь к церкви на могилку приходить.

А Полина Афанасьевна сидела в потрясении. Никак не ждала она такого оборота. Могла сейчас думать только об одном: поживу еще.

Глава XX
ОПЕРАЦИЯ «ОВЕС»

Удивительно, но эта мысль наполнила ее счастьем. Вот ведь живешь на свете, говоришь себе год за годом: жизнь мне не в радость, окончится — и бог с ней. Еще и муж-покойник космическим эфиром заманивает. Но вдруг приготовилась завтра умереть, а умирать не придется, и желтые листья пронзительно красивы, серое осеннее небо хрустально, и внучка посмотрела с улыбкой — от счастья защекотало в носу.

Дура старая, рассердилась на себя Полина Афанасьевна и больше на пустяки голову не тратила.

Завтрашнюю «операцию» (слово-то какое, будто под нож к хирургу ложиться) готовили уже без помещицы. Она и не влезала. «Перемужичивать» мужчин, когда они берутся за дело, не нужно — тут Кузьма прав.

Кое-что они трое — мельник, Митенька и Фома Фомич — перерешили по-своему. В засаду у моста постановили отправить все восемьдесят ружей, чтобы залп получился страшней. Ларцев назвал этот участок «центром позиции».

ОПЕРАЦИЯ «ОВЕС»

Начальствовать там будет англичанин. Женкин наведался к мосту, оглядел кусты, пересек реку бродом и потом добежал лесом до «правого фланга», сиречь до Козлиного оврага, повсюду отмеряя время.

Для амбара (по-Митенькиному это был «левый фланг») надо было еще мужиков, и за ними на Гнилое озеро отправился Кузьма. Привел сорок человек. Им ружья не понадобятся, хватит топоров. Было сговорено, что их возьмет под начало Ларцев, когда, сопроводив Лихова к французскому лагерю, вернется обратно. Эта часть «диспозиции» Полине Афанасьевне казалась сомнительной. Вернется ли Митя? Не сшибет ли его взрывом? Но помещица промолчала. В любом случае амбаром, ради которого все сражение, она собиралась заняться сама. А гладко пойдет — еще доспеть и за реку, к французскому обозу.

Ночью лагерь не спал. Англичанин учил ружейных партизан взводить курок и палить так, чтоб не попасть в соседа, да хорошо бы не вразнобой, а стройным залпом. Тогда французы подумают, что в засаде настоящие солдаты. Без конца слышалось: «Tselsa! Pli!», и потом трещали незаряженные ружья, с каждым разом всё слаженней.

Ларцев поделил топорных мужиков на четыре «взвода» по десять человек и покрикивал тонким голоском: «Первый взвод, бегом до нужников! Теперь разом обратно, ко мне! Второй взвод, за топоры!» — и прочее.

Виринея, Агафья, Сашенька и отец Мирокль готовились ухаживать за ранеными. Щипали из ветоши корпию и потом кипятили ее в котле, делали шины для переломанных рук и ног. Поп забивал гвозди — сколачивал носилки.

Одним словом, на освещенной кострами поляне было многошумно — и захочешь, не уснешь.

Тише стало только к рассвету. Мужики улеглись, но видно было, что заснули немногие — кто покрепче духом или потусклее воображением. Остальные ворочались, многие шептали молитву.

Полина Афанасьевна прошлась по лагерю, глядя на каждого. Она тут знала всех, с детства. Кого-то завтра убьют, кого-то покалечат...

Сашенька с Ларцевым сидели, накрывшись тулупом, держались за руки. В иное время Катина нахмурилась бы, а ныне только вздохнула. Ежели мальчик завтра от взрыва не убежит, его будет жалко, но внучку жальчей.

Поразительный, конечно, субъект был Лихов. Разлегся у костра и спокойно спал, будто это не последняя ночь в его жизни. Горбунья сидела рядом, держалась за голову, раскачивалась. Наверно, молила Богородицу о новом чуде.

Дрых и англичанин, держа в руке какую-то бумажку. Полина Афанасьевна осторожно взяла, почитала. Это были слова, потребные для завтрашнего командования: «Za mnoi! Ne otstavai! Zhivei! Bashku otorvu! Ne podvodi rebyatushki! Yeti tvoyu mat!». Должно быть, англичанина учила не Сашенька.

Тьма была уже не черной, а густо-синей. Пожалуй, пора.

Катина подошла к дереву, на котором висел чугунок, ударила палкой. Подъем!

Мужики собираются быстро. Зубы порошком не чистят, рож не споласкивают. По холодному времени никто на ночь и онуч не разматывал. Вскочили, встряхнулись, топор за пояс, кому положено — ружье на плечо.

Фома Фомич повел своих на восток, им было дальше. Ларцев построил «взводы». Сказал речь, которую, должно быть, заготовил ночью. Назвал крестьян «доблестными сы-

нами отечества», овсяной амбар уподобил славной крепости Измаил. Слушала его одна Сашенька, зато восторженно. Она поцеловала кавалера, и он побежал догонять повозку с порохом, на которой уже укатил мельник. Тот простился с женой менее возвышенно. Агафья молча семенила за Кузьмой, хватала его за плечи, а Лихов отпихнул ее, буркнув: «Отстань, горбатая».

Через серый рассветный лес мужиков повела Катина. Сашенька шла рядом, остаться в лагере она отказалась. И всё тараторила, тараторила:

— Ему только слезть с повозки и быстренько вернуться к опушке. Ничего такого. Кузьма сказал, что минуту подождет. За целую минуту, шестьдесят секунд, можно далеко уйти. Я попробовала: на пятьдесят саженей. Это ведь хватит, да? И еще Митя обещал, что под конец припустит со всех ног. Он быстро бегает. Всё ведь будет хорошо, да?

— Да.

— Ой! А вдруг его кто-нибудь окликнет, остановит? — хваталась за сердце внучка.

В конце концов Полина Афанасьевна на нее рявкнула:

— Замолчи! Ты дворянка, ты должна мужикам пример давать! А ты своим дрожанием их тоже в дрожь вгоняешь! Они на тебя смотрят!

Сашенька умолкла, и Катина стала себя корить за резкость. Но перед поляной, где амбар, про постороннее думать перестала.

Французы давно не спали, а может, вовсе не ложились.

Обоз из ста с лишним фургонов стоял в несколько рядов, снаряженный, и первые повозки уже тронулись. Майор Бошан сидел на коне, распоряжался кому за кем ехать. Длилось это долго, не менее часа. Наконец хвост длинного-

предлинного, на добрую версту поезда втянулся в лес, и тогда снялся с места полуэскадрон, растянулся всадник за всадником.

На вырубке будто посветлело. Еще и солнце взошло, озарило вялым раннеоктябрьским сиянием серую громадину склада, вытоптанную траву, пеньки, французские брезентовые палатки, заиграло на составленных ружьях, на медных пуговицах мундиров.

— Покуда ждем, — сказал прапорщику Кузьма, спокойно жуя соломинку. — Часок или около того. Когда солнце вон туда дойдет, сядем да покатим.

Телега с порохом стояла поодаль, среди деревьев. Крестьяне лежали вдоль опушки, спрятавшись за стволами. До лагеря было шагов триста, но обломки могли долететь и сюда.

— Кашу варят, — потянул Кузьма воздух носом. — А сожрать не успеют.

И рассмеялся. Все-таки он странный был, Лихов.

Шикнул на мужиков:

— Тихо там! Не болтать! Утром по полю далёко слышно!

Митя Ларцев нарядился в сержантов мундир, который был ему велик, и недовольно разглядывал себя в маленькое складное зеркальце. Кивер съезжал ему на лоб.

— Пора, — сказала Полина Афанасьевна, то и дело поглядывавшая на часы. — Голова обоза уже должна быть за Козлиным оврагом.

— Ага.

Без прощаний, без мешканий Кузьма пошел к лошадям, вывел их через лес к дороге. Ларцев шагал рядом, всё оглядывался на Сашеньку. Споткнулся. Ох, нескладный, подумала Катина. Не упал бы, когда надо будет улепетывать.

Вот повозка неторопливо выкатилась на поляну. Оба сидели на облучке. Лихов правил, Митенька придерживал кивер.

Въехали в лагерь.

ОПЕРАЦИЯ «ОВЕС»

Никто их не останавливал, ни о чем не спрашивал. Нет, подошел какой-то долговязый. О чем-то они с Митей перемолвились, но фургон не остановился, достиг самой середины расположения и встал там, близ колодца и конского водопоя.

— Приготовьтесь. Из-за деревьев не высовывайтесь. Уши заткните. Приготовьтесь. Из-за деревьев не высовывайтесь. Уши заткните, — говорила Полина Афанасьевна, идя мимо лежащих мужиков. Тех, кто робок и может от грохота перетрусить, она собрала в одном месте. Там и сама осталась. Еще палку подобрала — по загривкам лупить, коли понадобится.

Ларцев спрыгнул наземь. Что-то сказал Кузьме. Тот махнул: ступай, мол, ступай. Митенька отдал ему честь. Зачем?! Увидят другие — покажется подозрительно.

Пошел наконец, но недостаточно быстро, будто неохотно. И всё оборачивается, дурак! Кузьма еще раз махнул ему, уже сердито. Тогда прапорщик ускорил шаг.

— Быстрей, быстрей! Ну пожалуйста! — шептала Саша. — Беги уже! Беги!

Словно услышав, Митя перешел на бег. Кажется, солдаты провожали его взглядами. Может, что-то и спрашивали, отсюда не услышишь.

Кузьма залез под полотняный полог фургона. Зажигает!

— Митя, быстрей! — закричала Сашенька.

Ларцев добежал до угла амбара, завернул. Слава богу!

Э, а Лихов-то куда бежит?! Мельник выпрыгнул, огромными прыжками понесся прочь от повозки, нырнул меж палаток. Да разве до счета десять далеко убежишь?

— Спрятаться! Уши заткнуть! — что было мочи крикнула Катина и сама плотно прижала обе ладони.

Грохот она услышала будто через толстую стену. Увидела яркую вспышку, не очень большую. Потом еще одну, гро-

мадную. Качнулась земля, вся середина поляны вздыбилась серой тучей. Полетели куски, обломки, комья земли. Выше всего взлетело, бешено крутясь, тележное колесо. Всю вырубку заволокло дымом. Не столь далеко, в полусотне шагов, на землю бухнулась оторванная конская башка, подскочила, перевернулась.

— Вперед! Вперед! — заорала помещица, не слыша собственного голоса. Все же, несмотря на ладони, подоглохла. — Скорее!

Одни мужики уже сорвались, другие копошились, и этих Катина с размаху колошматила палкой. Терять време-

ни было нельзя. Солдат, если кто уцелел, надо было брать, пока они в ошеломлении.

Полина Афанасьевна вбежала в дымное облако. Сначала было почти ничего не разглядеть, и она пригибалась, чтобы видеть землю. Но скоро чад проредился, в нем проступили очертания предметов.

Слева и справа помещицу обгоняли крестьяне. Лица у них были дикие, зубы оскалены. Многие бессловесно вопили.

— Ребята, ко мне! Я здесь! — донесся спереди звонкий голос.

— Митенька! Митенька!

Оказывается, внучка была рядом, не отставала. Но теперь она бросилась вперед, и пришлось ее догонять. Не дай бог, заденет кто сдуру, зашибет.

Ларцева и Сашу Катина разглядела шагов за десять. Подбежала, схватила обоих за руки и уже не выпустила. Митя рвался командовать, но она крикнула (из-за звона в ушах говорить казалось недостаточно):

— Лучше Александру береги! Мужики сами управятся. И мундир французский сними, пока наши не прибили.

Обращалась к нему на «ты», как к своему.

— Не отойдешь от Саши?

— Ни на шаг, — пообещал прапорщик.

— А еще лучше уведи ее отсюда. Незачем барышне на такое смотреть.

Лишь после этого, успокоившись за внучку, Полина Афанасьевна пошла дальше.

Дым понемногу рассеивался. Повсюду валялись неподвижные тела. Помещица задела ногой сапог, который оказался странно тяжелым. Посмотрела — из голенища торчала кость и что-то багровое. Посреди лагеря, где взорвался порох, зияла большущая яма, шириной саженей в пять.

Звуки теперь доносились лучше. Слух прочистился.

Со всех сторон стоял ор. Кто-то выл от боли, кто-то стонал, матерились мужики, слышались удары.

Французы полегли не все, но сопротивления не было. Крестьяне волокли уцелевших за ворот, толкали, били.

— Солдат в яму! В яму! Кто смирный — не убивать! — закричала помещица. Не от человеколюбия, но потому что убивать долго, а время дорого. Бошан слышал взрыв и уже собирает своих шеволежеров.

Синих солдат — оглушенных, покалеченных, трясущихся, пыльных — в яму набилось, как селедок в бочку. Полина

Афанасьевна решила, что довольно будет оставить для караула пяток мужиков. Велела им подобрать ружья, примкнуть штыки. Если кто из ямы полезет — колоть.

С этим ладно. Теперь амбар.

— Митя! — позвала она. — Тут боле бояться некого! Командуй! Ты знаешь, что делать. Сено и хворост к стенам! Но пока не запаливайте, слышишь?

Была у Катиной надежда, что Бошан, будучи встречен мощным залпом, на мост вовсе не полезет — вообразит, что перед ним целое войско. Тогда можно будет и отсюда овес вывезти.

— А вы разве не с нами? — удивился прапорщик, видя, что помещица поворачивается уйти.

— Я туда, к мосту. Пистолет мой отдай. Он тебе тут больше не нужен, а мне пригодится.

Катина сняла с плеч шаль, замахала ею, оборотясь к опушке. Там ждал конюх Федька. Из тех лошадей, что были захвачены у французов, Полина Афанасьевна отобрала двух порезвей, пригодных для верховой езды. Федор себя ждать не заставил — вынесся на поляну одвуконь.

— Лихова жалко. Каков герой, а? — Митя шел за помещицей. Ему ужасно хотелось поговорить о случившемся. — Его подвиг достоин занесения в анналы! Я ему сказал на прощанье: «Твое имя прославится в веках! Ты воззришь с небес, как будет славить тебя благодарное отечество!».

— Ступай-ка ты, сударь, к амбару. Собирай мужиков. Разожгите побольше факелов, — прервала его Полина Афанасьевна. — А Кузьма на небеса вряд ли попал. Больно звероват был. Легко французов убивал. Богу, чай, все равно, что они нам неприятели. Под землей Кузьма, в геенне огненной. Там героев много.

Только так, ушатом холодной воды и можно было остановить Митенькины восторги.

Но только Катина сказала про огненную геенну, и раздался из земного чрева глухой глас:

— Эй вы, наверху! Оглохли что ли, черти? Да вынайте же меня! Холодно!

Глас был хоть и не вполне внятный, но бессомненно принадлежал геройски погибшему мельнику. У Ларцева глаза стали в пол-лица. Обмерла и Полина Афанасьевна, на самом деле ни в небесное, ни в подземное царство не веровавшая. Но опомнилась первой. Бросилась к колодезному срубу.

Внизу из темной воды торчала косматая башка, белело лицо.

— Наконец-то! — прогудел сердитый бас. — Кто там, не вижу, спускай ведро!

Так вот куда он побежал от повозки, сообразила Катина.

— В колодец прыгнул? Ай да Лихов! — закричал и Ларцев. Перегнулся через край. — Кузьма, миленький, ты жив! Эй, партизаны! Сюда, сюда!

Минуту спустя мокрого мельника обнимали, хлопали по спине мужики. Он отталкивал тянувшиеся к нему руки.

— В-водочки сыщите! Заледенел я!

Ему сунули солдатскую флягу.

Ларцев воздевал руки к солнцу.

— О сколь счастливый день! Клянусь, Кузьма, о твоем беспримерном деянии узнает вся Россия! Я напишу губернатору! Главнокомандующему! Государю! И в «Ведомости»!

Полина Афанасьевна тоже была рада, что Лихов перехитрил смерть, однако Федька уже был тут, кони испуганно храпели, раздувая ноздри на пороховой дым. Пора.

Подобрав юбку, она села на лошадь, похлопала ее меж ушей:

— Ну, ну, тихо! Едем, Федор.

Кто-то взялся за стремя. Повернулась — Лихов.

— Куда, барыня? К мосту?

— Да. Теперь там главное. Надо пособить Фоме Фомичу. Управится ли он, безъязыкий?

— Я с тобой. Слезай, Федька.

Конюх, не дожидаясь, что скажет барыня, спрыгнул на землю. Мельник поднялся в седло.

— Тут боле делать пока что нечего. Едем.

Не предложил, а вроде как приказал. Ударил каблуками в круглые конские бока, поскакал. Что ж, пусть покомандует, заслужил, подумала Катина. И с ним, конечно, надежней.

Разогнались до быстрой рыси, и ехать-то было недалеко, всего с полторы версты, но Катина все же боялась не успеть. После взрыва, верно, миновало не менее получаса. Даже странно, что от моста до сих пор не грянул залп.

— Что-то пальбы не слышно! — крикнула она, поравнявшись с мельником. — Не разбежались ли наши, завидя французов?

— Ништо! — весело отозвался тот. — Обоз длинный, ихние конные, сама видала, повдоль растянулись. Их в кучу собрать, это время нужно. Поспеем!

И сразу стало спокойней.

— За твою доблесть отпущу на волю вас обоих, с Агафьей, — пообещала помещица.

— Воля — вот она! — проорал Лихов. — Ох, славно!

Ишь, рассиялся, подумала Катина. Он и всегда-то был полоумный, а на войне совсем выбесился. Что ж, война и есть сумасшествие. Каково время, таковы и герои. И хорошо, что они есть, без них много не навоюешь.

Кузьма оказался прав. Поспели.

Мост был завален свежесрубленными молодыми деревьями. Мужики лежали по-за кустами, выставив ружья. Сзади похаживал Женкин, боевито покрикивая:

— Двум смэртьям не бывать, одной нэ мыноват! Не робэй, рэбьята!

В руке у англичанина была медная дудка, про которую Фома Фомич рассказывал, что она при нем еще с боцманских времен.

— Дудка свистит — пали! Ранше не пали! — приговаривал моряк.

Кузьма, слезши с лошади, присовокупил, убедительно:

— Глядите, мужики. Кто допреж свистка выпалит — зубы вышибу.

И тут же, минуты не прошло, как Катина и мельник спешились, вдали застучали копыта. На том берегу из леса вылетели первые всадники. У переднего на шляпе сверкал позумент. То был сам звенигородский командан.

Скоро на луг высыпал и весь отряд, полсотни или больше кавалеристов. Но до самой реки они не доскакали. Майор разглядел на мосту завал, поднял коня на дыбы, что-то закричал. Прочие тоже стали осаживать. Сбились в кучу, потом кое-как выстроились шеренгой по двое.

— Наобум не полезут, — сказал помещице по-английски Женкин. — Это вояки опытные. Отправят вперед разведчика. Эх, жалко! Кабы все скопом на мост поперли, даже наши паршивые стрелки кого-нибудь да подстрелили бы.

Так и есть. Один спрыгнул на землю, отдал товарищу поводья, пошел вперед. Поступь осторожная, ноги полусогнуты — чуть что, готов упасть или побежать назад.

— Вит, вит! — крикнул Бошан.

Солдат задвигался быстрей, но перед самым мостом опять замешкался.

— Эхс-хс, — шепотом сокрушался Фома Фомич. — Его бы я отсюда легко свалил, но тогда они подумают, что нас тут мало иль что вовсе один стрелок. Ринутся разом и сгоряча прорвутся. Придется потратить залп на этого болвана.

— Свисти уже! — шикнул Лихов. — А то вояки наши зубами стучат. Не драпанули бы.

Женкин поднес ко рту дудку, выдал заливистую трель. Прибрежные кусты оглушительно затрещали, изрыгнули дым и пламя. Стройного залпа не получилось, но это, может, и к лучшему — зато вышло раскатисто, будто палила целая рота.

До француза было недалече, но ни одна картечина в него не попала. Сначала-то он шлепнулся на задницу, но это с перепугу. Тут же вскочил, ошалело сам себя оглядел — должно быть, не поверил удаче — и во всю прыть кинулся к своим.

Бежали от кустов и партизаны, иные даже ружья побросали. Хорошо, с той стороны было не видно, дым прикрыл.

Полина Афанасьевна приподнялась на цыпочки, чтобы заглянуть поверх серой пелены — что Бошан?

Мечется, машет. Шеволежеры слезают с коней. Большинство припали на одно колено, выставили карабины. Другие бегут к деревьям, каждый тянет за собой по четыре лошади. Действуют слаженно, дружно. Верно, не первый раз в подобной переделке. Однако на мост вроде бы лезть не собираются.

Здесь помещица разглядела, что один кавалерист не спешился, а мчит галопом прочь по дороге. Только теперь Катина выдохнула, а то с самого свистка как набрала полную грудь воздуха, так и не дышала.

Получилось! Обманули майора! Отступить не отступил, и это жалко, но послал нарочного за транспортными солдатами. Значит, будет ждать. Пока те построятся, пока сюда доберутся, пока изготовятся к атаке, это час времени.

— Я с мужиками пойду, а ты, барыня, возвращайся к амбару, — подошел Кузьма. — Не сумневайся. Всё исполним, как сговорено. Побежим берегом, потом бродом, потом

лесом. На поле все разом кинемся на хвост обоза. Возчики увидят, что нас много — сами разбегутся. Возьмем телеги, укатим к Гнилому озеру.

— Коли с Фомой Фомичом будешь ты, я покойна, — ответила она.

И Женкину:

— Что саблей машете? Много ль от нее проку? Вот вам, сэр [это по-ихнему «сударь»], в подарок мой пистолет, оба ствола заряжены.

Больше Фому Фомича наградить за геройство ей было нечем.

— Хорошая вещь, — обрадовался моряк. — На «Медузе» у судового лекаря был точно такой же, купленный за три гинеи и два шиллинга!

Обратно к вырубке Полина Афанасьевна поскакала одна, в мрачной решимости. Амбар не спасти. Через час французы туда пробьются. А значит, выбора нет...

Правильно сделала, что вернулась. Командир из Митеньки вышел аховый. Мужики разбрелись по лагерю, собирали французское добро, всё подряд: оружие, тарелки, одежду, палаточный брезент. Некоторые успели налакаться из фляжек. Ладно хоть караульные от ямы не отошли, стерегли пленных.

Криками, тычками, пинками помещица быстро навела порядок. Все задвигались, забегали. Вдоль всего амбара, снаружи и внутри навалили разной горючей дряни. Набрали пороху из солдатских лядунок, рассыпали дорожками.

— Зажигай факела! — приказала Катина. — Становись!

Долго собиралась с духом. Сейчас сгорит всё ее богатство, ничего не останется. Как потом жить, чем? Бог знает.

Только что ж теперь кручиниться.

ОПЕРАЦИЯ «ОВЕС»

— Жги!

Пламя взметнулось в тридцати или сорока местах. Свой факел Полина Афанасьевна занесла внутрь, запалила пороховой хвост. Шипя и плюясь, огонь побежал к соломенным грудам.

Всё. Кончено.

Выйдя наружу и более на амбар не оборачиваясь, только чувствуя спиной разгорающийся жар, Катина крикнула Ларцеву:

— Бери Александру, бери людей, оставь мне только караульных. Догоним.

Тот ничего не заподозрил. Был доволен, что мужики по его команде построились и идут, куда он ведет.

Ларцев с Сашей для остатнего дела были ни к чему.

Дело было страшное, однако необходимое: перебить пленных французов, чтобы не достались Бошану.

В караульные Катина поставила не абы кого, а мужиков крепких, нечувствительных. С самого начала знала, чем оно всё закончится.

Подошла к яме. Остановилась.

Французы жались один к другому. Их было — пересчитала — двадцать шесть душ. Половина покалеченные, нестоячие.

— Чего ждем, барыня? — негромко сказал Селифан, деревенский скотозабойщик. — Кончать их надо. Я как думаю? Пускай которые ходячие вылазят по одному, вроде как для допросу. Мужики подводят ко мне, я обухом в темя — и готово. Не пикнет. Работы на десять ударов. А лежачих после прямо в яме уходим.

— Пошли отсюда, — повернулась Катина к остальным. — Не будем марать руки окаянством. Французы теперь много не навоюют. Им бы до границы добежать, пока кони с голоду не передохли.

Потом, конечно, она корила себя за слюнтяйство. Покалеченных не убили — ладно, но десяток здоровых возьмут в руки оружие и еще понаделают лиха. Чья будет в том вина? Полины Катиной, ее чувствительного мягкосердечия, за которое сама же она так осуждала покойного супруга.

Даже поделилась своими терзаньями с отцом Мироклем.

Тот молвил:

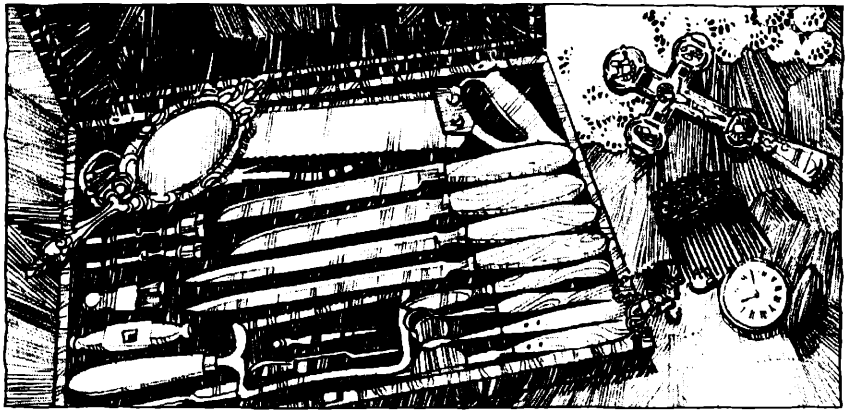
— Сказано: «Мне отмщение и Аз воздам». Не со всем я в Писании согласен, но в сие верю. Бог иль судьба сама решит, кому и чем воздать.

От такого глупого утешения Полина Афанасьевна отмахнулась, но поп оказался прав.

Мало кто из французов вернулся из России живым. Скоро ударили беспримерно ранние морозы, повалил снег, и пали от бескормицы неприятельские лошади, а вслед за ними сгинули и голодные, холодные солдаты. Воздалось им и за спаленное Вымиралово, и за усадьбу, и за овес. Безо всякого со стороны Полины Афанасьевны окаянства.

Том третий

МИР



Глава XXI
ГОСТЬ В ДОМ

О том же самом — небыстрой, но неизбежной мзде за всякие злые и добрые деяния — шла застольная беседа в катинском доме год и девять месяцев спустя.

21 июля это было, во вторник, за праздничным ужином. Что праздновали и с кем — о том в свое время, а о справедливости судьбинного промысла завел речь Платон Иванович.

С позапрошлого года в Вымиралове переменилось многое, и не перечислить. Почти всё, иное даже до удивительности. Об этом Платон Иванович тоже рассказал, ради дорогого гостя. Сидение бывшего деревенского старосты за барским столом, в крахмальной салфетке на груди и с бокалом клюквенного морса в руке, тоже было из разряда нововведений.

Оратор был красноязычен и неспешен, но никто никуда не торопился, все слушали с удовольствием, даже про хорошо известное.

— Той злою осенью всем нам представлялось, что Бог отвернулся от чад Своих. Поразил Он нас огнем и мечом,

хладом и гладом, всей нашей жизни разрушением. И возроптали многие, вторя Иову многострадальному: «Возопию, и нигде же суд! Пред лицом моим тьма!». И горько сетовали матери, когда в студеных земляных жилищах, средь темного леса, стали умирать слабые младенцы.

Платон Иванович и раньше-то был книжник, а теперь, в новом своем статусе, полюбил выспренность. Его лаудация была пространна и чувствительна.

Поминая тяготы первой после нашествия зимы, вития сказал, что тогдашнее Вымиралово впору было переименовать в «Выгоралово».

— Ничего от села не осталось, одни головешки. Погибла в пламени прегордая усадьба со всеми постройками. И над пустынею высилась только церковь с колокольней. Злой неприятель пробовал сжечь и их, но огонь лишь закоптил каменные стены, и до самой весны средь снежных полей стояло страшное черное нечто, будто храм не Богу, а Диаволу. Но миновало невеликое время, новопобеленная церковь воскресла, яко птица Феникс из пепла, а вместе с нею и наше Вымиралово. Имя ему теперь должно быть «Выживалово»! Открылось нам, что не карал Господь люди своя, а испытывал. Увидев же, что испытание пройдено, прещедро наградил! Ничегошеньки война нам не оставила, лишь рубища и пепелища, а ныне, чудом Божиим, мы благи и преуспеяны как никогда прежде!

Полина Афанасьевна кивала, чтобы не обижать соратника, но внутренне скептицировала. Чуда-то, положим, никакого не было. Помимо рубищ и пепелищ война оставила еще кое-что: сто двадцать крепких французских фургонов, да вдвое столько лошадей. Немалый капитал, который — ежели с умом — можно было обратить в настоящее богатство. А ума помещице хватало.

ГОСТЬ В ДОМ

Первое, что она сделала — еще раньше, чем по дороге на запад ушла вражеская армия — угнала конный поезд подальше в лес и спрятала. Не только от неприятелей, но и от своих. Русская армия реквизировала лошадей и повозки не хуже французской. Надо было переждать, когда военная власть закончится и установится обычная.

Но вот ушел Кутузов бить французов, следом прогромыхали по осенней слякоти многоверстные обозы и отставшие пополнения. В Москве снова воссел губернатор, в искалеченный город стали возвращаться жители, худо-бедно заработали рынки, и Катина начала распродавать свой гужевой транспорт. Шел он нарасхват. Лошади и справные телеги у населения подчистую забрала армия, а всем ведь надо перевозить товар, бревна с досками, дрова. Половина трофеев ушла за неделю, по пятьсот целковых за конную пару с повозкой. Тридцать тысяч рублей! Можно было бы и дороже, ссли б не спешить, но помещица боялась, что закончится овес. У нее люди и лошади ели одно и то же, другой пищи не было.

С оставшимися шестьюдесятью подводами Полина Афанасьевна распорядилась так: поделила мужиков на артели, отпустила под оброк гужевыми извозчиками. Тут-то настоящие деньги и полились. Москва залечивала великие раны, средь развалин всюду стучали топоры, скрипели пилы, только подвози строевой лес. Скоро Катина уже пожалела, что продала половину фургонов.

В мае она начала ставить новое Вымиралово. Пришлось нанимать по окрестным деревням плотников — свои мужики были нужней на извозе. Для себя и Сашеньки пока что поставила временный сруб в четыре комнатки. Все равно домоседничать было некогда, в сутках не хватало часов для работы.

Уже летом обещание, данное крестьянам, исполнилось: вместо прежних изб поднялись новые. Тогда же отбелили и церковь с колокольней.

А промысел еще только разворачивался. Москва требовала всё больше строительного матерьяла. В особую цену вошел белый камень, который возили в город издалека, из-под Вереи. Платили большущие деньги.

Староста первый додумался расширить дело: не только доставлять матерьял, но и самим строить. Открыл контору на Мясницкой улице, стал нанимать вольных работников — своих крепостных уже не хватало. Вымираловские поля остались пустые, незасеянные. Пускай постоят залежными, наберутся соков, решила Полина Афанасьевна. По выгоде землепашество с московскими промыслами было не сравнить.

Так оно и вышло, что ныне, летом тыща восемьсот четырнадцатого года, Катина сделалась много богаче, чем двумя годами прежде, когда сюда еще не нагрянула война.

Вот чему поражаться надо — странностям судьбы, а не Божьим милостям. Хороша милость, когда столько народу по всей Европе убито-покалечено. Война закончилась еще в феврале, а всё не могут посчитать, сколько людей от нее сгинуло. И как посчитаешь всех умерших от голода, от болезней, от бездомья, да просто со страху?

Вымираловское процветание и катинское скоробогатство были особенно приметны по сравнению с тем, как жили все окрест. Французы спалили не одну деревню, и прочие погорельцы всё еще обитали в землянках, питались впроголодь. Разорились и многие помещики. Некоторые московские дворяне, ранее бывавшие в своих звенигородских имениях наездами, остались без городского жилья и вернулись в родовые гнезда. Те же богачи Мураловы, у ко-

торых Катина когда-то купила мертвую деревню, теперь жили по соседству, скромно, чинили худую крышу.

А Полина Афанасьевна только что достроила новый дом — возвела его быстро, в полгода, не скупясь. Белостенный, каменный, чтобы никогда уже больше не сгорел. Сашенька придумала вывести в сад крытую колоннаду, называется «перистиль». Там, на прохладе, все сегодня и сидели. «Птицей Феникс» Платон Иванович назвал Вымиралово, потому что так нарекли усадьбу — Фениксом, в ознаменование ее грядущей несгораемости. Помещица к сим хоромам с высоченными потолками, французскими окнами и бронзовыми шанделябрами пока еще не привыкла. Пустовато было ей в каменных палатах, неуютно. Для себя бы Полина Афанасьевна обустроилась по-другому, но жить тут предстояло Сашеньке, она и руководила архитектором. Бабушка не встревала.

Анфилада из красивых, праздных комнат одним концом упиралась в спальни, другим — в гостевые покои и библиотеку. Прежняя сгорела вместе со всеми книгами, и новая получилась скудной. Александра теперь читала меньше, чем раньше, по московским книжным лавкам почти не ездила. Кто изменился больше всего, так это она.

Была некрасивая девочка-подросток, тощая, мосластая, с большими, как лапы у щенка, ступнями. Но к восемнадцати годам Сашу будто окунули в волшебный эликсир. Сошли прыщики, побелела, зашелковилась кожа, помягчело и занежнело лицо, образовались всяческие округлости. Бывало, часами сидит над книгой, шмыгает носом, а ныне, тоже часами, любуется на себя в зеркало. То так нарядится, то этак, а то, наоборот, разденется и себя по бокам, по талии оглаживает. Недавно освоила папильотки, завивается барашком.

Полина Афанасьевна наблюдала сии метаморфозы с нелегким сердцем. Не знала, что и думать. Казалось, вместе с прыщиками из внучки вышел весь ум. Но может быть, оно к лучшему? Счастливой дурой быть отрадней, чем злосчастной умницей. И потом, кто ж умнеет от любви?

Каждое утро барышня писала по длинному письму, отправляла за границу, в действующую армию — сердечному другу Митеньке. Столь же часто получала ответы толстыми конвертами. Целовала печать, убегала читать к себе, бабушке посланий не показывала.

Ларцев ушел с армией еще в конце двенадцатого года, не долечив руки, и добрался до самого Парижа. Втайне Катина надеялась, что молодой человек в разлуке забудет вымираловскую девицу, найдет какую-нибудь покрасивее и поближе. Но, видно, нет, не нашел. Уже три недели писем от него не было, но это потому что в последнем, из Гамбурга, Митя писал, что отпущен со службы и мчится в Россию. Должно быть, несется быстрее почты, со дня на день прибудет. И когда увидит Сашу в ее новом сиянии, уж точно не разлюбит.

Мысленно Полина Афанасьевна смирилась, что скоро внучка выйдет замуж. Два года назад Мите, пожалуй, родители не позволили бы брать такую незавидную невесту, однако теперь положение другое. Саша стала красавица, с изрядным приданым, Ларцевы же, наоборот, от пожара оскудели. Получится не мезальянс, а равный брак. Еще и по большой любви. Радоваться надо, говорила себе Катина — и старалась. Вспоминала себя юную, как сохла по Луцию, не надеясь на взаимность. Сашенька, слава богу, таких страданий не ведает.

Внучка сидела с рассеянной улыбкой, обмахивалась веером (воздух после знойного дня еще не остыл), мысли ее витали далеко — легко догадаться, где. Почетный гость, си-

девший рядом, посматривал на барышню почти с таким же умилением, как бабушка.

Дорогим гостем, которого нынче привечали в усадьбе Феникс, был Фома Фомич Женкин. Он отбыл из Вымиралова тогда же, когда Ларцев, но отправился не за армией, а на Балтику и поступил на корабль. Воевал с французами на морях, писем не писал. Тем больше было радости, когда вчера Платон Иванович приехал из Москвы с нежданным спутником. Женкин ныне сделался капитан-лейтенант российского флота. Следовал в Одессу, к новому месту службы. Перед Катиными он предстал нарядный: в парадном мундире, с треуголкой под мышкою, с золоченой шпагой на боку. Говорить по-английски отказывался — только по-русски.

Вчера допоздна рассказывал про всякие морские приключения, а сегодня в честь героя был устроен ужин. Пригласили отца Мирокля с супругой, так что за столом были только свои. Хорошо было. Приязненно и отрадно.

Фома Фомич стал говорить ответную речь, и все восхищались, до чего складно бывший англичанин изъясняется по-нашему. Конечно, чувствовалось, что некоторые тонкости языка от моряка ускользают, и выбор слов у него, скажем так, небезупречен. Например, описывая бой близ Гааги, за который Женкин удостоился ордена Святой Анны, бравый мореплаватель называл капитана корабля «наш старый пэрдун», а своих храбрых матросов «мои засранцы», и то были еще не самые сочные выражения. Слушательницы однако не морщились и увлекательного рассказа не прерывали. Нужно ведь было учитывать, в какой среде Фома Фомич изучал отечественную словесность.

Потом Женкин начал дарить привезенные из плаваний подарки, никого не обошел. Отец Мирокль получил перламутровое распятье — правда, католическое, но моряк в по-

добных нюансах не разбирался, ему все исповедания кроме родного англиканского были едины. Попадье достался чудесный черепаховый гребень. Ради такого случая Виринея спустила на плечи платок, явив всем свои прекрасные черные волосы, но тут же снова покрыла голову. Платон Иванович обрел серебряные часы на цепочке и, хоть теперь носил в кармане золотые, все равно умилился и прослезился. Своей любимице Александре путешественник привез набор хирургических инструментов — откуда ему было знать, что дева поглупела и больше обрадовалась бы черепаховому гребню. Медный ящичек открыла Виринея, стала с интересом перебирать ножички, хитрые крючки, пилки. Пока Фома Фомич доставал из вояжного сака следующий дар, произошел обмен: лекарский прибор перешел к попадье, гребень — к барышне, и та немедленно принялась рассматривать себя в зеркальце.

Напоследок оборотясь к хозяйке, британец — в руках у него был какой-то плоский ящик — стал благодарить ее за многие милости и «чертовскую доброту», в особенности поминая некогда подаренный двухствольный пистолет, который при блокаде Гамбурга, «в хреновой оказии», спас женкинскую «старую шкуру». Фома Фомич хотел рассказать про то свое приключение, но при слове «Гамбург» Сашенька отложила зеркальце и спросила, сколь долго добираться от этого города до Москвы и не следует ли тревожиться, ежели некто движется сим маршрутом уже три недели, а всё никак не прибудет.

— Должно быть, задержался в Петербурге, — сказала Полина Афанасьевна, злясь на дурочку, что та променяла научный подарок на безделицу. — Распускает хвост перед тамошними красавицами. Они, чай, без кавалеров соскучились.

Но Сашенька не омрачилась.

ГОСТЬ В ДОМ

— Мой Митя не из породы изменников, — уверенно молвила она.

И разговор повернул в другую сторону. Фома Фомич спросил, настигла ль расплата за измену вражеских пособников — подлого предателя Варраву и капитан-исправника Кляксина.

Оба ушли с французами, и про дьячка ничего известно не было — сгинул. А вот про Кляксина в уезде сказывали, что он вместе с многими неприятелями взят в плен на реке Березине, осужден и сослан за Урал. Полина Афанасьевна высказала предположение, что бывший исправник там не пропадет. «Средние люди» — они везде устроятся. По поводу же пономаря в поповской чете возник спор. Добрый отец Мирокль предположил, что Варрава, пройдя чрез тяжкие испытания, переродился и сейчас, может быть, стал совсем другим человеком. Матушка Виринея, напротив, высказала надежду, что «поганый стручок» сдох где-нибудь в придорожной канаве и его расклевали вороны.

Беседа, впрочем, была благодушной и длилась до лунного восхода, а потом вся компания отправилась прогуляться по прохладе.

Ночь выдалась пресветлая. Наверху сияла почти идеально круглая луна, так что фонарь за ненадобностью погасили.

Шли широким лугом, затем берегом Саввы вверх по течению. Река тихо журчала, мерцала серебряными чешуйками.

Что ж, умиротворенно размышляла Полина Афанасьевна, мне шестьдесят четыре года, поздняя осень жизни — хорошая пора. Урожай уже собран, зимние морозы еще не грянули, время отдыхать, любоваться золотою листвой, греть старые кости у камина. Приедет Митя, сыграем свадьбу. Пусть молодые живут в доме, а себе надо выстроить эрмитажец в глубине сада, не путаться под ногами, не ме-

шать их счастью. Не то съедут в Москву или того дальше, и сиди тут одна...

Впереди уже был слышен плеск воды у плотины, виднелась новая мельня, выстроенная вместо той, которую сожгли французы. Лихов с войны еще не вернулся, на мельнице управлялась Агафья — не хуже, чем при Кузьме, для того ей в помощь были выделены два работника. Горбунья исправно платила аренду, и сама в накладе не оставалась. Недавно построила склад, прикупила лошадей. Муж будет ею доволен.

Идти дальше плотины, на пруд, Катина не захотела. Сейчас было не время приближаться к могиле сына. Дойдя до высоких дубов, Полина Афанасьевна повернула обратно.

После выпитого вина в горле сушило. Она спустилась с берега, присела на корточки, зачерпнула ладонью искристой влаги — и ахнула.

В двух или трех шагах, на мелком месте, белело девичье лицо с печально сомкнутыми очами. Длинные волосы плавно шевелились, колеблемые течением. Видно было и тело, укрытое водой до половины. В нижней своей части оно изогнулось, как русалочий хвост, будто вовсе лишенное костей.

На вскрик подбежала Сашенька, тоже закричала.

— Туда смотри! — ткнула Катина на небесное светило. — Прошлой ночью было полнолуние!

И обе затрепетали.

Глава XXII

КРАСА ДО ВЕНЦА, А УМ ДО КОНЦА

Потом было еще много шума, метаний и ужасаний. Последние исходили только от мужчин — Платона Ивановича и отца Мирокля. Женщины, все три, сидели на корточках над вытащенной из реки покойницей, в шесть рук ощупывали скользкое тело.

— Девчонка совсем, лет пятнадцать, — говорила попадья. — Не наша.

— Бабушка, ноги все переломаны, как у тех, — сообщала Саша. — Но нужно оглядеть труп при свете, как следует. Проверить, совпадает ли фиксацион на кудрявые волосы и чистую кожу.

Полина Афанасьевна для верности еще осмотрела запястья. Ободраны, и следы веревки.

— Вернулся, ирод, — молвила она, поднимаясь. — Платон Иваныч, будет вам причитать. Ступайте на мельницу. Телега нужна. И мужиков Агафьиных зовите.

— Господи, что же теперь будет? — Сашенька дрожала, обхватив себя за плечи. — Неужто сызнова начнется?

— А то и будет, что ныне мы его, душегубца, уж добудем, — ответила Катина.

Она ощущала странное облегчение. Во-первых, от того, что покойница не своя, а чужая. Во-вторых, от того, что убийца где-то недалече и заплатит разом за всё. В-третьих, обрадовалась, что внучка опять поумнела. Воистину, не было бы счастья, так несчастье помогло.

Прибыли двое мельничных работников с телегой. Крестясь, погрузили тело, от пояса вниз текучее, как кисель. Медленно повезли.

В распахнутых воротах ждала Агафья. Была она не повсегдашнему и тем более не по-ночному нарядна: в городском платье, сапожках, оборчатом чепце. На озаренном луной лице — вот странно — сияла улыбка.

— Ты чему радуешься? — поразилась помещица. — Тут, вишь, беда какая.

— Кузьма Иванович вернулись, — тихо засмеялась горбунья. — Мне нынче любая беда нипочем.

— Кузьма вернулся?! — поразилась помещица. — Где же он? Почему не вышел?

— Не доехал еще, в Звенигороде он. Весточку прислал, собственной рукой писанную. Грамоте выучился! — похвасталась счастливая Агафья. — Его завтра уездные начальники чествовать будут за беспримерные военные геройства.

— Да, я слышала, что он явил себя в армии молодцом и многажды награжден. Очень за тебя рада. Но что же ты не поедешь быть с мужем в такой торжественный час?

— На что я ему там, горбатая? Позор один. — В голосе мельничихи не было ни малейшей горечи, одна лишь радость. — Мне довольно, что Кузьма Иванович завтра сюда пожалуют. Сызнова я при нем буду!

КРАСА ДО ВЕНЦА, А УМ ДО КОНЦА

Катину потянула за руку Сашенька, отвела в сторону, горячо зашептала:

— Выходит, я тогда права была! Это он, Лихов!

— В чем права?

— Он убивал! Его рук дело!

Полина Афанасьевна рассердилась:

— Что ты несешь? Совсем ум растеряла! Кузьма тут еще и не был. Сама ведь слышала.

— Далеко ль отсюда до Звенигорода?

И стала Катина внучку корить: как-де ты можешь говорить такое про Лихова после всего, что было. Вспомни, как он чуть жизнь не положил, взрывая французов, как ему твой Митя салютовал, как ты сама потом мокрого, продрогшего Кузьму обнимала.

Но Александра не устыдилась.

— Все время, пока мельника не было, никого у нас не убивали, а стоило ему вернуться — опять началось. Что вы, бабушка, на это скажете?

— А то и скажу... — Полина Афанасьевна задохнулась от негодования. Очень ее расстроило, что внучка такая бессердечная. — Почем ты знаешь, что не убивали? Мало ли после ухода французов находили по округе покойниц? Каждый божий день! Сколько народу со своих мест поднялось! Кто от разоренных сел в Москву потянулся, кто, наоборот, назад, домой! Ты вспомни, сколько было замерзших, потонувших, ограбленных? Никто не разбирался, не до того было. А и после, даже до сего времени, нищих-бродяжных ненамного меньше стало, и тоже мрут. Нескоро еще Россия оправится от лихолетья. Главное же, припомни: когда последнюю маниакову жертву из реки вынули? Которая сразу сгнила-то? Когда Лихова уже не было, он в ополчение ушел. То, что новая убиенная явилась, когда Кузьма с войны вернулся, это совпадение.

На последний довод Александре возразить было нечего. Она со вздохом кивнула, согласилась:

— С той жертвой это да. Я читала, в английском суде слово есть, alibi, по-латыни означает «в ином месте». Когда кого-то подозревают в преступлении, а у него всем очевидное alibi, англичане такого не судят.

— Тут и без англичан ясно, незачем по-латински мудрствовать! — все еще не досердилась Катина. Да вдруг как хлопнет себя по лбу. — Постой-ка... А может, никакое это и не совпадение! Что если оно нарочно подгадано?

— Как это?

— Маниак все это время был где-то близко. И откуда-то знает, что мы тогда думали плохое про Кузьму. Два года злодей таился. Возможно, никого не убивал. Вчера было полнолуние, и стало извергу невмоготу, а тут известие, что Лихов вернулся. Вот душегуб и решил себя потешить, в надежде, что мы с тобой на Кузьму подумаем.

У Саши расширились глаза.

— Но тогда... тогда это совсем близкий кто-то. Кто нас знает. И всё про нас ведает... Даже то, что мы обсуждали только промеж собой...

Видя, что внучка испугана, Катина решила про страшное, да ночью, да по соседству с мертвым телом, больше не говорить.

— Ладно. Утро вечера мудренее. Тогда и потолкуем. Эй, везите телегу в усадьбу!

Но утром, когда помещица встала и вышла к кофею, Александры дома не было. Прислуга сказала, что барышня едва свет принарядилась, уехала кататься верхом.

Удивившись, Катина спросила:

— Принарядилась?

— В узкое малиновое платье с хвостом, которое давеча из Москвы доставили, и еще шляпу надели с лентами, ро-

зовую, — сообщила горничная. — Я им говорю: «Жалко платье в седле-то трепать», а они мне: «Дура ты, Стешка. Оно для того и пошито, мазонка называется».

— Еще и амазонкой поехала? — пуще прежнего изумилась Полина Афанасьевна. Обычно Саша каталась верхом попросту, по-мужски.

В гости, значит, отправилась. Но почему с утра пораньше? К кому? И это после страшного ночного события!

Выходит, показалось вчера, что пробудилась прежняя быстроумная Александра. Один ветер в голове...

Труп помещица осматривала одна. Занятие и так было невеселое, а из-за Сашиного досадного вертопрашества вдвойне.

Никаких сомнений в том, что убийство точь-в-точь такое же, как позапрошлогодние, не осталось.

Кожа у покойницы была гладкая, белая, чистая. Высохшие волосы кудрявились. Кости внизу все переломаны, таз от ушиба синий. Про содранные запястья было ведомо еще вчера.

Никаких дополнительных следов или улик Полина Афанасьевна не нашла, но при свете дня лицо убитой показалось ей смутно знакомым, где-то когда-то виденным. И лапти были розоватой липовой коры — ею славилась роща, принадлежавшая графу Толстому. Не из его ли людей девка?

Послала за графским управляющим.

Тимофей Петрович приехал, опасливо взглянул на мертвую. Сначала поморщился от наготы, потом ахнул:

— Это же Наталка, дочка нашей птичницы! Ах, ужасы! Ах, беда! Мать ее, Таисья, вдова. У ней кроме Натальи никого! Вчера Таисья всюду бегала, дочку искала. Та ушла третьего дня вечером в лес и не вернулась. До чего была девка славная! Всё-то поет...

От сокрушений Тимофей Петрович перешел к испугу.

— Господи, неужто снова Лешак вызверился? Народ узнает — замутится.

А народ уже замутился, Катина это видела по собственной прислуге. Во дворе ни души, все забились по щелям. И в селе, конечно, тоже знают. Можно даже не гадать, какая сорока разнесла — Марфа Колченогова, она ночью во дворе из окошка выглядывала, телегу с покойницей видела, а об остальном догадалась. Вот ведь ушлая баба! Ее муж через французов помер — тот самый Ваньша Тележник, которого Виринея сонной травой успокоила. Только вдовела Марфа недолго. В первую же зиму окрутила пленного французского сержанта, взяла в мужья. Был он раньше Жером Вуатюрье, а стал Ерема Француз, потому что настоящую фамилию никто в деревне выговорить не умел. Совсем Марфа иностранного человека приручила. Он и в православную веру покрестился, и бороду запустил и даже в крепостные записался — жена заставила, чтоб от нее не сбежал. Катина поселила его при усадьбе — оказался на все руки мастер. Когда крестьяне увидели, что человек он хороший, перенарекли из Еремы Француза в Ерему Колченогого — чтоб не обижать (переломанная нога у сержанта срослась криво).

Делать нечего. Пришлось просить Платона Ивановича по старой памяти идти в село, успокаивать крестьян. Фому Фомича помещица спровадила в Москву, не до него было. Англичанин хотел задержаться, пока убийца не будет пойман, и обещал самолично его вздернуть на рее, но в сыске от моряка никакого проку не было. Полина Афанасьевна его расцеловала, посадила в бричку, дала в дорогу всяческой провизии и отправила.

Александра вернулась в середине дня, красивая, как картинка, в своей амазонке.

— Пока ты моционировала, я вызнала, что за девку убили, — стала рассказывать бабушка.

Внучка выслушала молча. Вид у нее был сосредоточенный, брови сдвинуты.

— Куда каталась-то? — спросила Катина.

— К Мураловым.

Полина Афанасьевна удивилась. С бывшими владельцами деревни, хоть те ныне стали соседи, особенного приятельства жительницы Феникса не водили.

— Пошто?

— Во-первых, у их домашнего врача есть медицинские книги. Мои ведь все сгорели...

— Зачем тебе медицинские книги?

— Я ночью не могла уснуть. Всё думала про Кузьму Лихова.

— Господи, опять она за свое! — всплеснула руками Катина. — Сама же согласилась, что у него... как бишь это латинское слово-то. Кузьма в ополчение ушел в августе, а неизвестную девку убили в следующее полнолуние, уже в сентябре.

— Вот над этим я голову и ломала. А на рассвете вдруг стукнуло: в сентябре ее нашли, а когда убили, того мы не знаем.

— Да не месяц же она в воде пролежала! — Бабушка смотрела на внучку с недоумением. — Сама знаешь, каковы давние утопленницы, а эта совсем свежая была.

— Однако недолго такой оставалась. В тот же день вся посерела. А еще вспомните, какая она холодная была.

— Мертвяки все холодные, из них с жизнью тепло уходит. Не пойму я, к чему ты ведешь.

— Слушайте, что я из атласа выписала. — Сашенька достала тетрадочку, в которой в прежние, умные времена вела ученые записи и которую давно забросила. — «У мертвого тела, подвергнутого замораживанию, после оттаивания ткани быстро загнивают, а кожа сразу же обретает серую окраску. Даже при несильной пальпации на плоти остается красное пятно». Я тогда еще подивилась: отчего это у покойницы от нажатия пальцев красные следы появляются. А это потому что труп старый был. Его где-то долго на холоде продержали, и потом в воду положили — в таком месте, чтоб люди быстро нашли. Ту девушку ведь даже не из

реки вынули, она прямо на берегу лежала, подле домов. Еще и то сообразите, что Кузьма льдом приторговывал, у него на мельнице был морозный погреб.

Полина Афанасьевна была так ошеломлена, что даже на снисходительное «сообразите» не обиделась.

— Но коли так, это значит...

— Это значит, что после ухода Кузьмы кто-то месяц продержал тело в леднике, а потом подкинул. И нетрудно догадаться кто.

— Агафья? — ахнула Катина. — Что ж она тогда, с ним заодно? Да как такое возможно! Разве лунные маниаки парой безумствуют?

— Навряд ли. Но у меня было время об этом подумать. — Сашенька хоть и спустилась с лошади, в дом не шла и поводьев не выпускала. — Для Агафьи муж — всё. Она только им и живет. Ни в чем его не попрекала, даже когда он бил ее смертным боем. Агафья то ли с самого начала знала, чем он утешается в полнолунье, то ли после открыла — и опять его не попрекнула, не осудила, а сделалась помощницей. Сумасшедшего можно любить только сумасшедшей любовью.

— Я гляжу, ты теперь и по любовным наукам профессор, — не удержалась от колкости бабушка. — И придумала складно, а все ж таки не верится мне. Вспомню Кузьму, каков он на войне был и хоть режь меня, не верю. А что если загадка по-другому как-нибудь раскрывается?

Александра согласно кивнула.

— Мне тоже было сомнительно. Однако есть и вторая причина, кроме медицинских книг, по которой я поехала к соседям. Семья мельников — единственная, которая выжила в чуму. Вы ведь купили их вместе с пустой деревней.

— Ну?

— Захотелось расспросить старика Левонтия Андреевича Муралова про Лиховых. Послушайте, что он мне рассказал...

— Пойдем в дом, там доскажешь. Отдай Федору лошадь.

Но Саша не тронулась с места.

— Погодите. Сначала выслушайте. У Лихова была сестра-двойняшка, Глафира. Они вместе выросли, никогда не разлучались. Левонтий Андреевич хорошо ее помнит. Говорит, Глафира была бойкая, смелая, во всех играх заводила, командовала братом...

— Да, она померла, Лихов мне сказывал, — припомнила Полина Афанасьевна. — И что?

— Не померла! Убилась! Полезли они вдвоем на дерево, на тот старый дуб, что подле плотины, и Глафира сорвалась! — Глаза у внучки блестели, слова не поспевали одно за другим. — Ясным лунным вечером было! Родители снизу всё видели и после барину рассказали! Как Кузьма держал сестру за руку, сколько мог, а потом выпустил! И она упала! Молча! Даже не крикнула! Собою Глафира была кудрява, тонка, дивно белокожа! Пятнадцати лет возраста! Во всем схожа с нашими убиенными девами! Вот откуда фиксацион! Лихова это страшное воспоминание всю жизнь мучило и в конце концов ополоумело! Он вздымает вверх девушек, похожих на Глафиру, а после сбрасывает вниз! Рот затыкает кляпом, чтобы молчали — потому что она тоже молчала! Едемте же, едем!

— Куда? — пролепетала совершенно потрясенная Полина Афанасьевна.

— К дубу! Проверить нужно! Ежели я всё верно угадала, там должны быть следы. И коли найдутся, будем говорить с Агафьей, пока Кузьма не воротился.

Ничего больше не говоря, не задавая новых вопросов, Катина махнула конюху, чтоб выводил кобылу.

— Не седлай, уздечку только надень! — крикнула она и поспешила в дом сменить домашние туфли да взять необходимое.

Скоро бабушка с внучкой гнали размашистой рысью по лугу. Одна сидела по-мужицки, охлюпкой, другая по-дамски, элегантно.

Через несколько минут они были уже на берегу пруда, под высокими деревьями. Время шло к вечеру, вода розовела и золотилась, но до сумерек было еще далеко.

— Наверх залезу, — сказала Сашенька, встав под высочайшим из дубов и задрав голову. — Вон та большая ветвь, верно, и есть она самая. Расстегните пуговки на спине!

Она сняла узкое платье, туфли, стянула шелковые чулки, чтобы не попортить дорогую вещь, осталась в нижней рубашке и панталонах. Отроковицей Сашенька запросто карабкалась на дерева и этой науки не забыла, ловкости в ней не убавилось. А выходит, что и ума, подумала Полина Афанасьевна, глядя снизу на проворную, будто ящерка, деву. Не зря говорят: краса до венца, а ум до конца.

Сама Катина стала осматривать землю под большой веткой.

А трава-то примята, будто упало что-то тяжелое! Пала на колени, потрогала почву. На ней бурые пятна. Засохшая кровь! Сюда графская Наталка и упала...

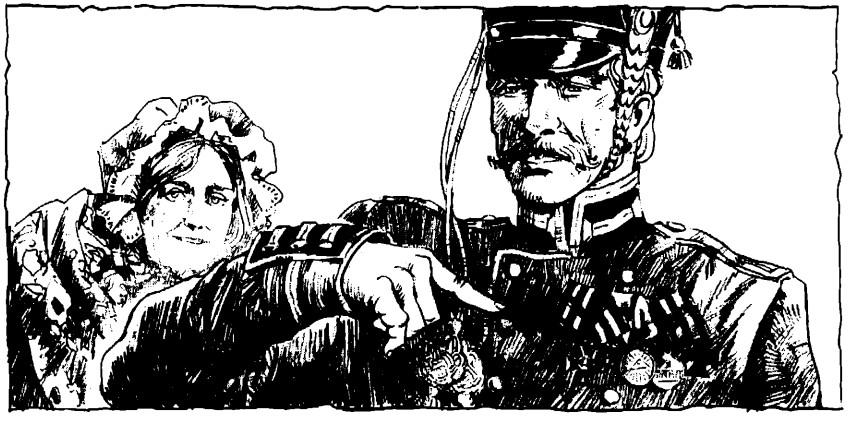
— Бабушка! Тут следы на коре! — крикнула с ветки Саша. — От веревки! Много следов! Есть старые, а один совсем новый! Это, значит, он притаскивает под дуб связанную жертву, кладет наземь, сам влезает, перекидывает веревку, потом спускается и подтягивает! Идемте скорей к Агафье!

Полина Афанасьевна поднялась. У ней захватило дух от того, как высоко забралась внучка.

— Довольно! Слезай! Да не торопись, осторожно! Вниз трудней, чем вверх!

Боясь, чтоб Сашенька от нетерпения не сорвалась, Катина напряженно смотрела вверх.

Оттого и не слыхала, как те подошли.



Глава XXIII

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Только раздался вдруг сзади голос, спокойный, насмешливый:

— Твоя правда, Агаша.

Помещица обернулась — и замерла.

В десяти шагах, на тропинке, что вела от мельницы, стояли Лиховы, муж и жена. Агафья в новом шелковом платье, с цветной шалью на плечах, Кузьма — вовсе селезнем: мундир с золотым галуном на вороте, кивер с черно-белым султаном, на груди медали-кресты. Борода исчезла, усы молодецки подкручены — не сразу и узнаешь.

— Уж и пуговку свою забрал. И девку ты на леднике месяц продержала, а всё одно: донюхалась, докопалась старая, — продолжал Лихов как ни в чем не бывало.

Первое, что сделала Катина — крикнула внучке:

— Не слезай!

Та, успевшая спуститься до нижней ветки дуба, застыла.

— Ох, хороша стала барышня, — улыбнулся Лихов, разглядывая Сашу. — Белокожа, кудрява. Как я люблю. Кабы я давеча не разговелся, прямо слюнки бы потекли.

Даже не отпирается, не таится, подумала помещица, холодея. Никогда прежде не видела она мельника таким. Будто обманчиво медлительный кот, который загнал мышонка в угол, но закогтить добычу не спешит — куда ей деться?

— Здравствуй, Кузьма Иванович, — сказала она вслух, будто не поняв смысла его слов. — Экий ты бравый кавалер. Агафья сказывала, что ты вернулся.

Лихов похлопал себя ладонью по наградам.

— Да, ныне я гвардии подпрапорщик. Чествован в городе звенигородским начальством и дворянством. А скоро будет царский указ о награждении наиотличных воинов. Тогда сам выйду в дворяне, офицерский еполет получу. А что ж — чай не хуже других. Читать-писать я выучился, барское обхождение знаю. Сулятся к тому же имением одарить, так что тоже помещик буду. Государь меня знает. Вот энтот крест, за геройское ночное дело, сам мне на грудь прицепил, в уста лобызал. — Кузьма подмигнул, оскалился. — Бой как раз на полнолуние пришелся, и такой на меня раж нашел: десять французов штыком поколол, знамя взял. — Продолжил мечтательно: — Эх, кабы мне всякий раз за такое кресты давали да цари лобызали, я бы и девок не подвешивал...

Не получится прикинуться, поняла Катина. Лихов не дурак, его не проведешь. И внутренне приготовилась к наихудшему.

А военный герой всё с тем же добродушным видом повернулся к супруге:

— Веришь ли, Агаш, за поход до города Парижа ни разу меня не прихватило. Было на ком отъяриться, без девок. Это уж на обратной дороге, когда через Германию маршировали и скучно стало, дал я себе отдышку с немками. Долго мы по

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Неметчине шли, три луны. — Рассмеялся. — Тремя девками попользовался. Одну с моста подвесил, другую с колокольни ихней, «кирха» называется, для третьей сосну приспособил. И что я тебе скажу. Вроде и белокожи, и кудреваты, а хуже наших. Не так их жалко. Веришь ли, скидывал вниз — не заплакал ни разу. Не утешилось сердце, как следовало. Зато над этой, третьеводнишней, что мне в лесу встретилась, изрыдался весь. И хорошо мне теперь, благостно.

Страшней всего был не рассказ маниака, а то, как сочувственно слушала его жена. И вздыхала, и головой качала, и радовалась мужнину облегчению.

— Агафья, он-то ладно, он изверг! — не выдержала Катина. — Но ты, ты! Ведь в бога веруешь, с утра до вечера молишься, по святым обителям ходишь!

— Не изверг он! — сердито закричала на барыню мельничиха. — В него, болезного, бес вселяется, мучает! Иначе как через полнолунную страсть того беса не выгонишь! Зато после Кузьма Иваныч так-то ласков, так-то светел! А грехи его я на себя заберу. О том Матушку-Богородицу вседневно и молю. Бог — Он не простит, а Она любовь понимает, Она заступится.

Горбунья прильнула к мужу.

— Далёко летал, сокол мой, да слава Господу вернулся. Живой, целый!

— Был живой-целый, — сказала тогда Полина Афанасьевна, решив, что услышала достаточно. — Саша, глаза закрой!

Сбоку из платья, где карман, она вынула малый пистолетец, прихваченный из дому. Пальнула злодею прямо в сердце. Вроде и движение было быстрое, и рука тверда, а все же чуть-чуть припоздилась. Не надо было внучке кричать — не кисейная, в обморок бы не бухнулась.

Кузьма-то не догадал, с места не тронулся, но Агафья кинулась вперед, растопырив руки — как птица крылья,

когда защищает птенца. Приняла пулю грудью, и без крика, без стона повалилась.

Опомнившийся Лихов перепрыгнул через тело, вырвал у помещицы пистолет, другою ручищей схватил ниже подбородка, прижал к дубу.

Полина Афанасьевна много прожила на свете и думала про себя, что смертного страха не ведает. Но в этот миг ощутила морозный ужас. Не от того, что могучие пальцы вот-вот раздавят горло, а от близости усатого лица. От того, что не было в нем ни ярости, ни злости, одно лишь веселье. Вот что было страшно.

— Ах, спасибочко-то, — тихо засмеялся нелюдь. — А я ехал домой, мучился — как бы мне от моей горбатой избавиться. Придушить во сне подухой легко, но ведь жалко ее, уродку. Всё для меня делала. Однако на кой мне такая супруга в будущей барской жизни? Герою, которого сам царь жалует, можно и получше жену сыскать. Кабы не твоя милость, прикончил бы я, конечно, мою Агафьюшку, а после казнил бы себя — как из-за Фирки. — Он тряхнул головой. — Да только хватит мне себя терзать. Будет! Пора себя помиловать.

— А за что ты себя терзал? — просипела Катина, едва дыша.

Лиховское лицо посуровело.

— За то, что слаб был. Разжал пальцы. Напугался, что не сдюжу и вместе с сестрой вниз сорвусь. Глядел, как она падала. Всё на меня смотрела. И ни звука... А после над нею, ломаной-переломанной, слезы лил, еле отец-мать меня оттащили. Поклялся я тогда, что всю жизнь буду себя за трусость и паскудство муками мучить. В наказание на горбатой женился, с рассвета до ночи работой себя изводил. И каждую ночь, каждую, во всю мою жизнь, снилось мне, как Фирка падает и молчит. Смотрит снизу — и молчит...

Он передернулся, и на устах снова появилась улыбка.

— А только поменялось что-то. Может, вышла мне послабка — оттуда или оттуда, — он показал сначала вверх, потом вниз, — с небес ли, из преисподни ли, не ведаю. Поп наш полковой, когда я отпуск брал, сказал: «Героям все грехи прощаются. Такие как ты, сыне, отечеству надобны. От вас народу поучение и пример».

Улыбка растянулась шире, в ухмылку, голос сделался насмешлив.

— Кто и герой, ежели не я? А коли от меня народу поучение и пример, льзя ль мне дур-девок подвешивать, а после вниз кидать? Не геройское это дело. И решил я твердо-натвердо: последний раз себя потешу, и хватит. Наградит меня царь поместьем с крестьянами. Ежели прихватит меня на полнолуние — возьму какую-нито девку кудрявую, придумаю ей провинность и зачну сечь. Подвешу, в рот кляп засуну, чтоб молчала. Попробую удержаться, не до смерти запороть. А хоть и запорю — кто ж герою Отечественной войны это в вину поставит? Героям всё можно. Я и вас двоих порешу не потому, что вы на меня в суд-полицию донесете, — сказал он как о чем-то маловажном. — Вини меня перед кем хошь в чем хошь, ничего мне не будет. Сами концы в воду спрячут, чтоб великого звенигородского героя не зачернить. А верней всего, и слушать тебя, старую ненужницу, не захотят.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

— Зачем же тебе нас убивать, если ты не страшишься? Что я жену твою застрелила — ты вроде сам тому рад. А если все же хочешь отомстить, убей меня одну. Внучка тебе ничего не сделала. Ее, юную девицу, в суде уж точно слушать не станут. Что же ей из-за меня погибать?

Страшно Полине Афанасьевне уже не было. Только противно. Очень уж погано безумец дышал ей в лицо чесноком и табачищем.

— Не-ет, — Кузьма поднял голову вверх, на Сашеньку, и сглотнул. — Я не барышню из-за тебя убью, а тебя из-за барышни. Больно хороша она стала. Оскоромлюсь еще разочек, уж совсем напоследок. Сделаю себе такой подарок. Тебя, стерву старую, прямо сейчас кончу, а ее подержу в погребе месяцок, до следующей луны. Посидишь, поскучаешь, кудрявая? — крикнул он. — Буду тебя сладко кормить-поить. Хошь, книжек из города привезу.

Александра стала карабкаться выше.

— Полазай, полазай! — хохотнул Лихов. — Никуда не денешься. Я, милая, по моему дубу сызмальства шастаю, быстрее белки. Ну побудь там покудова, незачем тебе плохое видеть.

Придвинулся к Полине Афанасьевне.

— Все, старая, прощаюся с тобой. Барыня ты была хорошая. Справедливая, башковитая. Зря только пистолет свой двухствольный тогда англичанину подарила. То-то вторая пуля тебе сейчас пригодилась бы.

— А он отдарился, Фома Фомич, — ответила Катина. — Хорошего двухствольного не нашел, но привез из Швеции пару карманных, одноствольных. Преподнес с пословицей: долг-де платежом красен.

И прямо через карман платья, левою рукой, выстрелила извергу под вздох. Вышло негромко, потому что в упор.

Глядя Лихову прямо в выпучившиеся глаза, помещица со всей мочи пихнула его в грудь. Он плюхнулся на задни-

цу, зажимая руками рану. Рот разинул, но ни слова сказать не мог — перешибло дух.

— Прав ты, — сказала Полина Афанасьевна, глядя сверху. — Героя никто судить не захочет, они державе для примера нужны. Но про героя вот что понимать следует. Он много полезней не живой, а мертвый. Герои навроде тебя, они только на войне хороши. А для мира и для міра вы такие не надобны. От вашего бесонеистовства одно зло. Как и отчего ты помер, кроме начальства, никто не узнает. Похоронят тебя с почестью и будут потом в книжках писать, какой геройский герой был Кузьма Лихов.

Она постояла еще минуту-другую, подождала. Умирающий завалился, немного похрипел, подергался. Наконец затих.

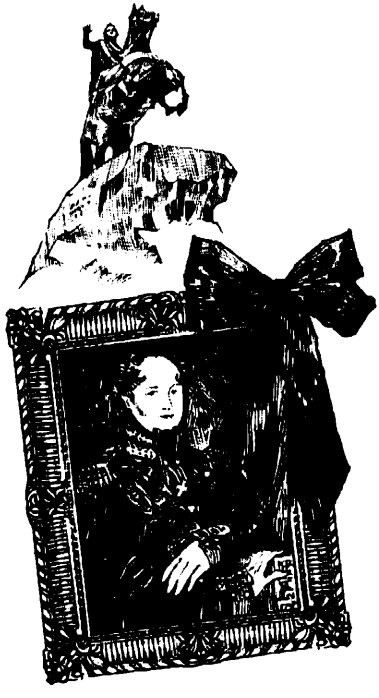
Тогда Полина Афанасьевна крикнула внучке, добравшейся уже почти до самой верхушки дуба:

— Саша, остановись! Успеешь еще на небо! Спускайся на землю!

Тем история вымираловского селенового маниака и закончилась, а жизнь продолжилась дальше.

Эпилог

December



Глава XXIV

ЛЮБОВЬ К КРОКОДИЛАМ

— Devilishly strange, isn't it, — вполголоса сказал муж. — Why on Earth does it have to take so long?*

Супруги между собой изъяснялись то по-русски, то по-английски, то по-французски, иногда перескакивая с одного языка на другой и сами того не замечая.

— Ммм? — рассеянно переспросила Александра. Мысли ее были далеко. Опять волновалась о бабушке. Четыре с лишком месяца — долгий срок.

В конце октября из Вымиралова пришло письмо, обычное по своей краткости, но необычное по известию:

«Друг мой Сашенька,

Сколь веревочке ни виться, а конца не избежать. Сама же я, старая дура, и виновата, в семьдесят пять лет гонять

* Чертовски странно. Почему это должно длиться столько времени? (*англ.*)

верхами по скользкой дороге. Оступилась моя Земфирка, тоже старушка, на косогоре близ паромной переправы, упала, переломила себе хребет, а мне кость в верху бедра. Доктора говорят, не заживет и сделать ничего нельзя. Теперь до гроба только лежать в креслах, в окно глядеть.

Я этак жить не буду. Скушно. Виринея дала мне одну хорошую травку. От нее заснешь и не проснешься. В космическом эфире Луций меня уж заждался. Никто ничего не подумает — померла старая, и померла.

Но очень мне желательно перед тем повидаться с тобою. Не от старческой сантиментальности (хоть и очень хочется взглянуть на тебя еще разок), а по насущной необходимости. Оставляю я тебе большущее хозяйство, в котором без меня ты не разберешься. Кабы жив был Платон Иванович, другое дело, да я тебе писала, его в прошлый год Бог забрал.

Отпиши мне, Сашенька, сделай милость, приедешь ты иль нет. Ежели да, то потерплю, дождусь тебя. А не сможешь — так нечего мне зря и маяться. Составлю тебе подробную меморию по делам, только на бумаге всего не растолкуешь. Тут недели две рассказывать надо, и то мало будет».

И всё. Ни «прощай», ни «целую», ни «храни тебя Господь», ни даже подписи. Бабушка всегда этак писала, не любила пустословия.

Отвечать Александра не стала, а в тот же день спешно собралась ехать в Старый Свет. Не наследство принимать, а спасать дорогое существо. Из описания было ясно, что с Полиной Афанасьевной приключилась обычная для стариков беда — при падении переломилась femoris collum, шейка бедра, которая в преклонном возрасте не срастется. Однако есть метод, разработанный самой Александрой и с успехом опробованный на пожилой арендаторше Салли Франклин-Вашингтон.

Собственно операция нисколько не сложна и теоретически описана еще в старых медицинских трактатах. Надо рас-

сечь плоть, обнажить пораженную кость, укрепить место разлома двумя серебряными спицами либо одной серебряной пластиной, потом зашить, и вся хитрость. Однако на практике никто до Александры сию не столь сложную манипуляцию не осуществлял, поскольку на нее потребно около часа времени, и никакой больной такой долгой муки не выдержит. Всё новшество заключалось в том, что изобретательная операторша придумала использовать зелье «эрбнуар», которым колдуны негритянской религии вуду возвращают себя из экстатического состояния в обыкновенное. Часа два валяются совершенно бесчувственные — хоть пинай их, хоть ножом режь, а потом вскакивают свежие, как огурчики. Старушка Салли под скальпелем лежала смирно, не пикнула, и всё получилось отменно. Потом Александра отправила подробный отчет в бостонский «Монитор Христианской Медицины», но, конечно, не напечатали. Потому что метод не вполне христианский и потому что женщин-хирургов на свете быть не должно. Ну и ладно, не в первый раз.

Если говорить всю правду, усыпление оперируемого посредством «эрбнуара» было не вполне безопасно. В прошлом году один пациент на простейшем вырезании аппендикса уснул и не проснулся. Но у человека была грудная жаба, а бабушка на сердце никогда в жизни не жаловалась. И уж в любом случае, лучше попробовать с негритянским зельем, чем с зельем матушки Виринеи, от которого точно не пробудишься.

Маршрут длинного путешествия состоял из трех этапов. Сначала супруги Ларцевы две недели плыли хлопковым клипером от Нового Орлеана до Нового Йорка, потом почтовым пакетботом пять недель до Лондона и еще десять дней пароходом до Санкт-Петербурга, через Северное море и Балтику. Наконец серым утром, на исходе декабря высадились на берегу Невы, у портовой таможни. А бабушкино письмо отправилось из Вымиралова еще в августе. Оттого Александра и волновалась.

— ...Отчего у них всё так докучно и досадно для обывателей? — повторил муж вопрос по-русски, благо медлительный чиновник опять ушел куда-то с паспортами.

— У кого «у них»?

— У русских! — сердито воскликнул Дмитрий. Прожив десять лет в Северо-Американских Штатах, он почитал себя американцем и о прежнем отечестве всегда отзывался немилосердно. На географическом и временно́м отдалении родина воображалась ему варварской сатрапией. Ехать в Россию эмигрант очень не хотел и всю дорогу ламентировал, пугая не столько жену, сколько самого себя опасениями: мол въехать-то въедем, да выпустят ли обратно? Надоел ужасно. Кто тебя просил со мною тащиться, сердито говорила Александра, но это для обидности. Супруги были совершенно неразлучны: куда она, туда и он (именно в такой секвенции).

— Я ошибался! — раздраженно шептал Дмитрий. — Сюда и въехать — мука! Второй час багаж смотрят!

Таможенная процедура в самом деле была нудная. Каждый сундук и каждую коробку запечатали и унесли, а перед тем еще велели отдельно выложить книги, и их обмотали шнурами, навесили свинцовые пломбы с двухглавым орлом, будто заковали в кандалы опасных преступников.

Вернулся таможенный. Рожа хмурая, слова еле цедит.

— Коли вы, сударь, русский дворянин, должны иметь какой-нибудь чин, а у вас тут ничего не прописано. Служить изволили?

Ларцев ответил.

— Ну так и надо было вот здесь написать «кавалерии поручик в отставке», а у вас прочерк. Теперь сызнова всё переписывайте!

Чиновник кинул бумаги на стойку. Дмитрий вспыхнул. Он редко выходил из себя, но если уж взорвется, потом не уймешь.

ЛЮБОВЬ К КРОКОДИЛАМ

— Поди-ка, принеси шаль, я замерзла, — сказала ему Александра.

И когда сердито пыхтящий супруг удалился, поспособствовала успешному завершению пограничной процедуры посредством золотого барашка. Даже и книги вернули, хотя вначале грозились, что цензура их продержит не менее двух суток. А кроме того чиновник еще научил, где и как выправить подорожную до Москвы: дал адресок, имя и пароль («от Семена Парфеновича»).

— Повесили бы на видном месте, под портретом своего царя, вывеску, что пересечение границы — услуга платная, и всем было бы легче, — ворчал потом Ларцев. — А то пыжатся, чванятся, грубят, а самим бы только карман набить...

Портрет царя в таможне был повязан траурной лентой. Приплыв в Лондон, супруги узнали, что русский император скончался, и Александра даже поплакала, потому что в детстве своего августейшего тезку очень любила. И вообще: сколько себя помнила, столько он и царствовал. Должно быть, портретов нового государя для казенных присутствий еще не понаделали, потому на таможне пока и висел покойник.

Муж, нежелатель добра отечеству, каркал:

— Будет еще хуже. Я Константина, мопса безносого, по армии помню. Хам и дурак.

Он и по дороге в гостиницу, глядя на вполне пристойные каменные дома, всё находил, к чему придраться. И прохожие-де хмуры, и одеты плохо, хоть вроде праздничный день — 25 декабря, рождество.

— Совсем ты обамериканился, — сказала ему Александра. — Россия же отстает на 12 дней, тут пока только тринадцатое.

Но супруг и тут нашел, к чему прицепиться.

— Не на двенадцать дней она отстает, а на двенадцать десятилетий! Там, — он показал в западную сторону, — вос-

сияло Просвещение, отгремели революции, пришли свободы, свершились индустриальные перевороты! А тут всё то же извечное болото!

Жена и слушать перестала. Она об отвлеченных материях не думала. Прикидывала, как побыстрее устроить дальнейшую дорогу.

Нынче же добыть удобный возок — это непременно. Потом зайти в полицейскую часть по указанному адресу, заплатить там за скорость «красненькую». Завтра с утра купить провизии в дорогу. И обязательно меховую полость, укутываться. Хорошо бы во второй половине дня уже и отправиться. По тракту до Москвы всего три дня санного ходу — если не скупиться на станциях. А от Москвы до Вымиралова уже рукой подать. Не было бы только в дороге снежной бури.

В городе-то снегу лежало немного. Копыта извозчичьей лошаденки постукивали немерно — то тихо, по грязно-белому, то звонко, по грязно-серому, полозья противно скрипели по булыжникам.

Ехали на Михайловскую, в «Hotel de Russie», который, по уверению приобретенного в Лондоне путеводителя, являлся самой приличной из петербургских гостиниц.

Должно быть, другие были совсем неприличны, потому что трехкомнатным нумером Александра осталась решительно недовольна. Мебель золоченая, но неудобная: кресла жестки, дверцы в шкафах скрипучи, из окон сквозняк. Особенно нехороша путешественнице показалась постель. Понюхав белье и уловив клопиный запах, миссис Ларцева велела прислуге эту дрянь немедленно убрать. Присыпала матрац гигиеническим порошком, достала из багажа собственные простыни, отменно гладкие и полезные для кожи. Путешествовали Ларцевы без прислуги. Александра придерживалась убеждения, что всякий человек, ежели он не инвалид, должен обслуживать себя сам.

ЛЮБОВЬ К КРОКОДИЛАМ

Пока она устраивала краткосрочное обиталище, муж отправил записки двум старинным армейским приятелям, с которыми в Америке не прекращал корреспонденции.

— Я тоже хочу выбирать экипаж! — воскликнул он, когда жена засобиралась на Каретный Двор, но был отвергнут.

— Знаю я, как с тобой покупать. Ты соглашаешься на первую же цену. Нет уж. Сиди тут. Иначе придет кто-нибудь из твоих знакомцев, а тебя нету. И сначала мне еще идти за дорожным документом. Ты хочешь со мной в полицию?

— Нет, — ответил муж и остался.

Обмен «красненькой» на подорожную свершился быстро, зато на торге Александра пробыла долгонько. Осмотрела все крытые сани, пощупала крепежи, проверила упряжь, на нескольких санях велела себя покатать. Выбрала возок неказистый, но легкий, изнутри для тепла обитый медвежьим мехом. С часок порядилась за цену и сбила ее на треть — этому искусству в свое время научилась у бабушки.

Нисколько не утомленная, а наоборот, очень довольная, вернулась в гостиницу уже далеко в сумерках. Зимний день в северном городе был куцый.

У мужа был гость. Один из его армейских сослуживцев, Мишель Бобрищев, оказался дома и незамедлительно явился обнять друга. Когда вошла Александра, объятья еще продолжались, перемежаемые возгласами, смехом, а с Дмитриевой стороны даже слезами — Ларцев был чувствителен.

Бобрищев называл его «Деметрусом», Митя именовал старого товарища собачьей кличкой «Бобик». Возможно, в юности она была и кстати, но применительно к уверенному майору в косых бачках и изрядных усах звучала странно. Бобрищев был остроглаз, речист и, кажется, очень неглуп, однако Александра сразу прониклась к нему несимпатией.

Много позже она поймет, что это было предостережение чуткого сердца, но в тот момент у неприязни имелась вполне немистическая причина. Александа протянула новому знакомому руку для пожатия, а он склонился, щекотнул запястье губами и фальшивым галантным голосом, будто идиотке, програссировал:

— Je suis totalement r-r-ravi, madame...*

И потом тоже всякий раз, когда разговор поворачивал на что-нибудь серьезное, извинялся перед дамой за «скучную тему» и переключался на пустяки. Одним словом, чистейший образчик досадного подвида masculinus vulgaris.

* Я соверрршенно обворррожен, мадам... (*фр.*)

ЛЮБОВЬ К КРОКОДИЛАМ

Из-за этого беседа двигалась как бы скачка́ми.

Мужчины заспорили, какое крепостничество хуже, русское или американское. Мишель утверждал, что отечественное гаже, ибо торгуют себе подобными, такими же белыми человеками, можно сказать братьями и сестрами. Митя явил себя в необычной роли — бранил Америку: в России хоть запрещено семьи поврозь продавать, а у плантаторов это запросто.

Здесь Александра, не вытерпев, сделала гостю реприманд: при торговле людьми цвет кожи, волос иль глаз не имеет никакой важности, всё это одинаковая мерзость. Чертов майор сразу согласился, всем своим видом выказывая, что с дамами спорить нечего. Ваша правда, сказал, прекраснейшая Александра Ростиславовна, не серчайте, коли прогневал.

Спросил шутливо:

— Ежели вы такие якобинцы, что же ты, Деметрус, писал, будто у вас хлопковое имение? Сам что ли на полях трудишься?

— Плантацию мы, разумеется, купили с рабами, в Луизиане по-иному не бывает, — стал рассказывать Ларцев. — Триста душ. У них считают вместе с бабами, так что по-вашему вышло бы сто пятьдесят. Конечно, всем сразу выписали вольную, нарезали землю, отдали отпущенникам в аренду. Берем в уплату четверть урожая, остальной выкупаем. Продают они нам охотно, поскольку у своих мы берем хлопок с надбавкой. Забот немного, только перепродать весь товар оптом на фабрику. Занимается этим Сашенька, средь многих ее талантов есть и негоциантский.

— Какое необычное увлечение для молодой и прекрасной женщины! — воскликнул Бобрищев. Александра покривилась, но он не заметил.

— О, это еще пустяки, — продолжил Дмитрий. — Собирать-продавать хлопок приходится раз в год. У Сашеньки

есть дело поважнее. Она лéкарствует, пользует больных по всей округе. Получается лучше, чем у настоящих докторов. Да беднякам и все равно, есть у нее диплом или нет. Мы ведь десять лет назад отправились в Новый Свет, надеясь на тамошнее передовое образование, но увы, Бобик, даже в Америке женщине стать медиком невозможно.

— Ай-ай-ай, — неискренне покачал головой Бобик.

— Сашенька оперирует, принимает трудные роды, спасает покалеченных, — всё хвастался Митя. — Негритянцы зовут ее Каплата-мэм, это по-ихнему «Госпожа Колдунья». И средь пациентов становится всё больше белых. Сначала соседи шептались, не одобряли, а ныне сами просят.

— Ну, это, я полагаю, из-за того, что я не беру платы, — скромно молвила Александра, которой нравилось направление разговора.

Мишель сказал:

— Похвальнейший дивертисмент в сельском уединении. Восхищаюсь вами, мадам. Это отраднее и интереснее, чем вышивать или писать акварельки. А чем красишь свой досуг ты, Деметрус?

Разозленная «дивертисментом» Александра едко ответила за мужа:

— Дмитрий разводит крокодилов.

— Comment?* — поразился гость.

— Он объявил, что построит бизнес прибыльнее моего хлопка.

— Что построит?

Она затруднилась объяснить.

— В России такого слова нет. «Бизнес» — это как денежное предприятие или промышленная затея, но только без разрешения начальства. Дмитрий придумал устроить кро-

* Что? (*фр.*)

кодилью ферму, чтобы продавать кожу рептилий в Новый Йорк. Она там в большой цене.

— Превосходная идея. Браво, Деметрус! У нас тоже модники с модницами платят за крокодильи ремни и сумочки неслыханные деньги.

Бедный Ларцев засопел, его жена язвительно улыбалась.

— Идея-то превосходная, да пошла вкривь.

— Что, не разводятся крокодилы?

— Еще как разводятся. Плодятся, будто кролики. Кишмя кишат. Пришлось вырыть второй пруд. Но чтоб взять с кого-то шкуру, нужно ведь сначала его убить, а Дмитрий этого не может. Говорит, что знает каждого крокодильчика с младенства, многих даже по именам. Когда он подходит к воде, твари к нему отовсюду сползаются, ластятся. А что ж им его не любить на спокойном сытом житье? По шесть коров в день сжирают. Уж не знаю, что далее будет, когда они пуще размножатся.

— Мы ведь говорили об этом! — стал защищаться Митя. — Вернемся, всех их на волю выпущу, как рабов выпустили...

— То-то местные обрадуются. Нет уж, я по-другому придумала. Придется мне самцов холостить. Вот ведь докука. Так-то оно просто, чик и — готово. — Александра показала жестом, как это делается — майор поежился. — Но вообразите, каково удержать без движенья саженного ящера. Ему, чай, такая операция не понравится.

Александра вышла в прихожую еще раз дернуть шнур — нерасторопная гостиничная прислуга всё не подавала кофей, а когда вернулась, мужчины вели беседу на вечную русскую тему — как поправить кривды многострадального отечества.

Хозяйка задержалась в дверях, чтобы Бобрищев, завидя ее, снова не принялся болтать пустое.

Наедине с другом Мишель говорил по-другому — увлеченно и серьезно.

— ...Послушай меня, Деметрус. Ты ужасно отстал от нашей жизни со своими допотопными сетованиями о русской косности. За годы, что тебя не было, у нас тут решительно всё переменилось. Общество не то, что прежде. Есть люди, много людей, которые не намерены бездеятельно наблюдать, как эти (палец майора показал на потолок) тащат Россию обратно в восемнадцатое столетие. Тебе бы послушать наши обсужденья! Мы знаем, что надобно сделать, дабы наша держава стала великой не только размером, но и довольством своего народа!

— Известно что́, — перебил Ларцев. — Я тебе о том неоднократно писывал. Чтобы страна, раскинутая на тысячи верст, жила здоровой жизнью, а не дожидалась на каждую свою нужду решения из Петербурга, нет иного способа, как переделать ее в Соединенные Штаты России. Пускай каждая область живет своим умом. Местным жителям виднее, в чем их польза. А столица пускай ведает защитой от неприятелей и иностранными делами, как в Америке.

— Так оно и записано в нашей «Конституции»! — вскричал Бобрищев. — Ее составил капитан Генерального штаба Никита Муравьев. Ах, какой это ум! Россия превратится в федерацию из тринадцати держав — по-вашему «штатов» — и двух особых областей, Московской и Донской. Император становится хранителем верховной власти, символом государственного единства, не более. Сама же власть делится на исполнительную, судебную и законодательную. Последнюю являет Народное Вече, куда народ избирает депутатов. Все граждане равны, крепостничество упраздняется. У нас там сказано: «Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным».

— Превосходные слова! — в волнении вскочил Дмитрий. — Ах, как это всё прекрасно! Какие вы молодцы!

ЛЮБОВЬ К КРОКОДИЛАМ

И как я жалею, что я покинул Россию, что я в ней разуверился!

— Но ведь ты вернулся, яко Лазарь с того света, — хлопнул приятеля по локтю майор. — И ты даже не представляешь, в сколь судьбоносный миг. Послушай, я ведь к тебе заглянул по дороге в некое место. Мне уже следовало там быть, мы сговорились, но я не мог не повидать старого друга. Пойдем со мной! Наши там будут всю ночь, до самого утра.

Здесь он заметил стоявшую на пороге Александру, осекся. Лицо снова сделалось приторно-фальшивым.

— Я зову вашего супруга на дружескую мужскую вечеринку. По старой памяти. Многие его помнят и будут рады повидать. Бог весть, доведется ль еще свидеться. Право, Деметрус, идем! Добеседуем по дороге, не будем утомлять твою супругу скучными материями.

Александра действительно не была любительницей разглагольствований об общественном благе, почитала их верхоглядством. Потому что глядят сверху, с облаков, и мир им кажется вроде шахматной доски. Однако всё самое важное, управляемое и исправляемое, находится внизу, на земле, куда может достать рука. Правильно посади правильное семя в правильный момент, и оно само потянется к небу. А наоборот, сверху вниз, отродясь ничего не вырастало.

Но отпустить Митю к приятелям, пожалуй, было бы и неплохо. Вон как он порозовел. Соскучился по мужским разговорам. Пускай развеется.

— К кому вы хотите его вести?

— К Рылееву. Вы не беспокойтесь, Александра Ростиславовна. Там все пристойно. Это превосходнейший человек, примерный семьянин и к тому же отчасти тоже американец. Он служит правителем канцелярии «Российско-американской компании». Тоже всё о русских соединенных штатах толкует, — подмигнул майор Дмитрию.

— Знаю я ваши пристойности. Мужу много пить нельзя, он назавтра болеет, а нам ехать, — явила строгость Александра.

— Саша, это низко — столько лет поминать один случай! — возмутился Дмитрий.

А Бобрищев приложил ладонь к груди:

— Уверяю вас, сударыня, это совсем не такая компания. Пьем умеренно, беседуем мирно — как у Пушкина, «за чашей пунша круговою», но без излишеств.

— Ладно, ступайте, — смилостивилась она. — Мне надо готовиться в дорогу.

Проводила, села к столу, надела очки, принялась за работу: подвела итог дорожных расходов, составила на завтра список необходимых покупок. Было даже кстати, что Митя ушел и не мешает сосредоточиться. А будет маяться завтра похмельем, на то в аптечке есть порошок от дегидратации и мигрени.

Покончив с хозяйственным, Александра еще долго, до глубокой ночи писала дневник — на корабле из-за качки не получалось, а мыслей накопилось много.

Последние строчки, дописывавшиеся уже в полудремоте, с позевыванием, были такие: «Должно быть, это и есть счастье. Быть всегда вдвоем, совершенствоваться в любимом де́ле, иметь возможность спасти того, кого любишь».

Только бы бабушка меня дождалась, подумала Александра, уже лежа в кровати. Ничего. Если обещала — дождется.

С этой успокоительной мыслью и уснула.

А проснулась уже при свете, то есть по-декабрьскому очень поздно. Поглядела на мужнино место, удивилась, что там пусто. Вспомнила: он ушел в гости к правителю какой-то канцелярии. Должно быть, все же выпил там лишнего и уснул.

Встала недовольная и Митей, и собой. Даже адрес вчера не спросила! Куда отправлять посыльного? Как, бишь, фамилия-то? Пыляев? Пылеев?

ЛЮБОВЬ К КРОКОДИЛАМ

Но сильно не беспокоилась. Все равно снаряженный возок с лошадьми и ямщиком обещались доставить только к трем часам пополудни. Отправляться придется уже в сумерках, но к ночи Александра рассчитывала быть в Чудове. Там сменить упряжку и без промедления ехать дальше. Накатанный снежный путь укачает лучше колыбели.

Вышла на Невский со своим списком и тут уж разозлилась нешуточно. Гостиный Двор закрыт, магазины и лавки на проспекте тоже заперты, хотя понедельник и время самое торговое. Сиеста у них тут, что ли, как в Мексике?

И людей на широкой улице мало, а те, что были, все двигались в одну сторону, к Адмиралтейскому шпилю. Отправилась туда и Александра. Там петербургский downtown: справа царский дворец, слева Сенатская площадь. Может, хоть в самом центре что-нибудь открыто?

Спереди донесся громкий треск, словно стали палить из ружей. Раздались крики толпы. Еще и пушки загрохотали.

Салют, догадалась Александра. У военной державы куча военных праздников. Годовщина какой-нибудь дурацкой победы или еще что-то подобное. Оттого и магазины закрыты. Вот некстати.

Выругалась по-английски крепкими морскими словами, повернула обратно вся кипя.

Придется, видно, покупать провизию и прочее уже завтра, в Новгороде. Муж бы только вовремя вернулся. Если возок прибудет, а Дмитрия нет, пусть потом пеняет на себя. Будет ему и пунша чаша круговая, и пруд с крокодилами.

Мір и война

Том первый
МІР

Глава I. Смерть на міру 7
Глава II. Вымираловская помещица 14
Глава III. Капитан-исправник 21
Глава IV. На горьком месте 31
Глава V. Заседание Синедриона 41
Глава VI. Третья половина души 57
Глава VII. Отгадки и загадки 64
Глава VIII. Мера бед 71
Глава IX. Астрономический календарь 82
Глава X. Одно к одному 92
Глава XI. Двухствольный пистолет 98

Том второй
ВОЙНА

Глава XII. Наталья Овсянница 109
Глава XIII. Ожидательные дни 121
Глава XIV. Звенигородский командан 136
Глава XV. Урок цивилизованности 151
Глава XVI. На Гнилом озере 161
Глава XVII. Юдифь и Олоферн 168
Глава XVIII. Новое слово 180
Глава XIX. Диспозиция 195
Глава XX. Операция «Овес» 206

Том третий
МИР

Глава XXI. Гость в дом 225
Глава XXII. Краса до венца, а ум до конца 235
Глава XXIII. Долг платежом красен 245

Эпилог
DECEMBER

Глава XXIV. Любовь к крокодилам 255

Литературно-художественное издание
әдеби-көркем басылым

История Российского государства
в повестях и романах

16+

Борис Акунин

МІР И ВОЙНА

Роман

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

Зав. группой *М.С. Сергеева*
Ответственный за выпуск *Т.Н. Захарова*
Дизайн обложки *К.С. Парсаданян*
Компьютерная верстка *С.Б. Клещёв*

Подписано в печать 14.08.2020. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 21,93.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург»
Тираж 30 000 экз. Заказ № 6798.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2020 г.

ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,
комн. 705, пом. I, этаж 7

Наш электронный адрес: WWW.AST.RU
E-mail: zhanry@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жулдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз : www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан - ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және
Қазақстан Республикасында наразылықтарды қабылдау
бойынша өкіл – РДЦ «Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90, 91,
факс: 8 (727)251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz , www.book24.kz Тауар белгісі: «АСТ»
Өндірілген жылы: 2020
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

953 =

РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖѢ.

Мирныя предложенія.

1812 ГОДЪ

ООО "Дом книги"

Детективный
роман Бориса Акунина,
действие которого разворачивается
на фоне грозных событий войны 1812 года,
является художественным приложением
к седьмому тому проекта «История
Российского государства».
Такой пары сыщиков в истории
криминального жанра, кажется,
еще не было...

ISBN 978-5-17-082578-3
9 785170 825783
www.ast.ru